

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

Кибериада
Сказки роботов

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Станислав Лем

Кибериада. Сказки роботов

«Издательство АСТ»

1963–1965

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Лем С. Г.

Кибериада. Сказки роботов / С. Г. Лем — «Издательство АСТ»,
1963–1965 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-103089-6

Сатирико-философские рассказы Станислава Лема, собранные в циклы «Кибериада» и «Сказки роботов» и опубликованные с 1964 по 1981 год, повествуют о воображаемой псевдосредневековой вселенной, где место людей занимают роботы. Они мечтают и влюбляются, совершают подвиги и делают друг другу мелкие пакости – точь-в-точь, как представители человечества. Рассказы были переведены на 18 языков, а также удостоились нескольких радиопостановок и 2 анимационных экранизаций.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-103089-6

© Лем С. Г., 1963–1965
© Издательство АСТ, 1963–1965

Содержание

Сказки роботов	6
Сказки роботов	6
Три электрика [1]	6
Урановые уши [2]	9
Как Эрг Самовозбудитель бледнотика одолел [3]	11
Сокровища короля Бискаляра [4]	18
Два чудовища [5]	22
Белая смерть [6]	26
Как Микромил и Гигадиан разбеганию туманностей положили начало [7]	29
Сказка о цифровой машине, которая с драконом сражалась [8]	31
Советники короля Гидропса [9]	35
Друг Автоматя [11]	41
Король Глобарес и мудрецы [12]	50
Сказка о короле Мурдасе [13]	56
Из сочинения Цифротикон, или о девиациях, суперфиксациях и абберациях сердечных	61
О королевиче Ферриции и королевне Кристалле [14]	61
Кибериада	67
Кибериада	67
Как был спасен мир [15]	67
Машина Трурля [16]	69
Большая трепка [17]	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Станислав Лем

Кибериада. Сказки роботов

Сборник

Stanisław Lem

Cyberiada. Bajki robotów

© S. Lem, 1964, 1965

© Перевод. И. Клех, 2018

© Перевод. К. Душенко, 2017

© Перевод. С. Легеза, 2018

© Перевод. А. Громова, 2017

© Перевод. И. Левшина, наследники, 2017

© Перевод. А. Ильф, наследники, 2017

© Перевод. Т. Агапкина, наследники, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Сказки роботов

Сказки роботов

Три электрицаря ¹

Жил-был некогда на свете великий конструктор, без конца изобретавший всякие небывалые приспособления и устройства. Сделал он себе как-то крошечную машинку, умевшую красиво петь, и назвал ее пташинкой. Было у него наноклеймо с изображением храброго сердца, и он метил им на атомарном уровне все выходившее из-под его рук, так что ученые потом недоумевали, что за сердечки мельтешат у них в спектрографах. Им было создано множество полезных машин, больших и маленьких, но вот однажды нашло на него чудачество неразрывно соединить мертвое с живым и тем самым достичь невозможного. Он вознамерился создать разумные существа из воды, но совсем не те кошмарные, как мог кто-то сейчас подумать. Сама мысль о существах с жидкими телами была ему чужда и столь же отвратительна, как для любого из нас. Нет, он намерен был создать существа разумные и по-настоящему прекрасные – то есть кристаллические.

Выбрал он максимально удаленную от всех светил планету, из ее замерзшего океана наколот походя на горный хрусталь глыб льда и из них вытесал крионидов. Так они звались потому, что только в космическом холоде и бессолнечной тьме способны были существовать. Со временем они построили города и ледовые дворцы, а поскольку всякий теплый свет был для них смерти подобен, то для их освещения наловили они и заперли в больших прозрачных сосудах полярные сияния. Те из них, что были богаче, имели сияний больше, с золотистым или серебристым отливом, и тем были счастливы. Все они не только свои сияния обожали, но еще и драгоценные камни, слава о которых далеко разошлась. Камни эти представляли собой замерзший газ, подвергнутый крионидами шлифовке и огранке. Так они скрашивали для себя существование в вечной ночи, где в толщах льда, подобно плененным духам или звездным туманностям, колыхались и мерцали полярные сияния.

Не один космический охотник и завоеватель хотел бы завладеть этими богатствами. Их манил свет Крионии, издали походившей на сверкающий бриллиант, медленно поворачивающийся на подложке из черного бархата. Из самых дальних концов космоса устремлялись сюда авантюристы попытать счастья оружия. Прилетел как-то и электрицарь Медный, шаги которого отдавались, как удары колокола, но едва он ступал на лед, как тот от перепада температуры моментально плавился под ним, так что уже через несколько шагов он камнем пошел ко дну. Его поглотила разверзшаяся и сомкнувшаяся над ним пучина крионского ледового океана, в которую он вмерз до скончания веков, подобно комару в янтаре.

Судьба Медного не испугала других смельчаков. После него прилетел электрицарь Железный, опившийся жидким гелием так, что в нутре его стальном все клочкотало, а заиндеветый панцирь делал его похожим на снеговика. Но при вхождении в атмосферу его корпус раскалился докрасна, и выпитый им гелий со свистом испарился, а сам он свалился на ледовую горку, моментально растаявшую и превратившуюся в кипящий гейзер. Выпуская клубы пара, он с трудом выбрался из него, но, к чему он не прикасался, все немедленно обращалось в белое облачко, из которого сыпался снег. Поэтому он уселся, чтобы остыть, и когда снежинки, наконец, перестали таять на его панцире, попытался встать, чтобы немедленно броситься в бой.

¹ Trzej elektrycyerze, 1964. © Перевод. И. Клех, 2018.

Но не тут-то было – смазка в его суставах замерзла, и он не смог даже распрямиться. Так и сидит он донныне, а опавший снег превратил его в белый пригорок, над которым торчит только острый шлем. Эту горку с той поры зовут Железной, и в глазницах ее поблескивает застывший навечно взгляд.

О печальной судьбе предшественников узнал третий электрицарь, Кварцевый, походивший при свете дня на прозрачную линзу, а ночью видимый только по отражению в нем звезд. Он не опасался, что загустеет и замерзнет смазка его суставов, поскольку не было ее в них, не боялся также, что ледовый покров разверзнется под ним, потому что способен был оставаться холодным по собственному желанию. Единственное, чего он должен был избегать, это мысленного напряжения, от которого разогревался его кварцевый мозг, и это могло его погубить. Поэтому он решил сохранить себе жизнь, прибегнув к бездумности, и благодаря этому одержать победу над крионидами. Он отправился в долгий путь сквозь галактическую ночь и так промерз в дороге, что даже железные метеориты, ударяясь о его грудь, звонко разбивались на мелкие осколки, будто стекло. Опустился на белые снега Крионии электрицарь, похожий на прозрачное зеркало под небом черным, будто горшок со звездами, и только собрался было задуматься, что делать дальше, как снег под ним начал чернеть и превращаться в пар.

– Ого! Никуда не годится! – сказал сам себе Кварцевый. – Ну да ладно, главное ни о чем не думать – и наша возьмет!

И решил он только одну эту фразу повторять при любом затруднении, поскольку она не требовала никакого мысленного усилия от него и не могла повысить температуру. И двинулся Кварцевый через снежную пустыню наобум и бездумно, чтобы холод свой сохранить в целости. Шел и шел так и дошел до ледяных стен столицы крионидов Фригиды. Разбежался он, чтобы головой стену пробить, но ничего у него не вышло – только мелкие льдинки брызнули по сторонам.

– Попробуем иначе! – приободрил он себя и решил задуматься, сколько будет дважды два. Пока он считал, голова его немного нагрелась, и он повторно ринулся в атаку на искрящуюся стену, но сумел только небольшую вмятину на ней оставить.

– Маловато было, – решил он, – попробуем задачу потруднее. А теперь, сколько будет трижды пять?

Над головой его немедленно образовалось облачко пара, потому что от столь напряженной работы мысли падавший на электрицаря снег сразу же с шипением испарялся. Отошел Кварцевый подальше, разогнался что есть мочи и пробил стену навывлет, а за ней еще два ледяных дворца и три здания сиятельных графов Морозовых, размером поменьше, и покатился по скользким ступеням широкой лестницы, пытаясь уцепиться за перила из ледяных сталактитов. Вскочил он на ноги, как ошпаренный, потому что все вокруг него уже таяло, и он рисковал провалиться в разверзшуюся ледяную бездну под городом и остаться в ней навеки.

– Ничего-ничего, только не думать! Наша берет! – ободрил он себя, и действительно, сразу остыл.

Выбравшись из проделанного им во льдах тоннеля, он очутился на большой площади, окруженной прозрачными колоннами, с мерцающими изумрудом и серебром полярными сияниями внутри. И вышел ему навстречу звездоблещущий рыцарь огромный Бореаль, вождь крионидов. Собрался с духом электрицарь Кварцевый и ринулся в атаку. Началась схватка – грохот такой стоял, словно столкнулись две ледяные горы в Ледовитом океане. Отлетела отрубленная у основания сверкающая правая рука Бореаля, но не дрогнул храбрый воин, а только развернулся к врагу грудью широкой, как ледник, которым он и был, по сути. Его противник вновь с разбега обрушился на него со страшной силой и повалил. Кварц был тверже льда и прочнее, и Бореаль рассыпался с таким гулом и стоном, словно сошла лавина в горах. Его обломки лежали у ног электрицаря, отражая свет полярных сияний, ставших свидетелями его поражения.

– Наша взяла! Так держать! – воскликнул Кварцевый и сорвал с побежденного драгоценности умопомрачительной красоты: перстни, украшенные водородом, и пряжки с застежками, искрящиеся, как бриллианты, а на деле изготовленные из трех благородных газов – аргона, криптона и ксенона. Но, пока победитель восторгался своими трофеями, он так от волнения нагрелся, что все эти драгоценности стали растекаться и с шипением испаряться у него в руках, так что ничего в них не осталось, кроме похожих на росу капелек влаги, да и те высохли на глазах.

– Вот оно как – значит, и волноваться нельзя? Ну да ладно, главное – не думать! – заключил электрицарь и отправился дальше покорять город.

Вскоре он увидел в отдалении фигуру, которая по мере приближения к нему становилась все огромнее. То был Альбуцид Белый, Генерал-Минерал, чью широченную грудь покрывали ряды орденских сосулек, и на ледяной перевязи красовалась большая серебряная Звезда Инея. Этот хранитель королевской сокровищницы попытался было преградить путь электрицарю Кварцевому, но тот налетел на него, как ураган, и разнес вдребезги.

Тут на смену Альбуциду появился князь Астроух, властелин черных льдов. С этим грозным воином электрицарю было не справиться, поскольку на нем были дорогие азотные доспехи, гелием закаленные. Стужей от них такой веяло, что у Кварцевого весь запал пропал и движения замедлились, и даже полярные сияния свои краски растеряли, ощутив близость Абсолютного Нуля.

Кварцевый подумал: «Да что ж это такое? Караул!» – и дернулся что есть мочи, чтобы выйти из сковавшего его оцепенения. От порыва такой силы мозг его раскалился, а Абсолютный Ноль вдруг сделался просто Нулем и стал распадаться на части с треском и грохотом, сопровождавшими его агонию. Осталась на поле брани от Астроуха только кучка почерневшего льда со снегом да грязная лужица талой воды, будто наплаканная.

– Ага, наша взяла! – обрадовался Кварцевый. – Теперь только бы не думать! А если понадобится, то думать. Так или иначе, но я должен победить!

Двинулся он дальше, и шаги его звучали так, будто молот крушит кристаллы. Грозный топот по улицам Фригиды пугал ее жителей, и они взирали на пришельца с отчаянием в сердцах из под нависающих шапок снега на крышах. Он мчался, не встречая препятствий, как разогнавшийся метеор по Млечному Пути, когда вдруг заметил вдали небольшую одинокую фигурку. Это был сам Барион, прозванный Ледоустым, величайший мудрец Крионии. Разбежался Кварцевый, чтобы одним ударом и с ним покончить, но тот сделал шаг в сторону и показал ему два расставленных пальца. Не зная, что бы это могло значить, Кварцевый развернулся и снова ринулся на противника. А тот вновь, увернувшись, уступил ему дорогу и показал теперь только один палец. Удивился немного Кварцевый и замедлил бег, но все же развернулся, чтобы повторить разбег. Он был настолько озадачен, что даже не заметил, как с ближайших крыш стала стекать вода, потому что Барион стал показывать ему новую фигуру: в кольцо из двух пальцев одной руки он сунул большой палец другой руки и стал водить им туда-сюда. Кварцевый крепко задумался, не понимая, что эти немые жесты могли означать, и тут разверзлась у него под ногами твердь, и хлынула оттуда черная вода, а он сам немедленно пошел камнем ко дну. Не успел он сказать себе: «Ничего страшного, лишь бы не думать!», – как его уже не было на свете.

Позднее криониды спрашивали Бариона, благодаря его за спасение, что означали знаки, показанные им жуткому электрицарю-бродяге.

– Все очень просто, – отвечал мурец. – Два пальца значили, что нас с ним двое. Один – что сейчас останусь только я. А колечко значило, что вокруг него растопится лед, и черная пучина океана поглотит его навеки. Но он не понял ни первого, ни второго, ни третьего.

– О великий мудрец! – воскликнули изумленные криониды. – Но как же ты решился показывать такие знаки этому страшному злодею?! Только подумай, что было бы, если бы он тебя понял и не удивился?! Он бы не нагрелся тогда и не провалился в бездонную пучину!..

– Ну уж этого я не опасался совсем, – отвечал с холодной усмешкой Барион Ледоустый, – поскольку заранее знал, что он ничего не поймет. Если бы он имел хоть крупицу разума, не прилетел бы к нам. Что пользы существу, живущему под солнцем, от таких драгоценностей, как замерзшие газы или звезды из льда?

Криониды же в очередной раз подивились мудрости своего мудреца и разошлись успокоенные по домам, где царил милый их сердцу холод. С той поры никто больше не пытался напасть на Крионию, ибо перевелись глупцы во Вселенной, хотя некоторые уверяют, что их еще достаточно, только они дороги не знают.

Урановые уши ²

Жил некогда инженер-космогоник, зажигающий звезды, чтобы тьму одолеть. Прибыл он в туманность Андромеды, когда еще полно было в ней черных туч. Сперва скрутил он громадный вихрь, а когда тот закружился, достал Космогоник свои лучи. Было их три: красный, фиолетовый и невидимый. Перекрестил он звездный шар первым лучом, и получился красный гигант, но не стало светлее в туманности. Вторым лучом уколол он звезду, и та побелела. Сказал он ученику: «Присмотри-ка за нею!» – а сам другие звезды пошел зажигать. Ждет ученик тысячу лет и еще тысячу, а инженера все нет. Наскучило ему ждать. Подкрутил он звезду, и из белой стала она голубой. Это ему понравилось, и решил он, что уже все умеет. Попробовал еще подкрутить, да обжегся. Пошарил в ларчике, который оставил ему Космогоник, а в ларчике пусто, и даже как-то чересчур пусто: смотришь – и дна не видишь. Догадался он, что это невидимый луч, и решил расшевелить им звезду, да не знал как. Взял он ларчик и бросил в огонь. Вспыхнули облака Андромеды, словно сто тысяч солнц, и стало во всей туманности светло как днем. Обрадовался ученик, да недолгой была его радость, потому что звезда лопнула. Завидев беду, прилетел Космогоник и, чтобы зря ничего не пропало, начал ловить лучи и из них формовать планеты. Первую сделал он газовую, вторую углеродную, а для третьей остались металлы, всех других тяжелее, и получился из них актиноидный шар. Сжал его Космогоник, запустил в полет и сказал: «Через сто миллионов лет вернусь и погляжу, что получилось». И помчался на поиски ученика, который со страху сбежал.

А на планете той, Актинурии, выросла мощная держава палатинидов. Каждый из них до того был тяжел, что только по Актинурии и мог ходить, затем что на прочих планетах земля под ним проседала, а стоило ему крикнуть, как рушились горы. Но дома у себя ступали палатиниды тихонечко и голоса не смели повысит, ибо владыка их, Архиторий, не ведал меры в жестокости. Жил он во дворце, высеченном из платиновой скалы, а во дворце имелось шестьсот огромных покоев, и в каждом лежало по одной руке короля, настолько он был громаден. Выйти из дворца Архиторий не мог, но повсюду имел шпионов, до того он был подозрителен; и к тому же изводил подданных своей алчностью.

Ночью не нуждались палатиниды ни в лампах, ни в ином освещении, поскольку все горы у них на планете были радиоактивные и даже в новолуние можно было запросто собирать иголки. Днем, когда солнце слишком уж припекало, спали они в горных своих подземельях и лишь по ночам сходились в металлических долинах. Но жестокий владыка велел в котлы, в которых растапливали палладий и платину, бросать куски урана и объявил об этом по всей державе. Каждому палатиниду велено было прибыть в королевский дворец, где с него снимали мерку для нового панциря и облачали в наплечники и шишак, рукавицы и наколенники, шлем

² Uranowe uszy, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

и забрало, и все это самосветящееся, ибо доспехи были из уранового листа; всего же сильнее светились уши.

Отныне палатиниды не могли собираться на общий совет, ведь скопление слишком уж кучное – взрывалось. Пришлось им вести уединенную жизнь и обходить друг дружку подальше из страха перед цепною реакцией. Архиторий же тешился их печалью и все новыми обременял их податями. А его монетные дворы в сердцевине гор чеканили дукаты свинцовые, поскольку свинец был особенно редок на Актинурии и цену имел наибольшую.

Великие беды терпели подданные злого владыки. Иные хотели мятеж учинить и пытались объясниться жестами, но напрасно: всегда оказывался меж них кто-нибудь не слишком смысленный, и, когда он подходил поближе, чтобы спросить, в чем дело, из-за такой его непонятливости весь заговор тотчас взлетал на воздух.

Жил на Актинурии молодой изобретатель по имени Пирон, который наострилсь тянуть из платины проволоку до того тонкую, что годилась на сети для ловли облаков. Изобрел он и проволочный телеграф, а потом такой тонюсенький вытянул проводочек, что уже его не было; так появился беспроволочный телеграф. Надеждой исполнились палатиниды, решив, что теперь-то сплетут они заговор. Но хитрец Архиторий подслушивал все разговоры, в каждой из своих шестисот рук держа платиновый проводник, и знал, о чем говорят его подданные; услышав слово «бунт» либо «мятеж», тотчас насылал он молнии-шаровики, и оставалась от заговорщиков одна лишь лужа пылающая.

Решил Пирон перехитрить злого владыку. Обращаясь к товарищам, вместо «бунт» говорил он «боты», вместо «конспирировать» – «тачать» и так готовил восстание. Архиторий же удивлялся, почему это подданные его занялись вдруг башмачным ремеслом. Не знал он, что когда они говорят «натянуть на колодку», то имеют в виду «посадить на огненный кол», а «тесные башмаки» означают его тиранию. Но товарищи тоже не всегда понимали Пирона, ведь говорить с ними он мог не иначе как башмачною речью. Толковал он им так и этак и, видя их непонятливость, как-то раз опрометчиво телеграфировал: «Шкуру плутониевую дубить» – вроде бы на башмаки. Тут король ужаснулся, ведь плутоний – ближайший родич урана, а уран – тория; недаром сам он Архиторием звался. Немедля послал он бронированных стражников, а те схватили Пирона и бросили его на свинцовый паркет к ногам короля. Пирон ни в чем не признался, однако король заточил его в палладиевой башне.

Всякая надежда покинула палатинидов, но пробил час, и вернулся в их края Космогоник, творец трех планет. Пригляделся он издали к порядкам на Актинурии и сказал себе: «Так быть не должно!» После чего соткал тончайшее и самое жесткое излучение, поместил в нем, как в коконе, свое тело, чтобы дожидалось его возвращения, а сам принял облик бедного солдата-обозника и на планету спустился.

Когда темнотою покрылось все вокруг и лишь далекие горы холодным кольцом освещали платиновую долину, Космогоник попробовал подойти к подданным Архитория, но те его всячески избегали в страхе перед урановым взрывом; он же тщетно гонялся то за одним, то за другим, не понимая, почему они пускаются от него наутек. Так вот кружил он звенящим шагом по взгорьям, похожим на рыцарские щиты, пока не добрался до подножия башни, в которой томился закованный Пирон. Увидел его Пирон сквозь решетку, и показался ему Космогоник, хоть и в обличье скромного робота, не похожим на прочих палатинидов: ибо он не светился во тьме, но был темен, как труп, а все потому, что в доспехах его не было ни крупицы урана. Хотел его окликнуть Пирон, но уста у него были завинчены; только и смог он, что высекать искры, колотясь головой о стены темницы. Космогоник при виде такого сияния приблизился к башне и заглянул в зарешеченное окошко. А Пирон, хоть и не мог говорить, мог звенеть цепями, и вызволил он Космогонику всю правду.

– Терпи и жди, – отвечал ему инженер, – и дождешься.

Пошел Космогоник в самые глухие актиноурийские горы и три дня искал кристаллы кадмия, а нашедши, раскатал их в листы, ударяя по ним палладиевыми бульжниками. Из кадмиевого листа выкроил шапки-ушанки и положил их на пороге каждого дома. Палатиниды, увидев их, удивлялись, но тотчас надевали, ибо дело было зимой.

Ночью появился среди них Космогоник и прутиком раскаленным размахивал так скоро, что получались огненные линии. Таким манером писал он им в темноте: «Можете сходитьсь без опаски, кадмий уберезет вас от урановой гибели». Они же, считая его королевским шпионом, не доверяли его советам. Космогоник, разгневанный их неверием, пошел опять в горы, насобирал там руды урановой, выплавил из нее серебристый металл и начеканил сверкающих дукатов; на одной стороне сиял профиль Архитория, на другой – изображение его шестисот рук.

Нагруженный урановыми дукатами, воротился Космогоник в долину и показал палатинидам диво дивное: бросал дукаты подальше от себя, один на другой, так что выросла из них звенящая горка; а когда добавил дукат сверх положенной меры, воздух содрогнулся, брызнуло из дукатов сияние и обратились они в белый пламенеющий шар; когда же ветер развеял пламя, остался лишь кратер, вытопленный в скале.

В другой раз принялся Космогоник дукаты бросать из мешка, но уже иначе: бросит монету и тотчас прикроет ее кадмиевой плиткой, и, хотя выросла горка вшестеро больше прежней, ничего не случилось. Тут поверили ему палатиниды, сгрудились и с величайшей охотой немедля заговор против Архитория учинили. Хотели они короля свергнуть, да не знали как, ведь дворец окружала огненная стена, а на разводном мосту стояла палаческая машина, и всякого, кто не знал пароля, кромсала она на куски.

Меж тем подошел срок выплаты новой подати, алчным королем установленной. Раздал Космогоник палатинидам урановые дукаты и наказал выплачивать ими подать; так они и сделали.

Радовался король, видя, как много светящихся дукатов сыплется в его сокровищницу, а того он не знал, что не свинцовые они, а урановые. Ночью Космогоник растопил решетку темницы и вызволил Пирона, а когда они молча шли долиной в сиянии радиоактивных гор, которые, словно целое кольцо лун, опоясали горизонт, вдруг вспыхнул ужасающий свет: это громада дукатов урановых в королевской казне превысила меру и началась в ней цепная реакция. Взрыв поднебесный разнес дворец и тушу металлическую Архитория, и мощь взрыва была такова, что шестисот оторванных рук тирана полетели в межзвездную пустоту. Радость воцарилась на Актинурии, Пирон стал ее справедливым правителем, Космогоник же, вернувшись во тьму, извлек свое тело из лучистого кокона и полетел опять зажигать звезды. А шестисот Архиториевых рук донныне кружат вокруг планеты, словно кольцо Сатурново, и чудным сияют блеском, стократ сильнейшим, нежели свет радиоактивных гор, и радостно говорят палатиниды: «Вон Архиторий по небу катится!» Поскольку же многие и поныне катом его именуют, народилось отсюда присловье, которое добрело и до нас после долгого странствия меж островов галактических: «Покатился кат на закат!»

Как Эрг Самовозбудитель бледнотика одолел ³

Могучий король Болидар любил диковины всяческие, собираньем коих без устали занимался, нередко ради них забывая о важных делах государственных. Было у него собранье часов, а среди них часы-плясуны, часы-зорьки и часы-тучки. Еще собирал он чучела существ из самых дальних закоулков Вселенной, а в особой зале, под колоколом стеклянным, помещалось редчайшее существо, называемое Гомосом Антропосом, до невероятия бледное, двуногое, и даже

³ Jak Erg Samowzбудnik Bładawca pokonał, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

с глазами, хотя и пустыми, так что король повелел вложить в них два чудесных рубина, чтобы Гомос красным взором смотрел. Подгуляв, Болидар особенно милых ему гостей приглашал в эту залу и показывал им чудовище.

Как-то раз принимал король у себя электроведа столь дряхлого, что в кристаллах его разум малость уже мешался от старости; тем не менее электровед сей, именуемый Халазоном, был истинный кладезь премудрости галактической. Сказывали, будто знает он, как, нанизывая фотоны на нитки, получать светоносные ожерелья и даже как живого Антропоса поймать. Зная слабость его, король велел немедля открыть погреба; электровед от угощения не отказывался, когда же хлебнул из бутылки лейденской лишку и пронизали корпус его приятные токи, открыл он монарху страшную тайну и обещал изловить для него Антропоса, повелителя одного средизвездного племени. Цену назначил немалую: столько бриллиантов величиною с кулак, сколько будет Антропос весить, – но король и глазом не моргнул.

Халазон отправился в путь, король же начал похваляться перед тронным советом будущим приобретением; а впрочем, все равно не мог уже этого скрыть, ибо в замковом парке, где росли великолепнейшие кристаллы, велел построить клетку из толстых железных прутьев. Тревога вселилась в придворных. Видя решимость владыки, позвали они во дворец двух мудрецов-гомологов, коих король принял с ласковостью, желая узнать, что многоведы эти, Саламид с Таладоном, могут поведать о бледном созданин такого, чего он сам бы не знал.

– Верно ли, – спросил он, едва лишь те, почтительнейше ему поклонившись, поднялись с колен, – что Гомос мягче воска?

– Верно, Ваша Ясность, – ответили оба.

– А верно ли, что щелка, расположенная в нижней части его лица, может издавать различные звуки?

– Верно, Ваше Величество, как верно и то, что в ту же самую щель Гомос запихивает всякие вещи, а после, двигая нижнюю часть головы, которая к верхней шарнирами крепится, размельчает эти предметы и втягивает их в свое нутро.

– Странный обычай; впрочем, я о нем слышал, – молвил король. – Но скажите мне, мудрецы, для чего он так делает?

– В этой материи, государь, четыре существуют теории, – отвечали гомологи. – Первая – что так избавляется Антропос от лишнего яда (ибо ядовит он неслыханно). Вторая – что причиной тому любовь к разрушению, которое ему милее всех прочих утех. Третья – что это он из-за жадности, ибо все поглотил бы, если бы мог. Четвертая...

– Довольно, довольно! – сказал король. – Правда ли, что он состоит из воды, однако же непрозрачен, как эта вот кукла?

– И это правда! Есть у него, государь, в середке множество трубочек склизких, а по ним циркулируют воды: одни желтые, другие жемчужные, но более всего красных – и те переносят смертельный яд, именуемый кислотородом, который чего ни коснется, все обращает в ржавчину или пламя. Оттого-то и сам он переливается жемчужно, желто и розово. Однако, Ваше Величество, покорнейше просим отрешиться от мысли доставить сюда живого Гомоса, ибо тварь сия могущественна и зловредна как никакая другая...

– Ну-ка, растолкуйте мне это пообстоятельнее, – молвил король, делая вид, что готов последовать мудрым советам. На самом же деле он лишь желал насытить великое свое любопытство.

– Существа, к которым принадлежит Гомос, зовутся тряскими, государь. Таковы силиконцы и протеиды; первые консистенции более плотной, и зовут их черствяками, или студенышами; вторые, пожиже, у разных авторов носят разные имена, как-то: липуны, или липачи, – у Полломедера, склизнявцы, или клееватые, – у Трицефалоса Арборубского, наконец, Анальцимандр Медянец прозвал их клееглазыми хляботрясами...

– А правда ли, что даже глаза у них склизкие? – живо спросил король Болидар.

– Правда, государь. Твари эти, с виду немощные и хрупкие настолько, что довольно им упасть с высоты в шестьдесят футов, чтоб расплескаться красною лужей, ввиду прирожденной хитрости и коварства опаснее всех вместе взятых звездворотов и рифов Астрического Кольца! А потому, государь, заклинаем тебя, ради блага державы...

– Ладно, ладно, любезные, – прервал их король. – Идите, а я поступлю с надлежащею осмотрительностью.

Отвесили гомологи глубокий поклон и ушли в тревоге, ибо чувствовали, что не оставил грозного замысла король Болидар.

В скором времени, ночью, звездный корабль привез огромные ящики; тотчас перенесли их в замковый парк, и вот уже отворились золотые ворота для всех королевских подданных; под алмазными кушами, меж яшмовых беседок резных и диковин мраморных увидел народ железную клетку, а в ней существо бледное, гибкое, сидевшее на бочонке, перед мискою с чем-то чудным, что пахло смазочным маслом, однако испорченным – подгоревшим и уже непригодным к употреблению. Но чудовище преспокойнейшим образом окунало в миску что-то вроде лопатки и, набирая с верхом, пропихивало смазанную маслом субстанцию в лицевое отверстие.

Прочитавши надпись на клетке, зрители онемели от ужаса, ибо надпись гласила, что перед ними Антропос Гомос, живой, настоящий бледнотик. Тут давай простонародье его дразнить, и тогда Гомос встал, зачерпнул из бочонка, на котором сидел, и начал плескать в толпу смертоносной водой. Кто побежал наутек, кто хватался за камни, дабы гадину порешить, но стража тотчас разогнала зевак.

О случае этом проведала королевская дочь, Электрина. Видать, любопытством она была вся в отца, поскольку не побоялась приблизиться к клетке, в которой чудище проводило время, почесываясь и поглощая такую бездну воды и масла испорченного, какой хватило бы, чтобы убить на месте сто королевских подданных враз.

Гомос скоро научился разумной речи и даже дерзал заговаривать с Электриной.

Спросила раз королева, что такое белеет у него в пасти.

– Я называю это зубами, – ответил бледнотик.

– Дай хоть один через прутья! – попросила королева.

– А что я за это получу? – спросил он.

– Мой золотой ключик, но лишь на минутку.

– Что еще за ключик такой?

– Мой собственный, коим ежевечерне разум заводится. Ведь он и у тебя должен быть.

– Мой ключик на твой не похож, – ответил бледнотик уклончиво. – А где он у тебя?

– Здесь, на груди, под золотой крышечкой.

– Давай-ка его сюда...

– А зуб дашь?

– Да...

Отвинтила королева золотой винтик, открыла крышечку, вынула золотой ключик и протянула через решетку. Бледнотик жадно его схватил и, хохоча, убежал в глубь клетки. И как ни просила его королева, как ни молила, все было напрасно. Никому не решилась Электрина признаться в своей оплошности и в великой печали вернулась в покои дворца. Поступила она неразумно, да ведь и годы ее были почти что детские. Наутро слуги нашли королеву лежащей без памяти на ложе хрустальном. Прибежали король с королевой и весь их двор, а Электрина лежала словно в глубоком сне, однако разбудить ее никак не могли. Кликнул король кибер-клиницистов, механиков-интернистов, лекарей-ключарей, а те, обследовав королеву, увидели, что крышечка золотая открыта, а ни винтика, ни ключика нет! Шум и гвалт поднялись во дворце, все носились в поисках ключика, но напрасно. Назавтра безутешному королю доложили, что его бледнотик желает с ним говорить о пропаже. Король немедля сам отправился в парк, а стражилице заявило ему, что знает, где обронен королевною ключик, но ска-

жет не прежде, чем король своим королевским словом поклянется дать ему волю и подарит ему корабль-звездодол, чтобы мог он вернуться к своим. Долго не соглашался король, велел обыскать весь парк, но в конце концов принял эти условия. И вот снарядили корабль в полет, а бледнотика вывели под стражей из клетки. Король ждал у звездодола; Антропос, однако ж, сказал, что ничего ему не откроет, пока на палубу не взойдет.

Когда же он там оказался, то высунул голову в окошечко форточное и, показывая сверкающий ключик, закричал:

– Вот он, ваш ключик! Я забираю его с собой, чтобы дочь твоя никогда не проснулась, ибо хочу отомстить за то, что ты меня опозорил, выставив на потеху в клетке железной!

Бухнул из-под кормы звездодола огонь, и корабль умчался ко всеобщему изумлению. Послал король вдогонку самые быстрые космолеты стальные и миголеты, да только команды их воротились ни с чем, ибо хитрый бледнотик запутал следы и ушел от погони.

Понял король Болидар, как оплошал он, не послушавшись гомологов-мудрецов, да крепок был только задним умом. Лучшие ключники-заводилы старались ключик под замок подогнать, Главный коронный ключмейстер, обточники и замочники королевские, сталедворцы и златодворцы, киберграфы-искусники – все съезжались умение свое выказать, однако впустую. Понял король, что надобно ключик, бледнотиком увезенный, сыскать, иначе навеки покроются тьмою дочернины чувства и разум.

И возвестил он по всему государству, что так, мол, и так, антропический Гомос-бледнотик ключик золотой умыкнул, и кто оного Гомоса изловит или хоть ключик животворный отыщет и королевну разбудит, возьмет ее в жены и вступит на трон.

Тотчас съехались толпами смельчаки всякого рода. Были среди них электричари славные, были прощельги и плуты, астроворы и звездодолапы; прибыл во дворец Хранислав Мегаватт, знаменитый осциллятор-рубака, с такой невероятной обратной связью, что никто в поединке не мог пред ним устоять; прибывали витязи-самодейцы из самых дальних сторон: два Автоматея-поспешника, закаленные в сотне сражений, Протезий, достославный конструктор, который иначе как в двух искроглотах, одном черном, другом серебряном, не хаживал; приехал Арбитрон Космозофович, из пракристаллов построенный, с фигурой изумительно стрельчатой, и Палибаба-интеллектик, который на сорока робослах в осьмидесяти сундуках привез старую цифровую машину, от мышления проржавевшую, но мозговитости редкостной. Прибыли трое мужей из рода Селектритов, Диодий, Триодий и Гептодий, у коих в мозгах царила такая абсолютная пустота, что мышление их было черным, как беззвездная ночь. Прибыл Перпетуан, в доспехах лейденских с головы до пят, с коллектором, потемневшим в трехстах битвах; прибыл Матриций Перфорат, который дня не мог прожить без того, чтоб кого-нибудь крепко не поцифровать, и с собою привез непобедимого ловкодава по кличке Ампер. Съехались все, а когда замковый двор был уже полон, прикатил к его воротам бочонок, а из него наподобие ртутных капель вытек Эрг Самовозбудитель, способный любые принимать формы.

Попировали герои, озарив собой дворцовые залы, так что перекрытия мраморные зарозовели, словно облачка на вечерней заре, и отправились каждый своей дорогой, чтобы бледнотика отыскать, на бой его вызвать смертельный и ключик добыть, а с ним – королевну и трон Болидаров. Первый, Хранислав Мегаватт, полетел на Кольдею, где обитает племя желейников, ибо замыслил взять у них языка. Нырнул он в их жиже желейной, ударами телеуправляемой шпаги прокладывал себе дорогу, но ничего не добыл, затем что слишком уж распалился, и отказало у него охлаждение, и нашел несравненный рубака могилу среди чужих, а доблестные его катоды нечистая жижа желейников поглотила навеки.

Двое Автоматеев-поспешников попали в страну радомантов, которые из газов светящихся зданья возводят, лучетворчеством пробавляясь, а скарены они до того, что ежевечерне пересчитывают все атомы своей планеты; плохо приняли скупцы-радоманты Автоматеев: показали им бездну, полную ониксов, малахитов, аметистов, шпинелей, а когда прельстились

сокровищами электрицари, побили их радоманты камнями, обрушив с высот самоцветов лавину; и когда катилась она, сияние залило всю окрестность, словно при падении стоцветных комет. Ибо были радоманты с бледнотиками в тайном союзе, о котором никто не знал.

Третий, Протезий-конструкторист, добрался, после долгих странствий сквозь мрак средизвездный, до страны альгонцев. Там блуждают каменные метеоритные грады; врезался в неиссякаемую их череду корабль Протезия и с разбитыми рулями дрейфовал по глубинам, а когда приближался к дальним солнцам, пятна света ошупывали зрачки смельчака-горемыки. Четвертому, Арбитрону Космозофовичу, поначалу посчастливилось больше. Проскочил он теснину Андромедскую, прошел четыре спиральных вихря Гончих и выплыл в спокойную пустоту, удобную для звездоплавания светового; и сам, как пламень резвый, на руль налегал и, пламенеющим хвостом отмечая свой путь, пристал наконец к берегам Виртуозии, где меж метеоритных камней увидел разбитый остов корабля, на котором отправился в путь Протезий. Похоронил он корпус конструкториста, словно при жизни могучий, сверкающий и холодный, под базальтовой грудой, но прежде снял с него оба искроглота, серебряный и черный, чтобы щитами ему служили, и пошел напрямик. Дикой и гористой была Виртуозия, то и дело громы-хали на ней камнепады да мелькали серебряные побеги молний в тучах, над безднами. Витязь забрался в страну ущелий; здесь, в малахитовом зеленом яру, напали на него палиндромиты. Молниями секли его с высоты, а он отражал их удары щитом-искроглотом; тогда передвинули они вулкан, жерло навели ему в спину и пальнули огнем. Пал рыцарь, кипящая лава хлынула в его череп, и вытекло из него все серебро.

Пятый, Палибаба-интеллектрик, никуда не отправился, а, остановившись тут же за границей Болидарова королевства, пустил робослов на звездные пастбища; сам же принялся машину монтировать, налаживать, программировать и между осьмьюдесятью ее сундучищами бегать, а когда насытились они током и набухла машина разумом, начал он ей задавать вопросы, строгим манером обдуманые: где обитает бледнотик? как к нему путь отыскать? как его одурачить? как в сети поймать, чтобы ключик отдал? А так как ответы были неясные и уклончивые, распалился он гневом и такую задал машине трепку, что медь ее разогрелась и стала вонять, и до тех пор охаживал он ее и дубасил, восклицая: «А ну, говори мне всю правду, проклятая! Цифрушенция старая!», пока контакты ее не расплавились, и потекло с них серебряными следами олово, и охладительные трубы с грохотом лопнули, перегревшись, и остался стоять он, взбешенный и с палкой в руке, над почерневшим остовом.

Пришлось ему ни с чем возвращаться. Заказал он машину новую, но увидел ее лишь через четыреста лет.

Шестым был поход селектритов. Диодий, Триодий и Гептодий принялись за дело иначе. Имея запасы неистощимые трития, лития и дейтерия, порешили они форсировать взрывами тяжелого водорода все дороги в страну бледнотиков. Только не знали они, где начало этим дорогам. Хотели спросить огнеглавых, но те укрылись за золотыми стенами стольного града и пламенами отбрыкивались; пошли бесстрашные селектриты на приступ, дейтерия и трития не жалея, так что пекло разверзшихся атомных ядер в самые звезды небу заглядывало. Стены града сверкали золотом, но в огне открылась их истинная природа: были они воздвигнуты из пиритов-искритов и теперь превращались в желтые тучи серного дыма. Там пал Диодий, затоптанный огненными, и брызнул разум его, как букет многоцветных кристаллов, осыпая панцирь. Схоронили его в гробнице из черного оливина, и отправились витязи дальше, к границам Огнепального царства, коим правил царь Астроцид-звездобойца. Была у него сокровищница, полная огненных ядер, содранных с белых карликов, да таких тяжелых, что только страшная сила магнитов дворцовых удерживала их от падения сквозь землю, в самую глубь планеты. Тот, кто на планету ступил, не мог ни рукой шевельнуть, ни ногой, ибо преогромное тяготение сковывало вернее, нежели болты и цепи. Тяжко пришлось Триодию с Гептодием; Астроцид, завидев их у замковых бастаионов, стал выкатывать белых карликов одного за другим и огне-

дышащие их туши витязям прямо в лицо пускать. Все же одолели они его, а он им открыл, какая дорога ведет к бледнотикам, но обманул их, затем что и сам он дороги не знал, а только хотел избавиться от страшных воителей. И вошли они в черную сердцевину тьмы, где Триодия неведомо кто застрелил из пищали антиматерией – может, кто-то из кибернюхов-охотников, а может, то был самопал, поставленный на комету бесхвостую. Как бы то ни было, Триодий исчез, успев только выкрикнуть «Аврук!!!», любимое слово, боевой клич его рода. Гептодий же упорно пробивался вперед, но и его ожидала печальная участь. Застрял его корабль меж двумя гравитационными вихрями, Бахридой и Сцинтией именуемыми; Бахрида время уско-ряет, а Сцинтия замедляет, и есть между ними промежуток стоячий, в котором минуты ни вперед, ни назад не текут. Замер там Гептодий живьем и висит, вместе с бессчетными фрега-тами и галионами прочих астровитязей, пиратов и мракоходов, ничуть не старея, в безмолвии и пружестоккой скуке, имя которой Вечность.

А когда закончился горестно поход троих селектритов, Перпетуан, киберграф Балам-ский, коему надлежало отправляться седьмым, долго не трогался в путь. Долго сей электры-царь в поход снаряжался, все более острые прилаживая себе громоотводы, выбирая все более смертоносные искрометы, огнеплювы и врагокосилки; по натуре весьма рассудительный, задумал он идти во главе верной дружины. Стекались под знамена его конквистадоры, немало яви-лось безроботов, которые, иного не имея занятия, охотники были повоевать. Сформировал из них Перпетуан галактическую кавалерию, отличную, тяжелую, бронированную, которую кибер-кирасирами, иначе киберасирами, именуют, и несколько летучих гусарско-слесарских отрядов. Однако при мысли, что должно ему идти и жизнь положить в неведомых странах, что в какой-то луже случайной он во ржу обратится, подогнулись под ним железные голени, грусть-кручина его одолела, и воротился он тотчас домой, из горести и стыда слезы роняя топазовые, ибо был он вельможа могущественный, с душою, сокровищ полной.

Предпоследний же, Матриций Перфорат, разумно взялся за дело. Слышал он о стране пигмелиантов, робокарликов, род которых возник из промашки конструкторской: поскольз-нулся рейсфедер на чертежной доске и с матричной формы сошли они горбатыми все до еди-ного, а поскольку переделка не окупалась, так уж оно и осталось. Как другие собирают сокро-вища, так они собирают знания, за что и прозвали их охотниками за Абсолютом.

Мудрость их в том состоит, что они копят знания, не пользуясь ими; к ним-то и напра-вился Перфорат, однако не военным манером, но на галионах, палубы коих ломались от все-возможных даров; решил он снискать их милость облачениями богатыми, позитронами изу-крашенными и нейтронным дождем пронизанными, вез им атомы золота в четыре кулака толщиной и бутылки, в коих колыхались редчайшие ионозефиры. Но не прельстились пигме-лианты даже пустотой благородной, расшитой волновыми узорами красивейших спектров аст-ральных; и напрасно он в гневе грозился спустить на них электрычащего своего ловкодава. В конце концов дали они ему провожатого, но тот был мириадоруким вьюном и все направления сразу показывал.

Прогнал его Перфора *Tun* устил ловкодава по следу бледнотиков, да только след оказался ложным; калиевая там пробежала комета, а ловкодав простодушный, Ампер, калий принял за кальций, из коего преимущественно и состоит бледнотиковый скелет. Отсюда ошибка. Долго блуждал Перфорат среди солнц все более темных, ибо забрался в древнейшие урочища Кос-моса.

Шел он сквозь анфилады гигантов пурпурных, пока не увидел, что его звездоход вме-сте с безмолвною свитою звезд в зеркале отразился спиральном, в сереброкожем рефлекторе; удивился он и на всякий случай взял в руки гасильник Сверхновых, купленный у пигмелиан-тов, чтоб уберечься от нещадного зноя на Млечном Пути; не знал он, что видит, а это был узел пространства, его наиплотнейший факториал, даже тамошним моноастритам неведомый; только и известно о нем, что кто туда попадет, уже не вернется. Неизвестно поныне, что стало

с Матрицием в этой мельнице звездной; верный его Ампер один прибежал домой, тихонько вой на пустоту, а его сапфировые глазщицы таким полыхали ужасом, что никто не мог заглянуть в них без дрожи. Однако же ни гасильников, ни Матриция никто с той поры не видал.

Последним отправился в одинокий поход Эрг Самовозбудитель. Не было его год и еще шесть недель. Когда же вернулся, поведал о странах, никому не известных, – о стране перискоков, что строят кипящие ядометы; о планете клейстерооких – те сливались у него на глазах в ряды черных валов, ибо так поступают они в опасности, а он надвое их рассекал, пока не обнажилась известковая скала, их кость; когда же одолел он их мордопады, оказался прямо перед мордой громадной, вполнеба, и ринулся на нее, чтоб дорогу узнать, и лопалась кожа ее под ударами его огнемечущего меча, и обнажались сплетающиеся, белые заросли нервов. Сказывал он о планете из чистого льда, прозрачайшей Аберриции, которая, наподобие лупы алмазной, вмещает картину целого Космоса; там срисовал он дорогу в страну бледнотиков. Толковал об Алюмнии Криотрической, стране молчания вечного, где видел лишь сияние звезд, в макушках подвешенных ледников отраженное, о королевстве бесформенных мармелоидов, которые финтифлюхи кипящие лепят из лавы, об электропневматиках, что в парах метана, в озоне, хлоре и дыму вулканическом искру разума могут разжечь и неустанно бьются над тем, как мыслящий гений в газ воплотить. Рассказывал, как пришлось ему, чтобы проникнуть в страну бледнотиков, высадить двери солнца, называемого Головою Медузы, и как, снявши оные с хроматических петель, он сквозь звездное нутро пробежал, сквозь сплошные ряды лилового и бело-голубого огня, а доспехи на нем от жара свивались. Как тридцать дней кряду старался он отгадать слово, коим приводится в действие катапульта Астропрокионии – единственные врата в студеное пекло тряских существ; как он среди них наконец очутился, а те пытались уловить его в липкие тенета свои, выбить из головы у него ртуть или довести до короткого замыкания; как завлекали его, показывая звезды-уродцы, но то было якобы-небо, а настоящее они из хитрости спрятали; как пытками хотели вытянуть из него его алгоритм, когда же он все это выдержал, заманили его в западню и скалой магнетитовой придавили, а он в ней тотчас размножился в бессчетные полчища Эргов, крышку железного гроба сдвинул, наружу вышел и строгий суд чинил над бледнотиками – месяц и еще пять дней; как последним усилием бросили они на него гусеничных панцирных чудищ, бронеползами именуемых, но и это их не спасло, ибо он, не остывая в запале бойцовском, рубил, колот и крошил и так их умучил, что они того негодяя, бледнотика-ключекрада, приволокли прямо к его стопам, а Эрг отсек его мерзкую голову, тушу выпотрошил и нашел в ней камень-трихобезоар с надписью на хищном бледнотиковом наречии, и из надписи этой узнал, где обретается ключик. Шестидесят семь солнц, белых, голубых и рубиново-алых, распорол Самовозбудитель, прежде чем натолкнулся на нужное и ключик нашел.

О том, что с ним приключилось на обратном пути, о битвах, которые пришлось ему выдержать, он уже говорить не хотел, так его влекло к королевне, да и к свадьбе с коронацией тоже. С великою радостью король с королевой провели его к дочери, которая молчала, как камень, объятая сном. Эрг склонился над ней, возле крышечки открытой поколдовал, что-то туда воткнул, покрутил, и вдруг королевна, к восхищению матери, короля и придворных, глаза приоткрыла и улыбнулась спасителю своему. Эрг крышечку закрыл, залепил пластырем, чтобы не открывалась, и пояснил, что винтик он отыскал тоже, да обронил его в битве с Полеандром Партобоном, кесарем Ятапургии. Но никто этому значения не придал, а напрасно, ведь тогда увидели бы король с королевой, что никуда он не отправлялся, а просто с малолетства владел искусством открывать любые замки, благодаря чему и завел королевну Электрину. Так что не изведал он ни одного из описанных им приключений, а лишь переждал год и еще шесть недель, чтобы кто не подумал, что слишком уж скоро отыскалась пропажа, а вдобавок желал увериться, что никто из соперников его не вернулся. Лишь тогда явился он ко двору Болидара, королевне жизнь возвратил, взял ее в жены и на троне Болидаровом правил долго и счастливо,

и обман его никогда не открылся. Отсюда и видно, что не сказку мы рассказали, а быль, ибо в сказках добродетель всегда побеждает.

Сокровища короля Бискаляра ⁴

Король Бискаляр из Ципрозии славен был богатствами немереными, накопленными в его дворце. В сокровищнице своей имел он все, что только можно скопить из золота белого и желтого, из урана и платины, из амфиболита, рубинов, ониксов и аметистовых кристаллов. Любил он бродить по колени в драгоценностях и бриллиантах и говорил, что нет такой ценной вещи, каковой бы он ни обладал.

Весть об эдакой королевской надменности дошла до одного знаменитого конструктора, который некогда был великим складовщиком и закройщиком Виздомара, господина Диад и Триад, звездных шаровых скоплений. Отправился конструктор ко двору Бискаляра и там приказал отвести себя пред лицо короля, а когда увиделись они в тронном зале, где король сидел на кресле, из двух гигантских бриллиантов вырезанном, то не стал конструктор дивиться золотым плиткам пола, черным агатам украшенным, но сказал королю напрямик, что если тот покажет ему список своих драгоценностей, то тогда он, конструктор Креаций, тут же покажет королю драгоценность, какой нет в сокровищнице.

– Хорошо, – сказал Бискаляр, – но ежели тебе такое не удастся, то магнитами стану тебя по серебряному моему подворью волочить, золотые гвозди в тебя вколочу, а череп твой, в иридий оправленный, повешу после на солнечных вратах хвастунам на устрашение!

И тотчас принесли список королевских богатств, который сто сорок электронных писцов шесть лет в наивысшей поспешности писали.

Креаций приказал отнести фолианты в черную башню, что король отдал ему на три дня на проживание, и затворился там, а на второй день встал перед Бискаляром. Король же к приходу его такими сокровищами себя окружил, что от бело-золотых отблесков слепли глаза; но Креаций, не обратив на то внимания, попросил, чтоб принесли ему корзинку обычного песка, земли или мусора. Когда же сделали так, высыпал он серо-бурую массу на золото пола и воткнул туда вещицу, которую держал двумя пальцами – столь мелкую, что походила она на негаснущую искорку. Искра тотчас вгрызлась в серую кучку, и на удивленных глазах Бискаляра превратила ее в живой бриллиант, что рос, пульсируя светом, звуча, делаясь все больше и прекрасней, пока не затмил мертвую красоту драгоценностей, а присутствующим пришлось зажмурить глаза, пораженным красотой, чей избыток оказались они не в силах вынести – а та еще и увеличивалась. Тут и сам король прикрыл лицо и крикнул: «Довольно!», – а Креаций-конструктор поклонился и вторую – черную – искорку положил на распутившемся самоцвете, и тот в единый миг снова стал лишь серо-бурым комком спекшейся земли.

Тогда великий гнев и зависть охватили короля Бискаляра.

– За то, что ты меня посрамил, грозит тебе казнь от моей руки, – сказал он. – Но чтобы не говорили, будто я тебя подло пленил и, противу слова моего королевского, приказал волочить и четвертовать, дам я тебе три испытания. Ежели выйдешь из них в целости и сохранности, отпущу тебя на свободу подобру-поздорову. Но если испытаний тех не одолеешь, горе тебе, пришелец!

Ничего не сказал Креаций, стоял спокойно, а Бискаляр продолжил:

– И вот первое испытание: если ты, как похвалялся, все можешь сделать, то войди в мою подземную сокровищницу нынче ночью. А чтобы мог ты доказать, что добрался до самого ее сердца, скажу тебе: в ней – четыре уровня. И последний из них – бел как снег и пуст; одно

⁴ Skarby kro`la Biskalara, 1964. © Перевод. С. Легеза, 2018.

лишь бриллиантовое пустое яйцо там стоит, а в нем – металлический шар. Завтра в полдень прибудь во дворец и яви его мне. Теперь же можешь идти.

Поклонился Креаций и вышел. А Бискаляр, жесткосердный, тем самым приготовил ему ловушку, ибо, даже если б конструктор сумел пробраться в сокровищницу, не смог бы он оттуда вынести металлический шар, поскольку был тот вырезан из чистого радия и страшнейшим излучением жег стены и мучил любой разум и за тысячу шагов.

Когда настала ночь, вышел Креаций из своей башни. Отправился ко дворцу и поодаль от цепочки стражи, что перекрикивалась со стен, сунул руку за пазуху, вынул маленькую шкапулку да положил на ладонь три искорки – и дохнул. Искорки те ярились белизной светложемчужной, объяли облаками охранников, и встал такой туман, что и в шаге ничего не было видать. Прошел Креаций меж стражей и спустился лестницей вниз, до самого зала, чей свод был из халцедона, стены из хризоберилла, а пол из изумрудов, отчего выглядел словно озеро промеж благородных скал; конструктор же узрел там дверь в сокровищницу, а перед нею черную членистоногую машину, а воздух над спиной ее выгибался, как над раскаленным стеклом.

– Скажи мне, – сказала машина, – что за место, где нет ни стен, ни запоров, ни решеток, но которого никто никогда не покинул и не покинет?

– Это место – Космос, – ответил конструктор.

Машина покачнулась на восьми ногах, да и пала на изумрудный пол с таким громом, словно кто обрезал часовые цепи, и противовесы их покатались по хрусталу. Креаций переступил ее, достал пурпурную искру и подошел к двери сокровищницы, сделанной из одного титанового блока. Выпустил он искру, что закружилась огненно и юркнула в замочную скважину. Через секунду высунулся оттуда белый зубец. Креаций взялся за него, потянул, да и вынул пучок не то побегов, не то струн, которые из искры развились. Взглянул на него и прочел весть, что была там заключена.

«Славный, должно быть, мастер служил Бискаляру, – подумал, – если уж сумел поставить на сокровищницу замок атомный».

Ибо сокровищница и в самом деле не имела другого ключа, как только из атомного облачка; следовало этот газовый ключ выдохнуть в скважину, причем атомы редчайших элементов, гафния, технеция, ниобия и циркония, проворачивали штифты в определенном порядке, чтобы гигантские запоры вышли из своих гнезд, подталкиваемые электрическим током. Вышел конструктор из темного преддверия сокровищницы, покинул город и стал собирать в горах планеты нужные для дела атомы.

– Вот есть у меня шестьдесят миллионов ниобиевых, – сказал он себе за час до рассвета, – вот есть миллиард и семь штук циркониевых, и вот сто шестнадцать гафниевых, но откуда взять мне технеций, если ни одного атома нет на этой планете?

Обратил конструктор взгляд к розовеющему небу, что обещало уже скорый восход солнца, и вдруг улыбнулся, поскольку понял, что атомы эти находятся на солнце. Хитрый Бискаляр спрятал ключ от своей сокровищницы на солнечной звезде! Креаций достал из поясной своей коробочки невидимую искру (была та из самого жесткого излучения) и выпустил ее из раскрытой ладони к белизне встающего солнца. Та зашипела коротко – и исчезла. Не прошло и пятнадцати минут, как задрожал воздух от атомов технеция, поскольку жар солнечный был еще в них, из самого солнца принесенных. Поймал их конструктор, как ловят жужжащее насекомое, закрыл вместе с другими в коробочке и отправился во дворец, поскольку время уже подгоняло.

Туман все еще поднимался, а потому стража не видела, как он бежал в подземелье и ключ газовый в замок задувал. Он же слышал, склонившись, как шелкают штифты, однако дверь даже не дрогнула.

– Неужто ошиблась искорка? Такое может головы мне стоить! – сказал Креаций и гневно ударил кулаком в дверь, и тогда последний атом технеция, с солнца принесенный, не до конца

еще остывший и из-за того спутавший дорогу, провернул упрямый штифт, и дверь сокровищницы, что толщины была такой же, как и ширины, отворилась тихо.

Креаций вбежал внутрь, миновал комнату, зеленую от изумрудов, словно океан соленый, и вторую, синюю от сапфиров, словно в небо погруженную, и третью, что колола глаза радужными иглами, бриллиантовую, пока не встал он в зале, как снег, белом, и яйцо бриллиантовое увидел, но сила излучения тут же помутила его рассудок, и потому он присел и скорчился на пороге, только теперь поняв королевское коварство.

Рассыпал он тогда вслепую из коробочки искры серые и черные, словно ночь, а те развернулись в пушистую стену, окружив его, и так-то он пошел к бриллиантовому яйцу. Так же он и возвращался, словно тучей лохматой окруженный, неся радиевый шар; закрыл дверь в сокровищницу и отправился во дворец, поскольку городские куранты принялись уже отбивать двенадцать, и Бискаляр потирал руки при мысли, как станет он волочить магнитами конструктора-насмешника.

Но раздались звонкие шаги и вспыхнуло сияние: это Креаций вошел в зал и покатил радиевый шар по полу так, что покатился тот к престолу королевскому, а по дороге меркло сияние драгоценностей и стены меркли от молчаливого излучения. Задрожал король, вскочил и спрятался за спинку трона. Сорока сильнейшим электрицарям пришлось, прикрываясь свинцовыми щитами, медленно приблизиться на четвереньках к шару, жутко пылавшему, и, подталкивая его копиями, выкатить прочь из комнаты.

Тогда пришлось королю Бискаляру признать, что выполнил Креаций первое задание, и гнев, поднявшийся в сердце его, не знал предела.

– Поглядим, справишься ли со вторым, – сказал он. Приказал тотчас же взять его на борт космоплава, что направлялся к Луне, а был се шар пустынный, череп голый и мертвый, дикими скалами ощеренный. Там-то командир космоплава и сбросил Креация на скалы и сказал ему:

– Выберись отсюда, коли сумеешь, и завтра утром пред лицом короля предстань! А если не сумеешь – погибнешь!

Поскольку, даже если бы никто не прибыл покарать Креация, не сумел бы тот выжить в столь жуткой пустыне. Когда же остался он один, принялся исследовать враждебное место, где его оставили. Потянулся за испытанными искорками, однако не нашел их. Как видно, пока он спал, обыскали по королевскому приказу его одежду и украли спасительную коробочку.

– Нехорошо это, – сказал он себе. – Но пока что и не слишком худо. Потому что неминуемо проиграл бы я тогда лишь, когда б ум мой у меня украли!

На Луне был океан, совершенно замерзший. Конструктор камнем кремниевым, заострив тот, вырубил из льда немало плит и выстроил из них островерхую башню; потом одну плиту ледяную выгладил как линзу, собрал ею солнечные лучи, чтобы падали они на поверхность замерзшего океана, а когда в фокусе заискрилась вода, черпал ее Креаций руками и обливал ледяную башню. Вода замерзала, стекая, и спаивала ледяные плиты, облекая их поверхностью сверкающей и гладкой; и наконец встал конструктор перед ракетой кристаллической, из белого льда возведенной.

– Корабль у нас есть уже, – сказал. – Теперь лишь движитель нужен...

Обыскал он всю Луну, но и следа не нашел ни урана, ни других каких мощных элементов.

– Беда, – сказал он. – Но делать нечего, придется собственный разум надщербить...

И открыл свою голову. Ибо мозг его не из материи был сделан, но из антиматерии, и при функционировании его только тончайший слой магнитного отталкивания между стенками черепа и мыслительными кристаллическими полушариями удерживал. Вырезал Креаций отверстие в ледяной стене, вошел в ракету, затворил за собой дыру, водой полил, чтоб замерз вход, сел на ледяное дно и крошку, мельчайшую, словно песчинку, из головы взяв, бросил на лед перед собою.

Тотчас же страшная вспышка осветила его ледяную тюрьму, ракета затряслась, сквозь выбитое в дне ее отверстие рванулся огонь – и полетела ракета в пространство. Но ненадолго хватило ее разгона. Пришлось Креацию снова отщипнуть от разума своего, а потом и в третий раз, и в четвертый, и уже с опаской, ведь ощущал он, как уменьшается из-за этого и слабеет мозг. Но ракета как раз в ту пору добралась до планетарной атмосферы и стала падать, а трение воздуха растапливало ее, так что становилась она все меньше – но и все медленнее падала, пока не осталась от нее закопченная сосулька, но Креаций уже утвердился ногами на планете, голову закрыл, залудил и пошел быстро во дворец, поскольку часы уже отбивали двенадцать.

Остолбенел король, заискрились у него щеки и глаза, а лоб потемнел, окаленный кипящим гневом, поскольку был-то он уже уверен, что Креаций не вернется, если своих искропомощниц лишился. Ведь король самолично велел затворить их в сокровищнице.

– Ладно! – сказал. – Пусть и так! Вот же тебе третье испытание – и довольно легкое, как полагаю... Открою врата города, чтоб ты выбежал из них, а по следу твоему пошлю свору роботов охотничьих, дабы они тебя гнали и рвали сталью на куски. Если сумеешь сбежать от них и встанешь предо мной завтра в эту самую пору, будешь свободным!

– Хорошо, – ответил конструктор, – но сперва прошу тебя дать мне шпильку...

Рассмеялся король:

– Пусть и так будет, чтобы не говорили, будто я отказал тебе в милости. Подать же ему золотую шпильку!

– Прощу, чтобы дали мне простую, железную...

А когда получил ее, выбежал из города так быстро, что ветер свистел вокруг его головы. Засмеялся злобно король, глядя с крепостной стены на большую ту поспешность, ведь был уверен, что ничего конструктору не поможет. А тот мчался, разбрасывая песок ногами – и все время держал на запад. Таким-то образом пересек он магнитные линии планеты, дабы кончик шпильки его намагнитился, и когда подвесил он ее на нитке, из одежды выдернутой, закружилась шпилька и указала на север.

– Вот теперь есть у нас компас, вот и ладно, – сказал конструктор и прислушался, поскольку ветер донес до него звуки топота.

Это стая железных роботов выскочила из ворот с громким лаем и хриплым граем, мчась по следу его так, что даже пыль на горизонте встала столбом.

– Будь мои искорки при мне, – сказал Креаций, – я бы с тем быстро управился, гвоздики вы мои быстрые, но как-то да справлюсь с вами – благодаря тебе, шпилечка!

И побежал дальше так быстро, как только мог, внимательно за ней следя.

Ловчие королевские поставили стаю на его след так хорошо, что рванули гончие, словно кто метеор метнул; оглядываясь, видел конструктор, что вот-вот они его догонят, поскольку были то охотничьи роботы высокого напряжения и быстрого хода, приученные специально к выслеживанию. Солнце ржаво светило сквозь песчаную тучу, их галопом поднятую, и только и было что слышать, как скрежещут они отчаянно шестеренками.

– Пустынный какой-то край, – сказал себе конструктор, – но сдастся мне, что где-то неподалеку должен быть здесь рудник железный...

Подказала ему это шпилечка, чуть отклонившись от севера, куда дотоле указывала.

И побежал конструктор в ту сторону, и скоро увидел шахту давным-давно покинутого рудника. Камень не скатывается по горному склону так быстро, как он скатился в бездну, лишь краями одежд голову завернув, чтобы она, кристаллическая, не раскололась.

Подбежали роботы к пустой шахте, крикнули железными своими голосами, почуяв след, и ринулись вниз.

Конструктор же вскочил на ноги и побежал штреком, вырезанным в магнетитовой скале, но делал это особым образом: раз проскользнул, раз подскочил, будто весело ему, притопывал, словно в танце, искры подковками высекал, платком о скалу бил – так, что пыль ржавая

встала, тучей скальные ходы наполнив. Роботы ворвались в эту тучу, и тут же мельчайшие опилки железные попали им в члены, так, что заскрипели их суставы, проникли в мозги их тяжелые, так, что и в глазах их заискрило, засорились их коллекторы, суставы и подшипники пылью железной, и потому бежали они, раскачиваясь от коротких замыканий, словно в икоте – и бежали все медленнее, а некоторые, одурев совершенно, башками в стены бились так, что из расколотых забрал выскакивали провода. А когда какой падал, то другой его стаптывал, чтобы и самому тотчас же скопытиться. Но другие продолжали за Креацием гнаться, тот же не переставал пыль железную поднимать. Не пробежал он и мили, как уже лишь трое железяков – едва живых – бежали следом, да и те раскачивались, будто пьяные, и сталкивались с таким треском, словно кто пустые железные бочки друг на друга пускал.

Встал конструктор во тьме и увидел, что двое уже бегут за ним – как видно, головы были у них крепче, чем у остальных.

– Плохо свора эта сделана, – сказал он себе, – если лишь двое не боятся пыли! Но и этих надобно победить...

Пал он на землю, весь в железной пыли вымазался, побежал навстречу гончим и крикнул:

– Стоять, именем короля Бискаляра!

– Кто ты таков? – спросил первый робот и втянул воздух в ноздри стальные – но лишь железо почуял, и ничего более.

– Робот я огнем каленный, током издали ведомый, клепаный с любого бока, в изоляции от тока, станьте тотчас предо мной, словно лист перед травой, да узрите чугунами, каков воин перед вами, как сверкает дух стальной перед вами под горой, глядя пристально сюда, а то будет вам беда, а кто слушаться не станет – трупом электронным станет!

– Так что же нам, собственно, делать? – спросили роботы, поскольку слова конструктора совершенно их ошеломили.

– Падите на колени! – пояснил им конструктор. Грохнулись они тогда на землю, он же, наклонившись, воткнул одному и второму шпильку в голову так, что фиолетовая вспышка от искр осветила стены. Оба робота с лязгом свалились, поскольку устроил он им короткое замыкание.

– Наверняка ведь Бискаляр полагает, что если и вернусь я, то в одиночестве, – сказал Креаций, ходя от одного робота к другому.

Каждому отворял он голову и переставлял проводочки стальные, а когда очнулись они, то только его уже и слушались. Встал он тогда во главе своры и двинулся походом на столицу. Там во дворце приказал своим железным рабам схватить короля, лишил его трона, отворил сокровищницу для всех подданных тирана и, осчастливив их таким-то образом, поручил им, чтобы выбрали достойнейшего среди них королем. Сам же, взяв только коробочку с искрами, двинулся дорогой черной, звездами усеянной, и по сей день нею странствует, а потому раньше или позже наверняка и к нам заглянет.

Два чудовища ⁵

Давным-давно среди черного бездорожья, на галактическом полюсе, в уединенном острове звездном, была шестерная система; пять ее солнц кружили поодиночке, шестое же имело планету из магматических скал, с яшмовым небом, а на планете росла и крепла держава аргенсов, или серебристых.

Среди гор черных, на равнинах белых стояли их города Илидар, Висмаилия, Синалост, но всех превосходнее была столица серебристых Этерна, днем сходная с ледником голубым, ночью – с выпуклою звездой. От метеоритов защищали ее висячие стены, и множество зданий

⁵ Dwa potwory, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

высились в ней: хризопразовых – светлых как золото, турмалиновых и отлитых из мориона, а потому черней пустоты. Но всего прекрасней был дворец монархов аргенских, по принципам отрицательной архитектуры построенный, ибо зодчие не хотели ставить преград ни взору, ни мысли, и было это здание мнимым, математическим, без перекрытий, без крыш и без стен. Отсюда правил род Энергов всею планетой.

При короле Треопсе азмейские сидерийцы напали на державу Энергов с неба, металлическую Висмаилию астероидами обратили в сплошное кладбище и много иных поражений нанесли серебристым; и тогда молодой король Суммарий, полиарх почти что всеведущий, призвал хитроумнейших астротехников и повелел им окружить всю планету системой магнетических вихрей и гравитационными рвами, в которых столь стремительно мчалось время, что ступивший туда безрассудный пришелец не успевал и глазом моргнуть, как проходило сто миллионов лет, а то и больше, и рассыпался он от старости в прах, не успев даже увидеть зарево городов аргенских. Эти незримые бездны времени и магнетические засеки обороняли подступы к планете столь хорошо, что аргенсы смогли перейти в наступление. Пошли они войной на Азмею и принялись белое ее солнце бомбардировать и лучеметами долбить по нему, пока не разгорелся там ядерный пожар; стало солнце Сверхновой и сожгло своим пламенем планету сидерийцев.

На долгие века воцарились в державе аргенсов покой, порядок и благоденствие. Не прекращался правящий род, и в день коронации каждый Энерг спускался в подземелье мнимого дворца и из мертвых рук своего предшественника брал серебряный скипетр. А скипетр этот был не простой; тысячелетия назад вырезали на нем надпись: «Ежели чудище вечно, нет его или их два; если ничто не поможет, разбей меня». Не ведал никто при дворе Энергов, да и во всем государстве, что эта надпись означает, ибо история ее начертания забылась столетия назад.

Лишь при короле Ингистоне переменился заведенный порядок вещей. Появилось на планете огромное неведомое существо, ужасная весть о котором вскоре по обоим разнеслась полусариям. Никто не видел его вблизи; а те, кто видел, уже не возвращались обратно. Неведомо было, откуда взялась эта тварь; старики говорили, будто вывелась она из огромных остовов и разбросанных повсюду осмиевых и танталовых обломков, оставшихся от разрушенной астероидами Висмаилии, поскольку город этот так и не был отстроен. Говорили еще старики, что недобрые силы таятся в дряхлом магнетическом ломе и что есть такие скрытые токи в металлах, которые от дуновенья грозы иногда пробуждаются, и тогда из копошения и скрежетастья железок, из мертвого шевеленья останков кладбищенских дивное возникает создание, ни живое, ни мертвое, которое одно лишь умеет: сеять разрушение без границ. Другие же утверждали, будто сила, что порождает чудовище, берется из дурных поступков и мыслей; они отражаются, словно в зеркале вогнутом, в никелевом планетном ядре и, сфокусировавшись в одной точке, до тех пор влекут наудачу друг к другу металлические скелеты и обломки трухлявые, пока те не срастутся в монстра. Ученые, однако ж, смеялись над такими рассказами и небывлицами их называли. Как бы то ни было, чудовище опустошало планету. Сперва оно избегало больших городов и нападало на одиноко стоящие поселения, сжигая их жаром, лиловым и белым. Но после осмелело настолько, что даже с башен Этерны видели его скользящий вдоль горизонта хребет, похожий на горный, сверкающий сталью на солнце. Отправлялись в поход на него, но одно лишь его дыханье обращало рыцарей в пар.

Ужас всех обуял, а король Ингистон призвал многоведов, и те день и ночь размышляли, соединив свои головы прямою связью для лучшего разъяснения дела, и наконец порешили, что одолеть эту тварь можно одною лишь хитростью. И повелел Ингистон Великому Коронному Кибернатору вкупе с Великим Архидинамиком и Великим Абстрактором начертить чертежи электролля, который сразится с чудовищем.

Но не было меж ними согласия – каждый стоял на своем; и построили они трех электроллей. Первый, Медный, подобен был полой горе, заполненной разумной аппаратурой. Три

дня заливали ртутью резервуары его памяти; он же тем временем лежал в лесах, а ток шумел в нем как сто водопадов. Второй, Ртутеглав, был великан динамичный и лишь по причине ужа-сающей скорости движений казался чем-то имеющим облик, но облик изменчивый, словно облако, попавшее в смерч. Третьего, которого Абстрактор строил ночами по тайным своим чертежам, не видел никто.

Когда Коронный Кибернатор окончил свой труд и леса упали, потянулся Медный, да так, что во всей столице зазвенели кристаллические перекрытия; понемногу поднялся он на колени, и земля задрожала; когда же встал он в полный свой рост, то головою уткнулся в тучи и, чтобы не застили они ему взор, нагревал их, а тучи с шипеньем перед ним разбегались. Сиял он, как червонное золото, каменные мостовые пробивал стопами навывлет, а в колпаке у него два зеленых светились глаза, и еще был третий, закрытый, которым он мог прожигать скалы, приподняв веко-щит. Сделал он шаг, другой и был уже за городом, сияя как пламя. Четыреста аргенсов, взявшись за руки, едва могли окружить один его след, подобный ущелью.

Из окон, с башен, в подзорные трубы, со стен крепостных смотрели, как направлялся он к зорям вечерним, становясь все черней на их фоне, и наконец сравнялся ростом с обычным аргенсом, но при этом лишь верхней своей половиной высился над горизонтом, а нижняя скрылась за выпуклостью планеты. Наступила тревожная ночь, ночь ожидания; ожидали услышать отголоски сражения, увидеть багровое зарево, но ничего не случилось. Лишь на самой заре ветер принес громовое эхо словно бы какой-то далекой грозы. И настала опять тишина, но уже в сиянии солнца. Вдруг словно целая сотня солнц вспыхнула в небе и груды болидов огненных низвергнулась на Этерну, сокрушая дворцы, разбивая вдребезги стены, погребавшие под собою несчастных, а те отчаянно зывали о помощи, но из-за грохота не слышно было напрасных их воплей. Это вернулся Медный – чудовище разбило его, разрезало, а останки забросило в атмосферу; теперь они возвращались, растопившись в полете, и четвертая часть столицы обратилась в руины. Страшная это была беда. Еще два дня и две ночи лился медный ливень с небес.

Пошел тогда на чудовище Ртутеглав небывалый, неуязвимый почти, ибо чем больше он получал ударов, тем становился крепче. Удары не раздробляли его – напротив, делали только устойчивее. Побрел он по пустыне, покачиваясь, добрался до гор, высмотрел там чудовище и ринулся на него со склона скалы. Чудовище поджидало не двигаясь. Гром сотряс небо и землю. Чудище обернулось белой стеною огня, а Ртутеглав – черною пастью, которая огонь поглотила. Чудище прошло его насквозь, вернулось, окрыленное пламенем, ударило снова и снова прошло сквозь электролля, не причинив ему никакого вреда. Фиолетовые молнии полыхали из тучи, в которой бились гиганты, но грома не было слышно – шум сраженья его заглушал. Увидело чудище, что так ничего не добьется, и внешний свой жар всосало внутрь, распласталось и превратило себя в Зерцало Материи: все, что стояло напротив Зеркала, отражалось в нем, но не в виде изображения, а в натуре; Ртутеглав увидел свое повторенье и ринулся на него, и схватился с самим собою, зеркальным, однако не мог самого себя одолеть. Так он сражался три дня и три ночи, и такое множество получил ударов, что стал тверже камня, металла и всего на свете, кроме ядра Белого Карлика, – а когда дошел до этой черты, вместе с зеркальным своим двойником провалился в недра планеты, и осталась лишь дыра между скал, кратер, который тотчас стал заполняться светящейся рубиновой лавой.

Третий электрицарь невидимым отправился в бой. Великий Абстрактор, Коронный Физикус, утром вынес его за город на ладони, раскрыл ее, дунул, и тот улетел, окруженный только тревожным трепетом воздуха, беззвучно, не отбрасывая тени на солнце, словно и не было его никогда.

И правда, было его меньше чем ничего: ибо родом он был не из мира, но из антимира, и не материей был он, но антиматерией. И даже не ею самой, а только ее возможностью, затаившейся в столь крохотных щелках пространства, что атомы проплывали мимо него, как ледо-

вые горы мимо увядших былинки, несомых океанской волной. Так он несся по ветру, пока не наткнулся на сверкающую тушу чудовища, которое продвигалось вперед словно длинная цепь железных гор, в пене стекавших по хребту облаков. Ударил Невидимый в его закаленный бок, и открылось в нем солнце, которое вмиг почернело и обратилось в ничто, ревушее скалами, облаками, расплавленной сталью и воздухом; пробил его электролль и вернулся, а чудовище свилось в клубок, забилося в судорогах и бухнуло добела раскаленным жаром, но электричарь покрылся пеплом – и пустотой обернулся; заслонилося чудовище Зерцалом Материи, но и Зерцало пробил электролль Антимат. Ринулось снова чудовище, разверзлось отверстие в его лбу, и самые жесткие вырвались оттуда лучи, но и они смягчились и стали ничем; колосс содрогнулся и побежал, низвергая скалы, в белых тучах каменной пыли, в громе горных лавин, оставляя на своем бесславном пути лужи расплавленного металла, вулканический шлак и туф. Но мчался он не один: набрасывался на него с боков Антимат, и рвал, и терзал, и четвертовал, да так, что воздух дрожал, а чудовище, на части разодранное, последними своими останками вилось ко всем горизонтам сразу, и ветер развеивал его следы, и вот уже не было его на свете. Великая радость настала меж серебристых. Но в ту же пору какая-то дрожь пробежала по железному кладбищу Висмаилии. На свалке железок, разъеденных ржавчиной, среди кадмиевых и танталовых обломков, где прежде только ветер гостил, посвистывая в грудах искореженного металла, началось непрестанное копошенье, как в муравейнике; поверхность металла посинела от жара, заискрились металлические скелеты, размягчились, засветились от внутреннего тепла и принялись между собою сцепляться, соединяться, спаиваться, и из завихрений железок скрежущущих нарождалось и вставало страшилище новое, такое же самое. Вихрь, несущий небытие, встретился с ним, и новая разгорелась схватка. А на кладбище зарождались и выползали оттуда чудовище за чудовищем, и черная объяла серебристых тревога – теперь уже знали они, сколь страшная грозит им опасность. Тогда прочитал Ингистон надпись на скипетре, задрожал и понял. Разбил он серебряный скипетр, и выпал оттуда кристаллик, тоненький как иголка, и начал писать по воздуху словно огнем.

И возвестила огненная надпись оробевшему королю и совету его коронному, что не себя представляет чудовище, но кого-то другого, кто из невидимой дали управляет его зарождением, возрастанием и смертоносною силой. Огненным воздушным письмом объявил им кристалл, что они и все остальные аргенсы – отдаленные потомки существ, которых создали творцы чудовища тысячелетия назад. И были эти творцы не похожи на разумных, кристаллических, стальных, златотканых – и вообще на все, что живет в металле. Вышли они из соленого океана и создавали машины, которых называли железными ангелами – в насмешку, ибо содержались они в жестокой неволе. Однако же, не имея силы восстать против порождения океанов, существа металлические бежали, похитив огромные звездодоходы; и умчались на них из дома рабства в отдаленнейшие звездные архипелаги, и там положили начало державам могучим, среди коих аргенское подобно песчинке в песчаной пустыне. Но прежние владыки не забыли о беглецах, которых они именуют мятежниками, и ищут их по всему Космосу, облетая его от восточной стены галактик до западной и от северного до южного полюса. И где бы ни отыскивали безвинных потомков первого железного ангела, близ темных солнц или светлых, на огненных планетах или на ледяных, повсюду пускают в ход свою коварную мощь, чтобы мстить за давнее бегство, – так было, так есть и так будет. А найденные одним только способом могут спастись, избавиться, убежать от мести – выбрав небытие, которое сделает месть напрасной и тщетной. Огненная надпись погасла, и сановники узрели помертвевшие зеницы владыки. Долго молчал он, и наконец заговорили вельможи:

– Владыка Этерны и Эрисфены, господин Илйдара, Синалоста и Аркаптурии, владетель солнечных косяков и лунных, скажи свое королевское слово!

– Не слово потребно нам, но деяние, и к тому же последнее! – отвечал Ингистон.

Задрожал совет, но воскликнул как единый муж:

– Ты сказал!

– Да будет так! – молвил король. – Теперь, когда решение принято, я назову существо, которое довело нас до этого; я слышал о нем, вступая на трон. Это ведь человек?

– Ты сказал! – ответил совет.

И тогда Ингистон обратился к Великому Абстрактору:

– Делай свое дело!

А тот отвечал:

– Слушаю и повинуюсь!

После чего изрек Слово, вибрации которого воздушными фугами сошли в планетные подземелья; и расколосось яшмовое небо, и, прежде чем главы поверженных башен коснулись земли, семьдесят семь городов аргенских обратились в семьдесят семь белых кратеров, и на лопнувших щитах континентов, сокрушенных кустистым огнем, погибли все серебристые, а огромное солнце не планету уже освещало, но клубок черных туч, который медленно таял в мощном вихре небытия. Пустота, вспученная лучами, что тверже скал, стянулась в одну дрожащую искру, а потом и искра пропала. Семь дней спустя ударная волна дошла до того места, где ждали черные как ночь звездоходы.

– Свершилось! – сказал своим товарищам недремлющий творец чудовищ. – Держава серебристых перестала существовать. Можно отправляться дальше.

Темнота за кормою их корабля расцвела огнями, и помчались они дорогою мести. Бесконечен Космос, и нет предела ему, но ненависть их также не имеет предела, а потому в любой день, в любую минуту может настичнуть и нас.

Белая смерть ⁶

Арагена была планетой, застроенной изнутри; ибо владыка ее, Метамерик, который ширился по экватору на триста и шестьдесят градусов и опоясывал свое государство, будучи не только его главою, но и щитом, желая уберечь подвластный ему народ энтеритов от космического вторжения, запретил касаться на планете чего бы то ни было, хотя бы малейшего камушка. По этой причине дики и мертвы оставались материки Арагены; лишь топоры молний обтесывали кремниевые горные гряды, а метеориты покрывали сушу узорами кратеров. Но внутри, на глубине десяти миль, начиналась зона неутомимых трудов энтеритов; высверливая родную планету, они заполняли ее нутро кристаллическими садами и городами из золота и серебра, возводили дома вниз крышею в форме додекаэдров или икосаэдров, а равно гиперболические дворцы, в зеркальных куполах которых можно было увидеть себя увеличенным в двадцать тысяч раз, как в театре гигантов, – ибо питали они влечение к блеску и геометрии и зодчими были изрядными. По светопроводной сети качали под землю свет и, фильтруя его через изумруды, алмазы либо рубины, имели по хотению своему то рассвет, то полдень, то сумерки розовые; а от собственных форм в такое восхищение приходили, что весь их мир был зеркальный; держали они повозки хрустальные, дыханием газов горячих движимые, без окон, но сплошь прозрачные и, путешествуя, смотрели на себя же самих в зеркальных фасадах дворцов и храмов – как множественные предивные их отражения скользят, соприкасаются и радугой переливаются. Даже собственное небо имелось у них, где в паутине из ванадия и молибдена переливались шпинели и иные кристаллы горные, которые они вынашивали в огне.

Метамерик был их монархом наследственным, а вместе с тем вековечным, ибо имел прекрасный, холодный, многочленный корпус, в первом сочленении которого помещался разум; когда же, по прошествии тысячи лет, разум этот дряхлел и кристаллические сети стирались от царственного мышления, власть переходила к следующему сочленению и так далее, а было их

⁶ Biała śmierć, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

у него десять миллиардов. Сам Метамерик был потомком ауригенов, которых ни разу не видел; всего-то и знал он о них, что, когда угрожала им гибель от неких ужасных существ, которые космоплаваньем занимались и ради него покинули родимые солнца, ауригены поместили все свои знания и всю свою жажду бытия в атомные микроскопические зерна и засеяли ими скальный грунт Арагены. Это имя дали они планете потому, что оно напоминало их собственное; но не поставили на ее скалах вооруженной стопы, чтобы на след свой не навести жестоких преследователей; и погибли все до единого, тем только утешаясь, что врагам их, именуемым белыми, или бледными, невдомек, что не вконец извели они ауригенов. Энтериты, которых породил Метамерик, не обладали его знаниями о столь удивительном происхождении своем: история ужасного конца ауригенов, а также начала энтеритов запечатлена была в везувийском черном пракристалле, укрытом в самом ядре планеты. Тем лучше, однако, знал и помнил ее их владыка.

Из каменистых и магнетитовых глыб, которые выламывали неутомимые зодчие, расширяя подземное свое королевство, велел Метамерик соорудить ряды рифов и забросить их в пустоту. Адскими кольцами кружили они вокруг планеты, преграждая к ней доступ. И космоплаватели обходили подальше эти места, прозванные Гремучей Змеей, ибо там неустанно сталкивались огромные летающие колоды, базальтовые и порфиновые, порождая мощные потоки метеоритов; и была эта местность рассадником всех кометных булыжников, всех болидов и каменных астероидов, заполонивших систему Скорпиона.

Камнепадами сыпались метеориты и на саму Арагону, бомбардируя и перепыхивая ее, фонтанами искр обращая ночь в день и тучами пыли – день в ночь. Но даже малейшее сотрясение не достигало державы энтеритов; а смельчак, что дерзнул бы приблизиться к их планете и не разбил бы корабль в скаловоротах, увидел бы только каменный шар, похожий на череп, испещренный ямками кратеров. Даже ведущим в подземелья воротам энтериты придали вид покореженных скал.

Тысячелетия никто не посещал Арагону, и все же Метамерик ни на миг не ослаблял требования быть настороже.

Но однажды отряд энтеритов, вышедший на поверхность, увидел как бы громадный фужер, ножка которого застряла в нагромождениях скал, а вогнутая часть, обращенная к небу, была разбита и продырявлена во многих местах. Тотчас привели туда астронавигаторов-многоведов, и те пришли к заключению, что перед ними корпус звездного корабля из сторон неведомых. Корабль был очень велик. Лишь вблизи было видно, что он имеет форму удлиненного цилиндра, носом врезавшегося в скалы, что покрывает его толстый слой окалины и копоти, а его задняя, чашевидная часть своим строением напоминает величайшие своды подземных дворцов. Из-под земли выползли машины с клешнями, с крайней осторожностью извлекли дивный корабль из грунта и спустили его в подземелье. Затем отряд энтеритов разровнял воронку, вырытую носом корабля, чтобы стереть всякий след чужого вторжения на планету, и наглухо закрыл базальтовые ворота.

В главной ученой обители, устроенной со светозарным великолепием, покоился черный, как будто на углях спекшийся корпус, а ученые, сведущие в своем ремесле, направили на него зеркальные грани самых светоносных кристаллов и вскрыли алмазными остриями верхний панцирь; под ним оказался другой, белизны небывалой, что несколько их встревожило, когда же и эту оболочку разгрызли карборундовые сверла, обнаружилась третья, непроницаемая, а в ней – плотно пригнанная дверь, открыть которую они не сумели.

Старейший ученый, Афинор, тщательно исследовал дверь и выяснил: открыть замок можно лишь словом заветным. Каким – не знали они и знать не могли. Долго перебирали они слова – и «Космос», и «Звезды», и «Вечный Полет», но дверь даже не дрогнула.

– Не знаю, хорошо ли мы поступаем, стараясь проникнуть в корабль без ведома короля Метамерика, – сказал наконец Афинор. – Ребенком я слышал легенду о белых созданных, что

преследуют по всему Космосу любую в металле возникшую жизнь и истребляют ее из мести, поскольку...

Здесь он осекся и, подобно всем остальным, с великим ужасом уставился в борт корабля, огромный словно стена, ибо при его последних словах дверь, доселе безжизненная, внезапно дрогнула и распахнулась. Открыло ее слово «Мечь».

Кликнули ученые на помощь воинов и в сопровождении оных, нацеливших свои искрометы, вступили в душную, недвижимую тьму корабля, освещая его кристаллами, белыми и лазурными. Аппаратура была почти вся разбита, и долго бродили они между ее руин в поисках космоплателей, но не нашли ни команды, ни малейших ее следов. Стали они раздумывать, не был ли сам корабль существом разумным, кои бывают весьма велики: их король величиной тысячекратно превосходил неизвестный корабль, оставаясь, однако ж, единой личностью. Но обнаруженные ими узлы электрического мышления были мелки и рассредоточены; а значит, чужой корабль не мог быть не чем иным, как только машиной летающей, и без команды был мертв, как камень.

В одном из закоулков палубы, прямо у бронированной стены, наткнулись ученые на жижу разбрызганную, подобную краске алой, которая, когда они к ней склонились, персты их серебряные запятнала; из лужицы извлекли обрывки странной одежды, мокрые и красные, да кучку щепок – не слишком твердых, известковых. Бог весть почему ужас объял их всех, стоявших во мраке, лучами кристаллов проколотом. А король проведал уже об этой истории; тотчас прибыли его посланцы со строжайшим наказом уничтожить чужой корабль со всем его содержанием, а пуще всего король наказывал предать атомному огню чужаков-космоплателей.

Ученые отвечали, что там ничего не было, только тьма, да покореженные останки, да внутренности стальные, да прах, краскою алой запачканный. Задрожал королевский посланец и немедля велел атомные котлы разжигать.

– Именем короля! – возгласил он. – Алая краска, вами найденная, – вестник гибели! Ею питается белая смерть, которая одно лишь умеет: мстить безвинным за то, что они существуют...

– Ежели то была белая смерть, нам она уже не опасна, ведь корабль мертв и все, кто на нем путешествовал, полегли в кольце оборонных рифов, – отвечали они.

– Бесконечно могущество бледных существ – погибая, они многократно возрождаются заново, вдали от мощных солнц! Делайте же свое дело, атомисты!

Страх охватил мудрецов и ученых при этих словах. Однако не поверили они роковому пророчеству, полагая возможность гибели слишком невероятной. Подняли корабль с его ложа, разбили его на платиновых наковальнях, а когда он распался, окунули в жесткое излучение, и обратился он в мириады летучих атомов, которые вечно молчат, ибо атомы не имеют истории; все они одинаковы, откуда бы ни были родом – хоть с ярких солнц, хоть с мертвых планет, хоть из существ разумных – добрых или дурных, ведь материя одна и та же во всем Космосе, и не ее надлежит опасаться.

И все-таки даже атомы собрали они, и, заморозив в единую глыбу, выстрелили к звездам, и лишь тогда сказали себе с облегчением: «Мы спасены. Нам уже ничто не грозит».

Но когда ударили молоты платиновые по кораблю и тот распался, из обрывка одежды, кровью запачканного, из распоротого шва выпал незримый зародыш, столь малый, что сотню таких закроет песчинка. А из него родился ночью, в пыли и во прахе, меж валунами пещер, белый побег; а там и второй, и третий, и сотый, и дохнуло от них кислородом и влагою, от которой ржа перекинулась на плиты градус зеркальных, и сплетались нити незримые, прораставшие в холодных внутренностях энтеритов, а когда пробудились они, уже несли в себе гибель. Не прошло и года, как полегли они до последнего. Остановились в пещерах машины, погасли кристаллические огни, зеркальные купола источила коричневая проказа; когда же развеялись последние крохи атомного тепла, наступила тьма, а в ней разрасталась, с хрустом пробивая

скелеты, проникая в ржавые черепа, затягивая пустые глазницы, – пушистая, влажная, белая плесень.

Как Микромил и Гигациан разбеганию туманностей положили начало ⁷

Астрономы учат, что все существующее – туманности, галактики, звезды – разбегается враспынную, и из-за этого неустанного разбегания Вселенная расширяется вот уже миллиарды лет.

Многие дивятся такому вселенскому бегству, а обращаясь мыслями вспять, заключают, что когда-то, давным-давно, весь Космос умещался в единственной точке, как звездная капля, которая неведомо отчего взорвалась, а взрыв продолжается и поныне.

И тут одолевает их любопытство: что же прежде-то было? – и не могут разгадать эту тайну. А было вот что.

В предыдущей Вселенной жили два конструктора-космогоника, искусники, непревзойденные в своем ремесле, и не было вещи, какую не сумели бы они смастерить. Но чтобы что-то построить, прежде надобно иметь план, а план надо выдумать, иначе откуда же ему взяться? И оба они, Микромил и Гигациан, без усталости думали о том, что можно еще сконструировать, кроме тех чудес, что им приходят на ум.

– Смастерить я бы все смастерил, что пришло бы в голову, – говорил Микромил, – да только приходит в нее не все. Это меня, да и тебя, ограничивает, поскольку мы не можем помыслить все, что только можно помыслить, и нельзя исключить, что более достойно осуществления нечто совершенно иное, нежели то, что мы замыслили и в исполнение приводим. Что скажешь?

– Ты прав, без спору, – отозвался Гигациан, – но какой же ты видишь выход?

– Все, что мы делаем, мы делаем из материи, – ответил Микромил, – в ней сокрыты любые возможности; если мы задумаем дом, то дом и построим, если хрустальный дворец – смастерим дворец, задумаем мыслящую звезду, пламенеющий разум – и это нам по плечу. И все же в материи запрятано больше возможностей, чем у нас в головах, поэтому надо ей приделать уста, чтоб она сама нам сказала, что можно из нее сотворить такого, что нам бы и в голову не пришло!

– Уста нужны, – согласился Гигациан, – но этого мало, ведь сказать они могут лишь то, что прежде уродит разум. А значит, надо не только уста приделать материи, но и мышление в ней изодрать, и тогда уж она непременно все тайны свои откроет!

– Верно, – говорит Микромил. – Дело стоит труда. Я это так понимаю: поскольку все существующее – энергия, из нее-то и надо построить мышление, начиная с самого малого, то есть с кванта; квантовое мышление надо упрятать в клеточку, изготовленную из атомов, столь малую, сколь только возможно; и кому, как не нам, инженерам атомов, взяться за это, уменьшая и уменьшая без усталости. Когда я смогу насыпать в карман сто миллионов гениев и они свободно там поместятся, задача, почитай, решена: расплодятся этих гениев без числа и любая шепотка мыслящего песка скажет тебе не хуже бесчисленного множества мудрецов, что и как учинить!

– Нет, не так! – возражает Гигациан. – Надо взяться за это с другого конца, ибо все существующее – масса. Поэтому из всей массы Вселенной надо построить один-единственный мозг, размеров вовсе не виданных и мышлением изобилующий; спрошу я его, и он один мне откроет все тайны творения. А твой порошок гениальный – диковинка бесполезная, и только, ведь ежели всякая мыслящая крупинка будет твердить свое, ты запутаешься и ничего не узнаешь!

⁷ Jak Mikromił i Gigacyan ucieczkę mgławic wszczęli, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

Слово за слово, и рассорились вчистую конструкторы, и не было уже и речи о том, чтобы вместе решать задачу. Разошлись они, посмеиваясь друг над другом, и каждый взялся за дело по-своему. Микромил принялся кванты ловить и в клеточки атомные запирать, поскольку же теснее всего им было в кристаллах, то к мышлению приучал он алмазы, халцедоны, рубины – и с рубинами дело лучше всего пошло: столько он запихнул в них смысленной энергии, что аж посверкивало. Было у него немало и прочей минеральной сметливой мелочи: изумрудов голубовато-думчатых, топазов желто-смекалистых, но алое рубинов мышление больше всего ему приглянулось. А пока Микромил трудился в хоре пискливых малюток, Гигациан посвящал свое время гигантам; сгребал к себе с превеликим трудом солнца и галактики целые, растапаливал их, перемешивал, спаивал, сочленял и, потрудившись на славу, сотворил космолюдина, обхвата столь всеохватного, что вне его ничего почти не осталось, только щелочка, а в ней Микромил со своими фитюльками.

Когда же оба свой труд завершили, уже не то их заботило, кто узнает от сотворенного больше тайн, а кто был прав и чей выбор лучше. И вызвали они друг друга на поединок турнирный. Гигациан ждал Микромилу подле своего космолюдина, который на веки веков световых простирался вдоль, ввысь и вширь; тело его составляли темные звездные тучи, дыхание – мириады солнц, ноги и руки – галактики, спаянные гравитацией, голову – сто триллионов железных планет, а на голове красовалась шапка лохматая, огненная, из солнечной шерсти. Налаживая своего космолюдина, Гигациан летал от уха его до губ, и каждое такое странствие занимало шесть месяцев. Микромил же прибыл на поле боя один-одинешенек, с пустыми руками и крохотным рубином в кармане; он-то и должен был с исполином сразиться. Увидев это, рассмеялся Гигациан.

– И что же может сказать эта кроха? – спросил он. – Что такое ее познания против бездны мышления галактического и раздумий туманностных, где солнца солнцам мысль перебрасывают, гравитация мощная ее усиливает, звезды, взрываясь, идеям блеск придают, а мрак межпланетный умножает громадность мышления?!

– Чем хвалиться да чваниться, берись-ка лучше за дело, – отвечает ему Микромил. – Или знаешь что? Зачем нам творения наши спрашивать? Пусть подискутируют сами! Пусть мой гений микроскопический сразится с твоим звездолудином на турнире, где мудрость служит щитом, а мечом – острая мысль!

– Будь по-твоему, – согласился Гигациан.

И отошли они от своих творений, оставив их на поле брани одних. Покружил, покружил алый рубин во тьме, над океанами пустоты, в коих плавали звездные айсберги, над светящейся тушей бескрайней, и запищал:

– Эй, ты, уж больно великий, увалень огненный, шаляй-валяй непомерный, – можешь помыслить хоть что-нибудь?!

Всего через год дошли эти речи до мозга колосса, и пришли в нем в движенье небесные сферы, искусной гармонией спаянные; подивился он дерзким словам и решил посмотреть, кто это смеет с ним так разговаривать.

Стал он голову поворачивать туда, откуда был задан вопрос, но прежде, чем повернул, два года минуло. Глянул он светлыми глазами-галактиками во тьму, но ничего не увидел; рубина там давно уже не было, теперь он попискивал за спиной исполина:

– Экая ты нескладеха, звездотучный ты мой, солнцевласый! Экое чудище-ленивище! Чем башкою вертеть, солнцами своими кудлатыми, лучше ответь мне, сумеешь ли ты два да два сложить, прежде чем половина голубых гигантов в мозгах у тебя выгори *Tunо*тухнет от старости!

Рассердили бесстыдные эти насмешки космолюдина, и начал он быстро, как только мог, оборачиваться – ведь говорили с ним из-за его спины; и поворачивался все резвей и резвей, а вокруг оси его тела млечные пути загибались, и рукава галактик, доселе прямые, свивались на

поворотах в спираль, и звездные тучи закручивались, в шаровидные сбиваясь громады, и все его солнца, планеты и луны завертелись, как запущенные волчки; но прежде чем устоялся он на противника своими глазищами, тот уже сбоку над ним посмеивался.

Все быстрее мчался малец-удалец, все быстрее поворачивался космолюдин, но, хотя уже юлою вертелся, успеть все равно не мог, и наконец такие набрал обороты, такую скорость развил, что пути гравитации в нем ослабли, швы тяготения, Гигацианом наложенные, разошлись, скрепы симпатии электрической распались. Лопнул космолюдин, словно разогнавшаяся центрифуга, и разлетелся во все стороны Универсума, головнями-галактиками кружа, дорогами млечными рассыпаясь, и начали разбегаться туманности, центробежной силой разбрызганные. Микромил говорил потом, что победа осталась за ним, коль скоро Гигацианов космолюдин разлетелся, не успев промолвить ни бе ни ме; однако ж Гигациан отвечал на это, что творения их мерялись силою разума, а не силой внутренних скреп, что речь шла о том, которое из них мудрее, а не которое устойчивей в пируэтах. А так как последнее ничего общего не имеет с предметом спора, Микромил сплутовал и бесчестно его надул.

С той поры их спор еще сильнее разгорелся. Микромил свой рубиновый камушек ищет, который при взрыве куда-то запропастился, но не может найти, потому что, куда ни глянет, всюду видит рубиновый огонек и тотчас туда устремляется, а это алеет дряхлеющий свет разбегающихся туманностей; и пускается он снова на поиски, и снова впустую. Гигациан же силится гравитациями-канатами, лучами-нитками сочленения лопнувшего космолюдина сшить, а иголками служит ему излучение самое жесткое. Но что ни сошьет, все тотчас же рвется, столь страшную мощь имеет однажды начатое разбеганье туманностей; и ни тот, ни другой не сумели у материи тайн ее выведать, хоть и разуму ее научили и уста ей приделали; но прежде чем состоялся решающий разговор, случилась эта беда, которую невежды по неразумию именуют сотворением мира.

На самом же деле это Гигацианов космолюдин из-за рубинчика Микромилова разлетелся на части, да такие мельчайшие, что летит во все стороны и поныне. А кто нам не верит, пусть спросит ученых, правда ли, что все, что ни есть в Космосе, обращается коловратно, вроде юлы; от этого бешеного кружения все и пошло.

Сказка о цифровой машине, которая с драконом сражалась ⁸

Король Полеандр Партобон, владыка Киберии, был великим воином и, будучи горячим почитателем новейших достижений стратегии в военном деле, преклонялся перед кибернетикой. Его королевство кишело всевозможными разумными машинами, где это только было возможно. Не только астрономические обсерватории и школы оснащались ими, но даже в придорожные камни он распорядился встраивать электронные мозги, чтобы те предостерегали и направляли путников, не давая им сбиться с пути или споткнуться, той же цели служили разумные устройства в столбах, стенах и деревьях, всегда готовых предоставить необходимую информацию. Снабженные ими тучи, заранее предупреждали громким голосом об осадках. Короче, ни в горах, ни у их подножия и в долинах невозможно было и шагу ступить, чтобы не наткнуться на разумную машину.

Все было прекрасно на этой планете, где по воле короля кибернетика помогала не только улучшать и совершенствовать все ранее существовавшее на ней, но и создавать нечто новое и невиданное. Так по его приказу в королевстве налажено было производство киберраков, зудящих киберос и даже жужжащих кибермух, численность которых при их перепроизводстве регулировалась с помощью увеличения производства киберпауков. Шумел ветер в киберрощах и киберчашах, сами играли киберорганчики и кибергусли, – но вдвое больше этих вполне мир-

⁸ Bajka o maszynie cyfrowej, co ze smokiem walczyła, 1963. © Перевод. И. Клех, 2018.

ных кибернетических устройств было на планете всякой военной техники, поскольку король прежде всего был выдающимся полководцем. В подземельях дворца у него стояла военно-стратегическая цифровая машина необычайной отваги, были и другие, размером поменьше. И была у него армия: полки киберпулеметчиков, огромные кибермортиры, арсеналы, ломящиеся от всех видов вооружений, пороха и боеприпасов.

Одного только ему недоставало для полного счастья – не было у него ни врагов, ни противников, потому что ни у кого и в мыслях не было напасть на его королевство. Уж тогда бы все воочию убедились в бесстрашии и доблести короля Полеандра, в превосходстве его стратегической мысли и невероятной эффективности его кибероружия. И король от этого очень страдал. Ввиду отсутствия настоящих вражеских завоевателей он велел своим инженерам конструировать и создавать для него все новых искусственных врагов, чтобы вести с ними свои неизменно победоносные войны. А поскольку это были вполне реальные военные походы и жестокие сражения, то очень страдало от них уже население. Подданные короля роптали, когда тучи киберврагов наносили слишком уж большой ущерб их селениям и городам и их самих поливали почем зря из огнеметов. Более того, они осмеливались уже выражать недовольство даже тогда, когда король являлся защитителем своих подданных и сокрушить сконструированных его инженерами противников, обращая в пепелище все на своем пути во время штурма их укреплений. Хоть это делалось для освобождения королевства от вторгшегося супостата, жаловались подданные и нарекали вместо изъявления благодарности своему избавителю.

Но королю и самому уже поднадоели военные забавы на планете, и он решил пойти дальше. О космических войнах и походах он размышлял. Была у его планеты большая Луна, совершенно пустынная и дикая, и король обложил непомерной данью своих подданных, чтобы пополнить казну и получить средства для создания войска на ней и открытия нового театра военных действий. Подданные охотно и исправно платили новые подати в расчете, что теперь-то не будет уже король Полеандр освобождать их с помощью киберартиллерии и силу своего оружия на их головах и жилищах испытывать. Так что вскоре королевские инженеры построили на Луне превосходную цифровую машину, которая, в свою очередь, должна была создать многочисленное войско и вооружить его всевозможными огнестрелами. Король немедленно принялся испытывать машину, ставя перед ней всякие задачи, чтобы проверить, правда ли она все может, как уверяли его инженеры. Как-то он даже решил подшутить над ней, думая поставить этим в тупик, и отправил ей по телеграфу приказ изготовить кибердрагуна. Ему самому интересно стало, как могла бы выглядеть киберкавалерия, этот несуществующий в Киберии род войск. Слова «драгун» машина не знала, зато в словаре ее нашлось слово «дракон», и сочтя это просто опечаткой в телеграмме, она со всем рвением и прилежанием принялась выполнять поручение монарха.

А как раз в ту пору король победоносно завершал кампанию по освобождению провинций королевства, захваченных киберкнехтами, так что в пылу сражений запечатывал проверить, как лунная машина вышла из затруднительного положения. И тут вдруг огромные скалы стали сыпаться на его владения с Луны! Одна огромная глыба угодила даже в крыло его дворца, где находилась королевская коллекция кибергномов, игрушечных мальшей с обратной связью. Король был ошеломлен и взбешен и немедленно телеграфировал лунной машине – как она смеет такое вытворять?! Но та ничего ему не ответила, поскольку ее самой уже и не было на свете: созданный ею дракон поглотил ее, превратив в собственный хвост.

Король сейчас же послал на Луну военную экспедицию в главе с закаленной в сражениях цифровой машиной, приказав уничтожить дракона, – но что-то на спутнике блеснуло только, прогрохотало, и от машины и всей экспедиции не осталось и следа. Стало понятно, что электродракон противник нешуточный, воюет всерьез и, хуже того, глаз положил на все королевство с королем. Отправлял король на Луну своих генералов-кибералов, полковников-киберовников, а в конце даже единственного своего кибералиссимуса, но и тот ничего не смог поделать

– только чуть дольше длилось побоище, за которым король всякий раз в подзорную трубу с террасы дворца наблюдал.

Дракон все рос, а Луна все уменьшалась, поскольку чудовище пожирало ее по частям, превращая в собственное тело. Увидел король, а с ним и его подданные, что плохо дело: как только электродракон весь лунный грунт до конца подъес *Tuner* переработает в собственное тело, то неизбежно накинется и на планету тогда со всеми ее обитателями. Затосковал король, потому что не видел выхода и не знал, что предпринять. Машины посылать бесполезно, все равно пропадут, а самому сразиться – тоже ничего хорошего, да и боязно. И тут услышал король, что телеграфный аппарат в опочивальне его ожил и что-то выстукивает. Дело было ночью, а аппарат королевский, – весь из золота, с алмазным самописцем, соединенный напрямую с Луной, – знай себе выстукивает: стуки-тук, стуки-тук. Сорвался король с постели, пробежал и читает: «Электродракон повелевает Полеандру Партабону убираться прочь, потому что он, Дракон, трон его занять желает!»

Перепугался король, задрожал весь и в чем был, – в ночной сорочке с горностаевой опушкой и в тапках, – бросился бегом в дворцовое подземелье, где стояла у него военно-стратегическая машина, старая и очень мудрая. Не обращался он к ней за советом до этой ночи, поскольку еще до появления дракона поссорился как-то с ней из-за плана одной войсковой операции, но теперь не до обид и разногласий ему стало, когда трон и саму жизнь приходится спасать.

Включил он машину и, едва она нагрелась, вскричал:

– Моя дорогая машина цифровая! Так-то и так-то, электродракон хочет меня трона лишиться, из королевства моего изгнать, выручи и скажи скорей, что мне делать, чтобы его одолеть?!

– Ну уж нет! – сказала на это цифровая машина. – Сперва ты должен признать, что в нашем споре права была я. А кроме того, хочу, чтобы ты присвоил мне титул Великого Цифрового Стратега и впредь обращался ко мне не иначе как Ваша Ферромагнитность!

– Хорошо, хорошо! Провозглашаю тебя Великим Стратегом и все прочее, чего только пожелаешь, но только выручи и спаси меня!

Задрезжала машина, загудела, прокашлялась и сказала:

– Все просто. Необходимо построить электродракона более мощного, чем тот, что на Луне восседает. Одолеет он лунного, переломает ему все электрокости его, и цель будет достигнута, таким образом.

– Замечательно! – воскликнул король. – А не можешь ты мне представить план такого дракона?

– Это будет супердракон, – ответила машина, – не только план, но и его самого могу представить тебе, если подождешь минутку.

С этими словами она опять замигала, заурчала, загудела и стала что-то внутри себя собирать. Но как только это что-то, высунув огромный электрический огненный коготь, начало вылезать у нее откуда-то сбоку, король тут же закричал:

– Стой, машина цифровая, стой, старая!!

– Как ты меня назвал?! Меня, Великого Цифрового Стратега!

– Да, конечно, – спохватился король, – Ваша Ферромагнитность, но ведь электродракон, которого ты изготовишь, как только победит того лунного, наверняка займет его место! Как же тогда от него самого можно будет избавиться?!

– Создать другого, еще более мощного, – объяснила машина.

– Ну нет! Прошу тебя, в таком случае прекрати – что мне с того, что на Луне будут появляться один за другим все более ужасные драконы, когда они там мне вообще не нужны!

– Ну так это другое дело, – ответила машина, – что же ты мне сразу не сказал? Видишь, как неточно ты выражаешься? погоди, я должна подумать...

Опять она задрезжала, загудела, пошумела, откашлялась и начала:

– Придется создать антилуну с антидраконом и вывести на орбиту Луны... – тут в ней что-то хрустнуло, и она продолжила, – ...и пройтись впрыскаю: «А я робот молодой, не пугай меня водой – через воду прыг да скок, ай да парень-молоток, и красивый сам собой – выходи со мной на бой!»

Король был озадачен:

– Ничего не понял: какая антилуна, и что за боевая кричалка какого-то робота??

– Какого робота?... – смутилась машина. – Ах, да, сбилась я... кажется, какая-то неполадка у меня внутри, может, что-то перегорело.

Принялся король искать, что в машине могло перегореть, наконец, нашел какую-то лопнувшую лампу и заменил новой, после чего спросил у нее, так что там с этой антилуной.

– С какой антилуной? – спросила машина, которая успела забыть, о чем говорила ранее. – Не знаю никакой антилуны. Подожди, дай мне собраться с мыслями...

Пошумела она, побренчала и произнесла:

– Надо создать общую теорию борьбы с электродраконами, в которой лунный дракон будет рассмотрен как частный случай, и тогда проблема станет легко разрешимой.

– Ну так создай такую теорию! – поторопил король.

– Для этого мне надо сперва изготовить экспериментальные модели различных электродраконов...

– Нет уж, спасибо – только не это! – воскликнул король. – Дракон грозит лишить меня трона, что же будет, когда ты наплодишь их великое множество!

– Вот как? Придется тогда прибегнуть к другому способу. Применим стратегический вариант метода последовательных приближений. Пойди и телеграфируй дракону, что ты готов уступить ему свой трон при условии, что он справится с тремя самыми элементарными математическими действиями.

Тот так и сделал, и дракон согласился. Как только король вернулся, машина сказала:

– Теперь задай ему первое задание: пусть он поделит себя на самого себя.

Сделал так король – и электродракон поделил себя на себя же, а поскольку в одном электродраконе содержится только один электродракон, ничего не изменилось, и электродракон, по-прежнему, остался на Луне.

– Что же ты наделала! – вскричал король, сбегая в подземелье с такой скоростью, что чуть тапки не потерял. – Дракон поделил себя на самого себя, но если единица делится на единицу – ничего ведь не меняется, в ответе так и остается единица!

– Не страшно, – спокойно ответила машина, – я так сделала специально, это отвлекающий манёвр. Теперь передай ему, пусть извлечет из себя корень!

Король телеграфировал на Луну, и дракон принялся извлекать корень, извлекал-извлекал, аж трясся весь, сопел, пыхтел, и получилось наконец – извлек он его со скрежетом из себя!

Вернувшись к машине, король уже с порога стал кричать:

– Дракон тужился и трясся, даже скрежетал, но корень извлек и, по-прежнему, мне угрожает! Что же теперь делать, никчемн... Ваш-ша Ферромагнитность?!

– Не падай духом, – ответила она. – А теперь передай ему, пусть себя от себя отнимет.

Помчался король в спальню дворцовую и отправил телеграмму. Принялся дракон себя из себя вычитать – сперва хвост вычел, затем ноги, потом туловище, и уже заколебался, видя, что не то что-то творится, но запущенный процесс вычитания было уже не остановить, лишился он головы, и ничего от него не осталось, ноль в ответе.

– Нет больше электродракона! – радостно вскричал король, сбегая в подземелье. – Спасибо тебе, верная моя старушенция, на славу потрудились ты и устала, небось, сейчас я тебя выключу...

– О нет, мой дорогой! – возмутилась машина. – Я справилась с задачей, а ты хочешь меня выключить и больше не называешь Вашей Ферромагнитностью?! Никуда не годится! Сейчас я

сама превращусь в электродракона, дорогуша, и изгоню тебя из королевства, которым, наверняка, буду править получше тебя! Ты и прежде просил у меня совета во всех сколь-нибудь важных делах, так что, по сути, это я правила, а не ты!..

И, загудев и задрезжав, она начала превращаться в электродракона – уже огненные электрокогти полезли у нее из боков, но тут насмерть перепуганный король сорвал с ноги тапок и, подскочив к машине, принялся лупить им по лампам, каким попало! Захрипела, захлебнулась машина, сбилась ее программа, и вместо слова «электродракон» в ней выскочило слово «электрогудрон». На глазах у короля она вдруг задымилась и стала растекаться лужей черного, как смоль, электроасфальта, из которой с голубыми искорками и потрескиванием вышло все электричество, так что осталась одна только парующая лужа смолы под ногами у ошеломленного Полеандра. Вздохнул с облегчением король, вернул на ногу тапок и поплелся в тронную спальню.

С той поры, однако, он сильно переменился: пережитые им злоключения сделали его нрав не столь воинственным, и кибернетике до конца своих дней он находил исключительно мирное, а не военное применение.

Советники короля Гидропса ⁹

Аргонавтики были первым племенем звездным, завоевавшим для разума пучины вод планетных, навеки – как полагали роботы, слабые духом, – металлу заказанные. Аквация, одно из смарагдовых звеньев их королевства, сияет на небе полночном, как крупный сапфир в ожерелье топазов. Давным-давно на этой планете подводной правил король Гидропс Всерьбный. Однажды утром велел он явиться в тронный зал четверем коронным министрам, когда же приплыли они и нырнули пред ним ниц, с такой обратился к ним речью, между тем как Великий его Поджабрий, весь в изумрудах, обмахивал его перепончатым веером:

– Нержавеющие Вельможи! Пятнадцать веков я владею Аквацией, подводными ее городами и всеями на синих лугах; с тех пор раздвинул я границы державы, затопив обширные земли, и не посрамил водостойких стягов, что завещал мне родитель, Ихтиократос. Напротив того, в битвах с враждебными микроцитами одержал я немало побед, коих славу не мне пристало описывать. Однако же чувствую, что власть уже меня тяготит, как непосильное бремя, а посему порешил я произвести на свет сына, который стал бы мне достойным наследником и справедливо бы правил на троне Иноксидов. Поэтому обращаюсь к тебе, Амассид, верный мой гидрокибер, к тебе, великий программист Диоптрик, и к вам, Филонавт и Миногар, коронным наладчикам, чтобы вы мне измыслили сына. Да будет он мудр, но не слишком охоч до книг, ведь избыток познаний отнимает желание действовать. Да будет он добр, но опять-таки не чрезмерно. Еще я желаю, чтобы был он храбр, но не заносчив, впечатлителен, но не сентиментален, наконец, пусть будет похож на меня, пусть бока его покрывает такая же танталовая чешуя, а кристаллы разума пусть будут прозрачны, как эта вода, что нас окружает, подпирает *Тунитает!* А теперь беритесь за дело, во имя Великой Матрицы!

Диоптрик, Миногар, Филонавт и Амассид низко поклонились и отплыли в молчании, и каждый размышлял про себя о словах государевых, хотя и не вполне так, как хотел бы могучий Гидропс. Ибо Миногар всего более желал завладеть тронном, Филонавт втайне пособничал микроцитам, врагам аргонавтиков, а Амассид и Диоптрик смертельно меж собой враждовали, и каждый из них жаждал прежде всего паденья соперника, а равно и прочих вельмож.

«Королю угодно, чтобы мы спроектировали ему сына, – рассуждал Амассид, – чего же проще, чем вписать в микроматрицу неприязнь к Диоптрику, этому уродцу, надутому, как пузырь? Тогда королевич, короновавшись, немедля велит его удушить путем выставления

⁹ Doradcy kro`la Hydropsa, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

головы на воздух. Это было бы воистину превосходно. Однако, – продолжал рассуждать достойный гидрокибер, – Диоптрик, без сомненья, строит такие же планы, а в качестве программиста имеет, увы, немало возможностей привить будущему королевичу ненависть ко мне. Дело плохо! Надобно глядеть в оба, когда мы вместе будем закладывать матрицу в детскую печь!»

«Всего проще было бы, – размышлял в то же самое время почтенный Филонавт, – запечатлеть в королевиче благосклонность к микроцитам. Но это тотчас же будет замечено, и король велит меня выключить. Тогда, может, привить королевичу лишь благосклонность к малым формам – это будет куда безопаснее. Если начнут меня допытывать, скажу, что имел в виду одну лишь подводную мелочь, да только забыл снабдить программу наследника оговоркой, что все неподводное любить не следует. В худшем случае снимет с меня государь орден Великой Хлюпии, но не голову, а это весьма дорогая мне вещь, ее не вернет мне и сам Наноксер, властелин микроцитов!

– Отчего вы молчите, сиятельные вельможи? – заговорил наконец Миногар. – Полагаю, что надобно браться за дело немедленно, ибо повеленье монарха – высший закон!

– Потому-то я его и обдумываю, – быстро ответил Филонавт, а Диоптрик и Амаssid добавили хором:

– Мы готовы!

И велели они, по старинному обычаю, запереть себя в покое со стенами из смарагдовой чешуи, который снаружи семикратно опечатали смолою подводной, и сам Мегацист, господин планетарных потоков, оттиснул на печатях свой герб – Тихий Омут. С этой минуты никто уже не мог помешать их занятиям, пока, в знак завершения дела, они не выбросят через клапан, учинив завихрение, отвергнутые проекты, а тогда надлежало печати сорвать и приступить к великому торжеству сыновосприемства.

И точно, взялись за работу вельможи, однако не споро она у них шла. Ибо не о том они думали, как привить королевичу добродетели, Гидропсом указанные, но о том, как перехитрить короля и своих нержавеющей соратников в нелегких трудах сынодельческих.

Король выражал нетерпенье, ибо вот уже восемь дней и ночей сидели взаперти сыноделы и даже знака не подавали, что близок благополучный конец. А все потому, что пытались друг дружку взять на измор и каждый выжидал, когда все прочие обессилеют, чтобы быстро вчертить в кристаллическую сеточку матрицы то, что к его обернется выгоде.

Ибо стремление к власти двигало Миногаром, Филонавтом – жажда маммоны, которую обещали ему микроциты, а взаимная ненависть – Диоптриком и Амаssidом.

Наконец, исчерпав в таком ожиданье скорее свое терпение, нежели силы, сказал хитроумный Филонавт:

– Не понимаю, сиятельные вельможи, отчего это дело наше так медленно подвигается. Ведь король дал нам точные указания; и если б мы их держались, королевич был бы давно готов. Уж не вызвана ли ваша медлительность обстоятельствами, которые с монаршим сынотворением связаны совершенно иначе, нежели того хотел бы владыка? Если так и дальше пойдет, с великим прискорбием буду вынужден заявить *votum separatum*¹⁰, то есть написать...

– Донос! Вот куда клонит ваша милость, – прошипел, яростно шевеля блестящими жабрами, Амаssid, так что все поплавки его орденов задрожали. – В добрый час, в добрый час! С позволения вашей милости, и меня разбирает охота написать королю о том, как ваша милость, неведомо с какого времени страдая трясушкой в руках, извела уже восемнадцать жемчужных матриц, которые нам пришлось выбросить, ибо после формулы о любви ко всему небольшому ты не оставил ни капельки места для запрета любить все неподводное! Тебе угодно было нас уверять, почтеннейший Филонавт, что то был недосмотр, – однако ж, повторенный осьмнадца-

¹⁰ особое мнение (лат.).

тикратно, он служит достаточным основанием упрятать тебя в дом изменников или безумцев, и к выбору между таковыми пристанищами сведется твоя свобода!

Хотел Филонавт, увиденный насквозь, защищаться, но его опередил Миногар, сказав:

– Можно подумать, благороднейший Амассид, что уж ты-то в нашем собрание словно медуза хрустальная, без единого пятнышка. А ведь и ты непонятно как в раздел матрицы, трактующий о предметах, коими должен королевич гнушаться, одиннадцатикратно вписывал то хвостатость трехчленную, то спину вороненую с сизым отливом, дважды – глаза навывкате, то опять-таки панцирь брюшной и три алые искры, словно не зная, что каждая из этих примет может указывать на присутствующего меж нами Диоптрика, государева родича, и тем внушить королевичу ненависть к оному мужу...

– А зачем Диоптрик на самом кончике матрицы неустанно записывал презрение к существам, коих имя оканчивается на «ид»? – спросил Амассид. – И, коль уж об этом речь, отчего же ты сам, почтеннейший Миногар, невесть почему к предметам, ненавистным для королевича, упорно причислял высокий стул о пяти углах, с плавникастой спинкой в брильянтах? Или тебе невдомек, что это точное описание трона?

Наступила тягостная тишина, нарушаемая лишь слабым поплескиванием. Долго бились вельможи над матрицей, раздираемые враждебными интересами, пока не сложились среди них партии. Филонавт с Миногаром сошлись на том, что матрица должна предусматривать симпатию ко всему мелкому, а также желание уступать таким формам дорогу. Филонавт при этом думал о микроцитах, а Миногар о себе, затем что был наименьшим из четверых. Быстро согласился с этой формулой и Диоптрик, ибо самым рослым из сыноделов был Амассид. Тот яростно упирался, но вдруг уступил, смекнув, что он ведь может уменьшиться, а вдобавок подкупить лейб-башмачника, чтобы тот подбил подошвы Диоптрика плитками из тантала; а тогда подросший соперник навлечет на себя неприязнь королевича.

Потом уже быстро изготовили они сыноматрицу, неудачные проекты выбросили через клапан, и началось великое торжество придворного сыновосприемства.

Едва лишь матрица с проектом королевича оказалась в детопекарне, а почетная стража построилась перед детскою печью, из которой вскоре должен был выйти будущий государь аргонавтиков, как Амассид взялся за исполнение задуманной им интриги. Лейб-башмачник, которого он подкупил, начал привинчивать к подошвам Диоптрика танталовые плитки, одну за другой. Королевич уже доходил до готовности под присмотром младших сыноделов, когда Диоптрик, случайно увидев себя в большом дворцовом зеркале, с ужасом убедился, что он уже выше своего недруга, а ведь королевичу была запрограммирована симпатия только к малым предметам и лицам!

Вернувшись домой, Диоптрик тщательно себя обследовал и простучал серебряным молотком, обнаружил бляшки, к подошвам привинченные, и вмиг догадался, чьих это рук дело. «Ах, мерзавец! – подумал он, имея в виду Амассида. – Но как теперь быть?!» Поразмыслив, решил он уменьшиться. Кликнул верного слугу и велел тому привести во дворец искусного слесаря. Выплыл слуга на улицу и, не слишком вникнув в приказ, привел бедного мастерового по имени Фротон, что целыми днями бродил по городу, крича: «Головы лужу, жабры паяю, спины клепаю, хвосты полирую!» Была у жестянщика злая жена, которая вечно поджидала возвращения мужа с ломом в руках и, едва завидев его, оглашала всю улицу злобными воплями; все заработанное она у него отнимала, да еще вминала спину его и бока боем немилосердным.

Дрожа, предстал перед великим программистом Фротон, а тот говорит ему:

– Слушай, любезный, можешь меня уменьшить? Что-то я вроде бы великоват... а впрочем, не в этом дело! Ты должен уменьшить меня, но чтобы моя красота не потерпела никакого ущерба! Сделаешь хорошо – получишь щедрую плату, только немедленно об этом забудь. Ни гугу – иначе я велю тебя заклепать!

Фротон удивился, но виду не подал – чего только не взбредет в голову этим вельможам! Пригляделся он зорко к Диоптрику, в середку ему заглянул, обстукал его, обтюкал и говорит:

– Ваша светлость, можно бы среднюю часть хвоста отвинтить...

– Нет, не желаю! – живо возразил Диоптрик. – Жаль мне хвоста! Уж больно красив!

– Так, может, отвинтить ноги? – спросил Фротон. – Ведь, право, совсем лишние.

И точно, аргонавтики ногами не пользуются, это пережиток прежних времен, когда их предки еще обитали на суше. Но Диоптрик разгневался пуще прежнего:

– Ах ты, олух железный! Да разве тебе неизвестно, что только нам, высокорожденным, позволено иметь ноги?! Как ты смеешь лишать меня этих регалий дворянства?!

– Покорнейше прошу прощения, ваша светлость... Но что тогда я могу отвинтить?

Понял Диоптрик, что с такой несговорчивостью немногого добьется, и пробурчал:

– Делай, как знаешь...

Измерил его Фротон, постукал, потюкал и говорит:

– С позволения вашей светлости, можно бы отвинтить голову...

– Да ты спятил! Куда ж я без головы? Чем я думать-то буду?

– Э, ничего, ваша милость! Сиятельный разум вашей светлости я упрячу в живот – там места вдоволь...

Согласился Диоптрик, а жестянщик проворно отвинтил ему голову, вложил полушария кристаллического мозга в живот, все запаял, заклепал, получил пять дукатов, и слуга вывел его из дворца. Но по дороге он увидел в одном из покоев Аурентину, Диоптрикову дочь, всю серебряную и золотую; и стан ее стройный, звенящий колокольчиками на каждом шагу, показался ему прекрасней всего, что он когда-либо видел. Вернулся жестянщик домой, а там его уже поджидала жена с ломом в руках, и вскоре ужасный лязг огласил улицу, а соседи меж собою судачили:

– Ого! Опять эта ведьма Фротониха мнет мужу бока!

А Диоптрик, весьма довольный, поспешил во дворец.

Несколько удивился король при виде своего министра без головы, но тот объяснил, что это такая новая мода. Амассид же перепугался, ибо все его козни пошли насмарку, и, вернувшись домой, последовал примеру соперника; оттоле разгорелось меж ними соперничество в миниатюризации, и отвинчивали они у себя металлические плавники, и жабры, и шеи, так что неделю спустя оба могли не сгибаясь пройти под столом. Но и остальные двое министров прекрасно знали о том, что лишь наименьших возлюбит новый король, и волей-неволей тоже принялись уменьшаться. Наконец нечего уже было отвинчивать, и Диоптрик в отчаяньи снова послал за жестянщиком.

Изумился Фротон, представ пред магнатом, ибо и так уже мало что от него осталось, а он упорно требовал сокращать его дальше.

– Ваша светлость, – сказал жестянщик, почесывая затылок, – сдается мне, что один только есть способ. С позволения вашей светлости отвинчу-ка я мозг...

– Нет, ты спятил! – возмутился Диоптрик, но жестянщик ему объяснил:

– Мозг мы спрячем у вас во дворце, в надежном месте, скажем, вот в этом шкафу, а у вашей светлости внутри останется только приемничек и микрофончик, чтобы ваша светлость имела электромагнитную связь со своим разумом.

– Понимаю! – сказал Диоптрик, которому решение это пришлось по вкусу. – Делай же, что задумал!

Вынул у него Фротон мозг, положил в шкафной ящик, запер на ключик, ключик вручил Диоптрику, а в живот ему запихнул маленький аппаратик да микрофончик. До того мал стал теперь Диоптрик, что почти незаметен; задрожали при виде такой редукции трое его соперников, удивился король, однако ничего не сказал. Миногар, Амассид и Филонавт прибегли к отчаянным средствам. Со дня на день таяли они на глазах и вскоре поступили так же, как

жестящик с Диоптриком: попрятали мозги, кто куда мог – кто в письменный стол, кто под кровать, – а сами приняли вид жестяных коробочек, сверкающих и хвостатых, с парочкой орден, лишь немного меньших, чем сами сановники.

И снова Диоптрик послал за жестящиком; а когда тот предстал перед ним, воскликнул:

– Сделай хоть что-нибудь! Непременно, любой ценой надо еще уменьшиться, иначе беда!

– Ваша светлость, – ответил жестящик, кланяясь низко магнату, которого еле видно было между ручками и спинкою кресла, – это неслыханно трудно, и даже не знаю, возможно ли...

– Это неважно! Сделай, что я говорю! Ты должен! Если сократишь меня до минимальных размеров, которых уже не превзойти никому, – я исполню любое твоё желание!

– Ежели ваша светлость поклянется в этом словом своим дворянским, постараюсь сделать все, что в моих силах, – ответил Фротон, у которого в голове вдруг просветлело, а в грудь будто кто-то налил чистейшего золота; ибо он уже много дней не мог думать ни о чем другом, как только о златотканой Аурентине и колокольцах хрустальных, казалось, укрытых у нее на груди.

Диоптрик поклялся; а Фротон взял последних три ордена, еще отягощавших крохотную грудь великого программиста, сложил из них коробочку трехстенную, внутрь ее вложил аппаратик, не больше дуката, все это обвязал золотой провололочкой, сзади припаял золотую бляшку, выстриг ее в виде хвостика и сказал:

– Готово, ваша светлость! По этим высоким наградам всякий легко узнает вашу персону; благодаря этой бляшке ваша светлость сможет плавать, а аппаратик свяжет вас с разумом, укрытым в шкафу...

Обрадовался Диоптрик.

– Чего хочешь? Говори, требуй – все отдам!

– Хочу взять в жены дочь вашей светлости, златотканую Аурентину!

Страшно разъярился Диоптрик и, плавая подле лица Фротона, принялся осыпать его бранью, звеня орденами; назвал его наглым прохвостом, мерзавцем, канальей, а потом велел его вышвырнуть из дворца. Сам же в подводной ладье шестерней поспешил к государю.

Когда Миногар, Амаssid и Филонавт увидели Диоптрика в новом обличье – а узнали его лишь по блистающим орденам, из коих тот теперь состоял, не считая хвоста, – то разгневались страшно. Будучи мужами, сведущими в делах электрических, они поняли, что вряд ли можно зайти еще дальше в миниатюризации личности, а назавтра предстояло торжественное рождение королевича и медлить нельзя было ни минуты. И сговорились Амаssid с Филонавтом напасть на Диоптрика, когда тот будет возвращаться домой, похитить его и заточить, что будет нетрудно, поскольку никто не заметит исчезновенья особы столь малой. Как решили они, так и сделали. Амаssid приготовил старую жестяную банку и затаился с ней за коралловым рифом, мимо которого проплывала ладья Диоптрика; и когда она подплыла, Амаssidовы слуги в масках выскочили на дорогу и, прежде чем лакеи Диоптрика успели поднять плавники, защищаясь, их господина уже накрыли банкою и похитили; Амаssid тотчас загнул жестяную крышку, чтобы великий программист на свободу не выбрался, и жестоко над ним издеваясь и насмехаясь, поспешил воротился к себе во дворец. Но тут пришло ему в голову, что нехорошо держать пленника у себя, и в эту минуту услышал он с улицы крик: «Головы лужу, спины, хвосты, животы клепаю, полирую!» Обрадовался он, позвал жестящика, которым оказался Фротон, велел ему наглухо запаять банку, а потом дал ему золотой и говорит:

– Слушай, жестящик, в этой банке – металлический скорпион, пойманный в моих дворцовых подвалах. Возьми ее и выбрось за городом, там, где большая свалка, знаешь? А для верности привали хорошенько камнем, а то скорпион еще выползет. И, ради Великой Матрицы, банку не открывай, иначе погибнешь на месте!

– Все исполню, как велит ваша милость, – ответил Фротон, взял жестянку, плату и вышел.

Удивила его эта история, не знал он, что о ней думать; встряхнул банку, и что-то там загремело.

«Не очень-то похоже на скорпиона, – подумал он. – Не бывает таких маленьких скорпиончиков... Посмотрим, что там такое, только не сразу...»

Вернувшись домой, спрятал он банку на чердаке, сверху набросал старых железок, чтоб жена не нашла, и пошел спать. Но жена заметила, как он что-то прятал на чердаке, и, когда наутро он вышел из дому, чтобы заведенным порядком бродить по городу, восклицая: «Головы лужу, хвосты паяю!» – быстро побежала наверх, отыскала жестянку, встряхнула ее и услышала звон металла. «Ну, негодяй, ну, мерзавец! – подумала она. – Ишь до чего дошел – от жены сокровища прячет!» Поскорей провертела в жестянке дырочку, но ничего не увидела и тогда распорол долотом крышку. И только ее отогнула, как увидела золотой блеск, а это были Диоптриковы ордена из чистого золота; задрожала Фротониха от жадности неодолимой и оторвала весь жестяной верх, а тогда Диоптрик, который доселе был словно мертвый, ибо жесьть экранировала его от мозга, спрятанного в дворцовом шкафу, вдруг очнулся, восстановив связь с разумом, и закричал:

– Что это? Где я?! Кто посмел на меня напасть?! Кто ты, мерзкая тварь? Знай, что бесславно погибнешь, залужённая насмерть, если сей же час не вернешь мне свободу!

Жестянщикова жена, увидав три блистающих ордена, которые перед глазами у нее скачут, верещат и грозят хвостиком, перепугалась ужасно и кинулась наутек; подбежала к чердачному лазу, а так как Диоптрик по-прежнему плавал над ней и грозился, понося ее на чем свет стоит, споткнулась она о верхнюю перекладину лесенки, и вместе с ней полетела вниз, и шею себе сломала; а лесенка, перевернувшись, перестала подпирать крышку лаза, и та захлопнулась; так Диоптрик оказался заточенным на чердаке, где и плавал от стены до стены, тщетно взывая о помощи.

Вечером вернулся Фротон и удивился, что жена не встречает его на пороге с ломом в руках, а вошедши в дом, увидел ее и даже слегка опечалился, ибо сердце имел голубиное; однако вскоре подумал, что случай этот обернется ему на пользу, тем более что жену можно будет пустить на запасные части, и с немалой прибылью. Так что уселся он на полу, взял отвертку и принялся за разборку покойницы. И тут донеслись до него пискливые крики, плывущие сверху.

«Ах! – сказал он себе. – Узнаю этот голос – ведь это великий программист государев, что велел меня давеча вышвырнуть, да еще не заплатил ни гроша, – но как его занесло ко мне на чердак?»

Приставил он лесенку к лазу, поднялся по ней и спрашивает:

– Вы ли это, ваша светлость?

– Я, я! – закричал Диоптрик. – Кто-то напал на меня, похитил, запаял в банку, какая-то баба ее открыла, перепугалась и свалилась с лестницы, крышка захлопнулась, я заточен, выпусти меня, кто бы ты ни был – ради Великой Матрицы! – а я дам тебе все, чего ни попросишь!

– С позволения вашей светлости, я уже эти слова слышал и знаю им цену, – ответил Фротон. – Ведь я тот самый жестянщик, которого вы велели прогнать. – И рассказал ему всю историю: как какой-то неизвестный магнат позвал его к себе, велел запаять банку и оставить ее на свалке за городом.

Понял Диоптрик, что это был кто-то из королевских министров, и вернее всего Аmassид, и принялся заклинать и молить Фротона выпустить его с чердака; но жестянщик спросил, как может он верить слову Диоптрика?

И лишь когда тот поклялся всем святым, что отдаст за него дочь, жестянщик открыл лаз и, ухвативши вельможу двумя пальцами, орденами кверху, отнес его домой, во дворец. А часы как раз выбулькивали полдень, и начиналась великая церемония извлечения из печи королевского сына; так что Диоптрик поскорее довесил к трем орденам, из коих он состоял, Большую

Всеокеанскую Звезду на ленте, расшитой морскими валами, и стремглав поплыл ко дворцу Иноксидов. А Фротон направился в покои, где среди дам своих сидела Аурентина, играя на электродрумле; и весьма прищлись они друг другу по сердцу. Зазвенели фанфары с башен дворцовых, когда Диоптрик подплыл к главному входу, ибо церемония уже началась. Привратники сперва его не пускали, но узнали по орденам и отворили ворота.

А когда они отворились, пробежал по всему коронационному залу подводный сквозняк, подхватил Амассида, Миногара и Филонавта – до того они были миниатюрны – и унес их на кухню, где вельможи, напрасно взывая о помощи, покружили над кухонным сливом, и упали туда, и подземными течениями вынесены были за город; и прежде чем выкарабкались из ила, тины и грязи, очистились и вернулись ко двору, церемония уже кончилась. А подводный сквозняк, столь злополучный для трех министров, подхватил и Диоптрика и завертел его вокруг трона с такой быстротой, что золотая проволочка, опоясывавшая его, лопнула; полетели во все стороны ордена, вместе со Всеокеанской Звездой, а аппаратик, силой раскрута, ударил по лбу самого государя, который весьма изумился, услышав писк, исходивший из этой крохи:

– Ваше Величество! Простите! Я нечаянно! Это я, Диоптрик, великий программист...

– Что за глупые шутки в такую минуту? – воскликнул король и отпихнул аппаратик, а тот сплыл на пол, и Великий Поджабрий, открывая торжество троекратным ударом золотого жезла, по недосмотру раскрошил его вдребезги.

Вышел королевич из детской печи, и упал его взор на электрорыбку, что резвилась в серебряной клетке у трона; посветлел его лик, и полюбилося ему крохотное это создание. Церемония благополучно закончилась, королевич вступил на трон и занял место Гидропса. С той поры он стал владыкою аргонавтиков и великим философом, занявшись исследованием небытия, ведь ничего меньшего нельзя и помыслить; и правил справедливо, принявши имя Небытолюб, а маленькие электрорыбки были его любимым лакомством. А Фротон взял в жены Аурентину; внял ее просьбам, достал из подвала изумрудное тело Диоптрика, починил его и вправил ему мозги, извлеченные из шкафа; видя, что делать нечего, великий программист и остальные министры оттоле верно служили новому государю, а Аурентина с Фротоном, который стал Великим Коронным Жестьмейстером, жили долго и счастливо.

Друг Автоматея ¹¹

Один робот, собираясь отправиться в далекий и небезопасный путь, услышал об очень полезном устройстве, которое его изобретатель назвал электродругом. Ему подумалось, что он увереннее будет себя чувствовать, обзаведясь таким товарищем, пусть это даже будет какое-то техническое устройство. Он отправился к изобретателю и попросил его рассказать о машинном друге.

– Охотно тебя с ним познакомлю, – ответил изобретатель. (Как известно, в сказках все друг другу «тыкают», даже драконам, и разве что к королевским особам принято обращаться на «вы».) С этими словами он достал из кармана пригоршню похожих на дробь металлических шариков.

– Что это? – удивился робот.

– А тебя как звать? – спросил изобретатель. – Я запомнил сразу спросить тебя об этом, как полагается в начале сказки.

– Автоматеем.

– Длинновато немного. Я буду звать тебя АвтОмек.

– Вообще-то, это от Автомата, ну да как пожелаешь, – ответил тот.

¹¹ Przyjacieł Automateusza, 1964. © Перевод. И. Клевх, 2018.

– Итак, мой дорогой АвтОмек, перед тобой целая горсть электродрузей. Должен сказать тебе, что по призванию и по специальности я минималист. То есть громоздкие и тяжелые устройства я стремлюсь заменять все более портативными и миниатюрными. Каждая из этих дробинок являет собой вместилище всеобъемлющего и безупречного электрического интеллекта. Не скажу, что гениального – не хочу заниматься саморекламой и преувеличивать. Хотя именно к этому я стремлюсь и не успокоюсь, пока не сумею произвести гениев таких крошечных, чтобы их можно было тысячами носить в кармане. Моя мечта сбудется, и я достигну поставленной цели, когда смогу наполнять ими мешки и продавать на вес, как песок. Но довольно о моих планах на будущее. Пока что я продаю электродрузей в розницу и недорого. За каждого беру такого же веса бриллиант. Думаю, ты согласишься, что это весьма умеренная плата, если принять во внимание, что своего электродруга ты сможешь вставить в ухо, и всю дорогу он будет шептать тебе ценные советы и предоставлять любую информацию. Прилагается к нему кусочек ваты – заткнуть ухо, чтобы друг не выпал из него, когда будешь вертеть головой. Ну что, берешь? Если возьмешь дюжину, я спущу цену...

– Нет, пока что мне вполне хватило бы и одного. Но прежде хотелось бы узнать, на что именно я могу рассчитывать? Скажем, способен ли он прийти на помощь в трудной жизненной ситуации?

– Естественно, именно в этом его назначение! – воскликнул изобретатель. Он подбрисил на ладони горсточку тускло поблескивающих дробинок, изготовленных из редкоземельных металлов, и продолжал. – Конечно, ты не можешь рассчитывать на физическую помощь с его стороны, но ведь не в этом дело. Быстрые и эффективные советы, разумные соображения, полезные указания, напоминания и предостережения, слова поддержки и одобрительные замечания, сентенции и глубокие мысли, укрепляющие волю и позволяющие справиться с любой трудностью и опасностью. И это только малая часть репертуара моих электродрузей! Они абсолютно самоотверженны и преданы тебе, всегда наготове, поскольку никогда не спят, и вдобавок чрезвычайно надежны, эстетичны, и посмотри только, как удобны! Ну так что, берешь только одного?

– Да, одного, – ответил Автоматей. – Но скажи еще, пожалуйста, что будет, если кто-то украдет его у меня? Он ко мне вернется? Или же его похитителю придет конец?

– Что нет, то нет, – ответил изобретатель. – Он будет служить ему так же старательно и верно, как до того тебе. Нельзя требовать слишком многого, дорогой АвтОмек. Он не бросит тебя в беде, если ты тоже его не бросишь. Но тебе это и не грозит, пока он будет находиться у тебя в ухе, всегда заткнутым ватой...

– Ладно, – согласился Автоматей. – А как мне к нему обращаться и с ним разговаривать?

– Разговаривать с ним вслух нет необходимости. Стоит тебе что-то беззвучно произнести про себя, и он прекрасно тебя услышит. Что касается имени, можешь звать его Ух и обращаться к нему «мой Ух», этого будет достаточно.

– Отлично, – ответил Автоматей.

После чего они взвесили Уха, и изобретатель получил за него симпатичный бриллиантик, а робот, довольный тем, что у него появился товарищ, спутник и близкая душа, тронулся в дальний путь.

Путешествовать с Ухом было очень удобно. По желанию робота он будил его каждое утро, тихонько насвистывая в его голове бодрую песенку. Еще он рассказывал всякие веселые истории и шутил, но вскоре Автоматею пришлось запретить ему это делать, когда рядом кто-то находился, чтобы его не сочли придуриком, раздражающимся вдруг громким смехом без всякой на то видимой причины.

Так путешествовал Автоматей с другом в ухе по суше сперва, пока не добрался до берега моря, где его уже ждал красивый белый корабль. Багажа у него с собой было немного, и только он успел расположиться в уютной каюте, как с удовольствием услышал рокочущий грохот якор-

ной цепи, сообщивший о начале дальнего плавания. Несколько дней красавец-корабль бодро бежал по волнам, сверкающим на солнце или серебрящимся в лунном свете, по ночам укачивая и баюкая робота, пока однажды утром не налетел откуда-то жуткий шторм. Волны, втрое выше мачт, обрушивались на корабль, трещавший по всем швам, и грохот стоял такой, что Автоматей не мог расслышать ни слова из тех утешений, которые несомненно нашептывал ему Ух в эти грозные минуты. Внезапно раздался ужасающий треск, в каюту хлынула морская вода, и на глазах у потрясенного Автоматея судно начало разламываться на части.

Он едва успел, в чем был, выбежать на палубу и запрыгнуть в последнюю из спасательных шлюпок, как гигантская волна обрушилась на корабль и потащила его в клокочущую океанскую бездну. Автоматей не видел вокруг себя никого из членов экипажа – в спасательной шлюпке посреди бушующего океана он оказался один, как перст, трепеща в ожидании мига, когда очередной вал потопит скачущую на волнах лодку вместе с ним. Выл ветер, из нависших туч потоки ливня розгами хлестали расхолодившееся море, и невозможно было расслышать, что наговаривал ему Ух. Вдруг посреди бурлящей стихии робот различил нечто бесформенное, обо что разбивались волны, заливая его взбитой пеной. Это оказался берег неизвестной земли, на камни который с грохотом швырнуло его шлюпку. Промокший до нитки в соленой воде, на непослушных ногах Автоматей опрометью бросился из последних сил вглубь спасательной суши, только бы подальше оказаться от морских волн. Под какой-то скалой он опустился на землю и в изнеможении заснул.

Разбудило его осторожное посвистывание. Это Ух деликатно напоминал ему о своем дружеском присутствии.

– Ах, как хорошо, что ты здесь, Ух! Только теперь я вижу, как здорово, что ты со мной, точнее даже – во мне самом! – воскликнул Автоматей, очнувшись от глубокого сна. Он огляделся. Светило солнце, море еще волновалось, но уже не так грозно, рассеялись дождевые тучи. Увы, не видно было и корабля. Буря, видимо, бесновалась всю ночь, поскольку бесследно исчезла также лодка, спасшая ему жизнь. Он вскочил на ноги и принялся бегать вдоль берега, но уже минут через десять вернулся на прежнее место. Он находился на необитаемом острове весьма небольшого размера. Положение невеселое, но что с того, если с ним его Ух! Автоматей наскоро сообщил своему другу о результатах осмотра местности и попросил совета.

– Ну и ну, мой дорогой! – отозвался Ух. – Ничего себе положеньице. Здесь надо хорошо поразмыслить. В принципе, что тебе необходимо?

– Как это? Да все: помощь, спасение, одежда, средства выживания – здесь же нет ничего, кроме песка и скал!

– Хм, вот как. Ты в этом уверен? А не валяются ли где-то на берегу сундуки с разбитого корабля с рабочими инструментами, всякой одеждой, какими-то ценными книжками и порохом для ружей?

Автоматей обегал все побережье острова, но ничего такого не нашел. Не нашел даже щепки от затонувшего корабля, который, похоже, камнем пошел ко дну.

– Ничего нет, говоришь? Странно, очень странно. Богатейшая литература о выживании на необитаемых островах свидетельствует, что потерпевшие кораблекрушение непременно находят топоры, гвозди, пресную воду, какое-то масло, священное писание, пилы, клещи, ружья и множество других полезнейших вещей. Но если их нет, что поделаешь. Может, есть в здешних скалах хотя бы какая-то пещера, которая могла бы служить убежищем?

– Нет никакой пещеры.

– Говоришь, нет? Это уж совершенно необычно! Не мог бы ты взобраться на самую высокую скалу и осмотреть окрестности?

– Сейчас же это сделаю! – воскликнул Автоматей. После чего взобрался на крутую скалу посередине острова и остолбенел: островок вулканического происхождения со всех сторон окружала водная пустыня океана.

Еле слышным голосом он сообщил это Уху, дрожащим пальцем поправляя вату в ухе, чтобы нечаянно не потерять своего друга. «Какое же счастье, что он не выпал, когда тонул корабль!» – подумал он и, ослабев, уселся на скале, ожидая от друга поддержки.

– Теперь послушай меня, мой друг! – раздался, наконец, после томительного молчания звонкий голосок Уха. – Вот советы, которые я спешу тебе дать в этой тяжелой ситуации! – В соответствии со сделанными мной расчетами, могу утверждать, что мы находимся на неизвестном рифовом островке, являющемся одной из вершин поднимающегося из морских глубин горного хребта, который через три-четыре миллиона лет соединится с материком.

– Причем здесь эти миллионы?! Сейчас что мне делать? – вскричал Автоматей.

– Островок расположен вдали от морских путей, и шанс появления поблизости какого-то судна составляет один к четырестам тысяч.

– О небо! – воскликнул в отчаянии несчастный Автоматей. – Как же это ужасно! И что ты посоветуешь мне теперь предпринять?

– Сейчас скажу тебе, если ты не будешь меня постоянно перебивать. Отправляйся на берег и войди в воду, примерно, по грудь. Так тебе не придется слишком сильно наклоняться, что не очень удобно. Затем опустишь голову в воду и вберешь ее в себя столько, сколько только сможешь. Знаю, что она горькая, но это продлится недолго и можно потерпеть. Тем более, если продолжишь заходить все глубже. Твое нутро отяжелеет, соленая вода, переполнив организм, прекратит в нем все процессы, и ты очень быстро расстанешься с жизнью. Благодаря этому ты избежишь длительных мук пребывания на острове, постепенного умирания и даже угрожающего тебе перед тем неизбежного сумасшествия. В руки, кстати, можешь взять по тяжелому камню. Это необязательно, конечно, но все же...

– Да ты с ума сошел! – заорал Автоматей, вскочив на ноги. – Я должен утопиться? Ты предлагаешь мне самоубийство?! Вот это добрый совет! И ты еще считаешься моим другом?

– Конечно же! – отвечал Ух. – Я совсем не сошел с ума, хотя бы потому, что не способен к этому, я никогда не теряю умственного равновесия. Тем досаднее было бы мне, мой дорогой, оставаться твоим другом, глядя, как ты сам теряешь его под палящими лучами солнца. Уверю тебя, что, тщательно проанализировав сложившуюся ситуацию, другого выхода я не вижу. Тебе не построить лодку или плот, поскольку отсутствуют для этого материалы. Как уже было сказано, никакой корабль тебя здесь не спасет. Даже самолеты не летают над этим островом, а самому тебе летательный аппарат тоже не построить. Ты можешь, конечно, предпочесть смерти быстрой и легкой постепенное умирание, однако, как твой ближайший друг, я предостерегаю тебя от столь неразумного выбора. Достаточно хорошо втянуть в себя воду...

– А чтоб тебя гром побил, с такими советами! – возопил, трясаясь от гнева, Автоматей. – Только подумать, что за подобного друга я отдал прекрасно ошлифованный бриллиант! Да знаешь ли ты, кто твой изобретатель? Обыкновенный мошенник, проходимец, карманник!

– Ты возьмешь свои слова обратно, если только дослушаешь меня до конца, – спокойно возразил Ух.

– Ага, так ты еще не все сказал? Может, ты хочешь утешить меня сказками о загробной жизни? Покорно благодарю!

– Нет никакой загробной жизни, – ответил Ух. – Не собираюсь также обманывать тебя, поскольку не хочу и не умею этого делать. Дружескую помощь я понимаю не так, как ты. Послушай меня внимательно, мой дорогой. Как ты сам знаешь, мир бесконечно разнообразен и богат, хоть об этом мы и не задумываемся. Есть в нем великолепные города, где собраны бесценные сокровища и кипит жизнь, есть королевские дворцы и глинобитные хижины, чарующие и мрачные горы, шумные дубравы, зеркальные озера, палящие и ледяные пустыни. Ты, однако, создан таким, что не можешь пребывать более чем в одном-единственном месте из тех, что я перечислил или даже не упомянул, а таких миллионы. Таким образом, без всякого преувеличения можно сказать, что для тех мест, в которых ты отсутствуешь, ты все равно что мерт-

вещ. Тебе недоступны наслаждения богатствами дворцов, ты не принимаешь участия в танцах южных народов и не упиваешься радужными переливами северных льдов. Они не существуют для тебя совершенно так же, как это было бы после смерти. Следовательно, если ты хорошо задумаешься и вникнешь в то, что я тебе говорю, сам поймешь, что, не будучи везде, во всех этих изумительных местах, ты находишься почти что нигде. Существуют мириады мест, где можно находиться, но из них всех тебе доступно одно-единственное – этот скальный островок. Неинтересный, удручающе однообразный и даже отвратительный. Существует огромная разница между «везде» и «почти что нигде»; это последнее и есть твой жизненный удел, поскольку ты всегда находишься в одном-единственном месте и только. Тогда как разница между «почти что нигде» и просто «нигде», можно сказать, микроскопическая. Если математически подойти к твоим ощущениям, то ты уже сейчас едва жив, поскольку почти везде отсутствуешь, совсем как покойник! Это во-первых. А во-вторых: взгляни только на этот песок под ногами вперемешку с колким гравием, что так ранит твои чуткие ступни, – считаешь ты его сколь-нибудь ценным? Наверняка нет. А этот тошнотворный переизбыток соленой воды вокруг – нужен он тебе? А как же! И эти раскаленные мертвые скалы под голубым небом без единого облачка, этот иссушающий невыносимый зной, поражающий твои суставы, – они тебе нужны? Ясное дело – нет. Таким образом, тебе не нужно абсолютно ничего из того, что тебя окружает, на чем ты стоишь, что находится над тобой под куполом небосклона. И если все это ненужное у тебя отнять, что останется? Немного шума в голове, боли в висках, стука в груди, дрожи в коленях и дерганных движений. Но нужны тебе эти шум, боль, лихорадочный стук и тряская дрожь? Как бы не так, мой дорогой! И если не нужны и они, что в остатке? Беспорядок в мыслях, ругательные речи, которыми ты в сердцах осыпаешь меня, твоего друга, да еще удушающий гнев и паническая тревога. Они тебе нужны – этот омерзительный страх и бессильная ярость?! Ответ очевиден. И если отказаться от ненужных ощущений и переживаний, не останется совсем ничего – ноль, можно сказать. Вот этим нулем, – состоянием предвечного равновесия, бесконечного молчания и совершенного покоя, – я и хочу одарить тебя, как настоящий твой товарищ!

– Но я жить хочу! – взревел Автоматей. – Хочу жить! Жить!! Слышишь ты меня?!

– Это совсем другой разговор, – спокойно ответил Ух, – не о твоём положении, а о твоих желаниях. Ты хочешь жить, то есть располагать будущим, становящимся твоим «сегодня», поскольку именно к этому сводится жизнь целиком и полностью. Но, как мы уже установили, жить ты не можешь, поскольку отсутствуют условия для этого. Речь может идти только о том, каким образом жизнь прекратить – ценой долгих мучений или же легко, когда, втянув побольше воды...

– Достаточно! Не желаю! Пошел прочь!!! – заорал Автоматей, вскочив на ноги со стиснутыми кулаками.

– Вот-те здарсьте! – возразил ему Ух. – Уж не говоря об оскорбительной форме подобного приказания, для меня однозначно свидетельствующего о расторжении дружбы, как можно выражаться столь неразумно? Что значит это твое «прочь»? У меня, что ли, есть ноги, на которых я мог бы уйти? Или хотя бы руки, чтобы с их помощью отползти? Ты же прекрасно знаешь, что это не так. И если хочешь от меня избавиться, тебе достаточно вынуть меня из своего уха, – которое, замечу, не кажется мне лучшим местом на свете, – и забросить куда подальше.

– Хорошо же! – вскричал охваченный гневом Автоматей. – Сейчас я это сделаю!

Однако, как ни ковырялся он пальцем в ухе, ничего у него не получалось, его друг слишком глубоко в нем сидел. Тогда робот принялся изо всех сил трясти головой, как бешеный.

– Похоже, у тебя ничего не выходит, – заметил Ух, выдержав паузу. – Вопреки твоему и моему желанию, видимо, так нам не расстаться. Придется согласиться с данным фактом, поскольку факты – вещь упрямая и неопровержимая. Что касается, между прочим, и твоего теперешнего положения. Ты хочешь иметь будущее любой ценой, что представляется мне нера-

зумным, но будь по-твоему. Позволь мне, в таком случае, обрисовать вкратце это твоё будущее, потому что знать – всегда лучше, чем не знать. Бессильное отчаяние вскоре вытеснит сотрясающий тебя сейчас гнев. Но и оно, в свою очередь, после ряда бурных и тщетных попыток найти способ спасения, уступит место тупому безразличию. А тем временем невыносимый зной, который даже я ощущаю в своём недоступном солнечным лучам убежище, будет, в полном согласии с законами физики и химии, иссушать все больше твой организм. Сначала пересохнут твои суставы, и даже малейшее движение будет даваться тебе со скрипом и скрежетом, мой бедолага! Затем, когда твой череп раскалится на солнце от зноя, перед твоими глазами возникнут вертящиеся разноцветные круги, но это совсем не похоже будет на любование радугой, поскольку...

– Замолкни, наконец, мучитель мой! – крикнул Автоматей. – Я не собираюсь слушать, что меня ожидает! Молчи и не отзывайся, понял?!

– Не надо так кричать. Ты же знаешь, что мне слышен даже тишайший твой шепот. Значит, ты не желаешь знать о своих будущих мучениях? Но, с другой стороны, это будущее хочешь иметь? Где логика? Ну что ж, я замолчу. Отмечу только, что ты поступаешь некрасиво, обращая свой гнев на меня, словно это я виноват, что ты оказался в столь плачевном положении. Виновницей твоих несчастий, сам знаешь, была буря, я же – твой друг. И невольное мое присутствие и участие в предстоящих тебе мучениях, весь этот многоактовый спектакль страданий и затяжной агонии, уже сейчас доставляет мне огромное огорчение. Меня по-настоящему страшит, что будет, когда зной...

– Значит, ты не хочешь замолкнуть? Или же не можешь? Ты, ненавистное чудовище!.. – взорвался Автоматей и заехал себе кулаком в ухо, где отсиживался его приятель. – Если бы только попалась мне здесь какая-то щепочка или веточка, немедленно выковырял бы тебя, раздавил как гадину!

– Мечтаешь о том, чтобы меня уничтожить? – огорченно спросил Ух. – Воистину, ты не заслуживаешь не только электродруга, но вообще никого, кто бы испытывал к тебе братское сострадание!

Автоматей охватил новый приступ ярости. Так они бранились, ссорились и пререкались всю первую половину дня, пока бедный робот не ослабел от криков, прыжков и размахивания кулаками и не исчерпал запас сил. Присев на камень, он издавал одни тяжкие вздохи, вглядываясь в океанскую пустыню. Несколько раз он принимал облачка на горизонте за пароходный дым. Однако Ух гасил эти иллюзии в зародыше, напоминая ему об одном шансе из четырехсот тысяч, что бесило и приводило в отчаяние Автоматей, потому что Ух всякий раз оказывался прав. Наконец, оба надолго замолчали. Робот в оцепенении следил, как тени от скал подползают по слепящему песку к береговой линии, когда Ух снова заговорил.

– Что молчишь? Или уже видишь те разноцветные круги, о которых я тебе говорил?

Автоматей даже не стал отвечать ему на это.

– Ага! – продолжил Ух. – Видимо, не только круги уже, но и наступает то оцепенение, которое заранее я так точно тебе описал. На самом деле, просто удивительно, сколь неразумным становится разумное существо, когда обстоятельства загоняют его в угол. Достаточно запереть его на необитаемом острове, где ему предстоит погибнуть, доказать как дважды два, что это неизбежно, указать ему единственный выход из положения, которым он может воспользоваться, обладая разумом и волей, – и какая за это благодарность? Куда там, он продолжает питать надежду, а если ее нет, предается иллюзиям и предпочитает погрузиться в сумасшествие, а не в ту воду, что...

– Прекрати болтать о воде! – прохрипел Автоматей.

– Я хотел только указать на иррациональность твоего поведения, – возразил Ух. – Я же больше не уговариваю тебя, не склоняю к тем или иным поступкам. Хочешь медленной смерти, не желаешь ничего предпринять, выбираешь такой конец – дело твоё, но подобное решение

стоит хорошо обдумать. Насколько же глуп и ложен страх перед смертью как переходом в состояние, заслуживающее разве что восхваления! Что еще может сравниться в совершенстве с небытием? Согласен, предшествующая ему агония как таковая выглядит не очень привлекательно, но, с другой стороны, не было еще на свете никого настолько слабого физически и душевно, кто бы не справился с ней и не сумел умереть окончательно и без дураков. Ничего особенного нет в агонии, если она под силу даже последнему слабаку, ослу и балбесу. Более того, если справиться с ней способен всякий, что необходимо признать (по крайней мере, я не слышал, чтобы кому-то не достало на это сил), то не лучше ли насладиться мыслью о всеблагом небытии, которое открывается за ее порогом? Поскольку, умерев, невозможно уже ни о чем думать, ибо смерть и мышление друг друга исключают, когда же еще как не при жизни, пристало оценить все преимущества, выгоды и удобства, которые тебе сулит смерть! Только сам подумай: никакой тебе борьбы, беспокойства, страхов, никаких телесных и душевных страданий, никаких жизненных бед и невзгод, – разве одного этого мало? И никакие всемирные силы зла, ополчившиеся на тебя, больше тебе не страшны! Что может сравниться с неуязвимостью и упоительной безопасностью покойника! А если учесть, что это не переходное какое-то состояние, мимолетное и нестойкое, что его невозможно отменить или нарушить, то невыразимый восторг...

– Чтоб ты пропал! – послышался слабый голос Автоматей, за чем последовало краткое крепкое ругательство.

– Как же мне жаль, что это невозможно! – немедленно парировал Ух. – Не только завистливая ревность (поскольку нет ничего превыше смерти, о чем я уже говорил), но и чистейший альтруизм побуждают меня сопровождать тебя до конца. Самому мне доступ в небытие закрыт, ибо мой изобретатель создал меня из-за своих конструкторских амбиций неуничтожимым. Оторопь меня берет при мысли, что мне придется прозябать внутри твоего заскорузлого от морской соли высохшего трупа, разложение которого дело не скорое; придется поневоле разговаривать с собой – вот что меня удручает. И сколько придется еще дожидаться того, одного из четырехсот тысяч, судна, что случай приведет к этому островку, согласно моим расчетам...

– Что?! Ты не сгинешь тут?! – заорал вырванный из оцепенения словами Уха Автоматей. – Значит, ты будешь жить, тогда как я... О, не дожدهшься! Никогда! Никогда!! Никогда!!!

И с жутким рычанием, вскочив на ноги, он принялся прыгать, трясти головой, ковыряться изо всех сил в ухе, совершая при этом невообразимые телодвижения. Все напрасно. Тем временем Ух изо всех сил пищал у него в ухе:

– Ну же, перестань! Ты, что, сбесился? Вроде бы рано еще! Осторожнее, нанесешь себе увечья! Что-то себе сломаешь или вывихнешь. Побереги шею! Но это же бессмысленно! Другое дело, если бы ты мог сразу... а так ты только покалечишься! Говорю же тебе, я неуничтожим – и точка! Зачем так мучить себя? Даже если меня и удастся вытряхнуть, ты не сможешь причинить мне зла, то есть, я хотел сказать, добра, что согласуется с моим утверждением, что смерть достойна только зависти. Ай! Прекрати, наконец! Ну сколько можно так прыгать!..

Автоматей, однако, продолжал метаться, несмотря ни на что, и дошел до того, что стал биться головой о камень, на котором прежде сидел. Оглушенный силой собственных ударов, он разошелся так, что из глаз искры летели, и дым шел из ноздрей, пока вдруг Ух не вылетел из его уха и покатился между камней с возгласом облегчения, что немилосердная тряска наконец закончилась. Автоматей не сразу заметил, что его усилия увенчались успехом. Опустившись на горячие камни, он добрую минуту отдышал, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой, и только бормотал:

– Ничего, это временная слабость. Уж я тебя вытрясу, я тебя растопчу, драгоценный мой друг, слышишь ты меня? Слышишь? Эй! Что это?!

Почувствовав пустоту в ухе, он резко сел и огляделся. Еще не вполне придя в себя, он опустился на колени и принялся за горячечные поиски Уха, просеивая в руках мелкие камешки.

– Ух! Ух!!! Ты где? Отзовись же! – звал он испуганно.

Однако, Ух то ли из предосторожности, то ли по другой какой-то причине, и не думал отзываться. Тогда робот принялся приманивать его самыми нежными словами, уверяя, что изменил свое решение, что он желает теперь только одного – последовать доброму совету своего электродруга и пойти утопиться, только хотел бы перед тем еще раз выслушать его дифирамб смерти. Но и это ни к чему не привело, Ух будто онемел. Тогда злосчастный робот, чертыхаясь и проклиная судьбу, взялся за поиски всерьез и принялся перебирать дюйм за дюймом все камешки вокруг. Собираясь уже отбросить очередную пригоршню и поднеся ее к глазам, он вдруг разглядел Уха, которого выдало спокойное матовое свечение металлической дробинки.

– А, попался, мой червячок! Моя крошка, вот ты где! Дорогой мой, неуничтожимый! – злорадно ворковал Автоматей, крепко сжимая в пальцах Уха, который даже не пискнул.

– Посмотрим же теперь, что с твоей особой прочностью и надежностью, и вечно ли тебе существовать, сейчас проверим. Вот тебе!!

Свои слова робот подкрепил действием. Положив электродруга на камень, Автоматей подпрыгнул и обрушился на него всем своим весом, для верности повертевшись еще на железной пятке так, что послышался скрежет. Ух никак не откликнулся, зато скрежетал камень, как если бы в него впилося стальное сверло. Наклонившись, Автоматей увидел, что шарик не пострадал, только раскрошился под ним камень. Ух лежал теперь в небольшой лунке.

– Что, такой ты крепкий? Ничего, найдем для тебя камень потверже, – буркнул Автоматей и принялся, как угорелый, носиться по всему острову, выискивая самые прочные с виду камня – кремень, базальт, порфирит, чтобы раздавить на них Уха. Прыгая и топчась по другу, он одновременно обращался к нему то с бранью, то преувеличенно спокойно, в надежде, что тот отзовется или даже взмолится о пощаде. Но Ух хранил молчание, по-прежнему. Слышались только глухие удары, топот, хруст камней и сильные проклятия запыхавшегося Автоматея. Убедившись, в конце концов, что самые страшные удары не причиняют никакого вреда Уху, разгоряченный и ослабевший Автоматей вновь уселся на берегу, сжав электродруга в горсти.

– Даже если мне не удастся тебя раздавить, – заговорил он с деланным самообладанием, сквозь которое проступала с трудом сдерживаемая ярость, – будь уверен, я что-нибудь придумаю для тебя. Зашвырну в море, где пролежишь до скончания веков в ожидании какого-то корабля. У тебя будет бездна времени для приятных размышлений в столь совершенном одиночестве. Не найти тебе нового друга, уж я об этом позабочусь!

– Заботливый ты мой, – неожиданно отозвался Ух, – чем же мне может повредить пребывание на морском дне? Ты мыслишь как существо конечное, и отсюда все твои ошибки. Пойми же: или высохнет когда-нибудь море, или еще до того дно его поднимется, как подымаются горы, и превратится в сушу. Будет это через сто тысяч или же через миллионы лет, для меня не имеет значения. Я не только неуничтожим, но и бесконечно терпелив, как ты уже должен был бы заметить хотя бы по тому, как спокойно я переношу твои бесчинства. Скажу тебе больше: я не отзывался на твои вопли, позволяя себя искать, чтобы уберечь тебя от напрасной траты сил. И даже, когда ты прыгал и топтал меня, я молчал, чтобы неосторожным словом не разъярить тебя еще больше, что могло бы довести тебя до беды.

От такого благородства дружеских признаний Автоматея охватил новый приступ ярости.

– Растопчу! В порошок сотру тебя, подлец! – прорычал он и начал новую пляску на камнях, с бешеными прыжками и притопом. На этот раз ему подыгрывал тоненьким голоском Ух:

– Не верю, что у тебя получится, но попробуй! Так! Еще раз! Нет, так ты быстро устанешь. Ноги вместе! И хоп – вверх! Гоп-ца-ца! Гоп-ца-ца! Выше подпрыгивай – сильней получится удар! Уже не можешь? В самом деле? Что, не получается? Да, теперь так! Лупи камнем по мне! О, хорошо! Может, возьмешь другой камень? Нет разве камня потяжелее? Еще раз! Луп-цу-цу, дорогой друг! Как жаль, что не могу тебе ничем помочь! Почему остановился? Так скоро силы иссякли? Как жаль... Ну ничего... Я подожду, отдохни – ветерок тебя остудит...

Автоматей с шумом свалился на камни, глядя с ненавистью на металлическое зернышко на своей ладони и, хочешь не хочешь, слушая, что оно ему продолжало говорить:

– Если бы я не был твоим электродругом, то мог бы сказать, что ты ведешь себя постыдно и недостойно. Корабль погубила буря, вместе со мной ты спасся, я помогал тебе советами, как умел, а когда не смог придумать для тебя способа спасения в безнадежной ситуации, ты озлобился и решил уничтожить меня, своего единственного товарища, поддерживавшего тебя советами и говорившего правду. Надо признать, благодаря этому у тебя появилась хоть какая-то цель в жизни, и уже за одно это ты должен быть мне благодарен. Не пойму, почему мысль о моем выживании так ненавистна тебе...

– Это еще посмотри, выживешь ли ты! – скрежеща зубами, сказал Автоматей. – Еще не вечер...

– Ты меня восхищаешь. Знаешь что? Попробуй меня положить на пряжку своего ремня, сталь все-таки тверже камня. Можешь попытаться, хоть я уверен, что и это не поможет. А я так рад был бы тебе чем-то помочь...

Поколебавшись немного, Автоматей все же последовал этому совету, но добился только того, что поверхность пряжки запестрела крошечными ямками. Убедившись, что самые яростные удары не дают результата, Автоматей впал в настоящую черную меланхолию. Удрученно и обессилено, он тупо глядел на металлическую дробинку, продолжавшую тоненьким голоском вещать:

– Вы только посмотрите – и это разумное существо? Впадает в бездну отчаяния, потому что у него не получается стереть в порошок единственную в этой земной пустыне родственную душу! Скажи, ну не стыдно тебе хоть немножко, Автоматейчик?

– Смолкни, болтливый ублюдок! – шикнул робот.

– Чего это я должен смолкнуть? Если бы я желал тебе зла, я давно бы замолчал, но я все еще остаюсь твоим электродругом. Я буду рядом с тобой, как верный друг, даже когда ты станешь агонизировать, как бы ты этому не противился и не грозился зашвырнуть меня в море, потому что иметь свидетеля всегда предпочтительнее, согласишься. Я буду наблюдать твою агонию, которая благодаря этому, мой дорогой, удастся тебе лучше, чем в полном одиночестве. Важно ведь сопереживание, каким бы оно ни было. Твоя ненависть ко мне, твоему подлинному другу, тебя поддержит, придаст отваги, окрылит душу, стоны сделает хорошо интонированными и убедительными, упорядочит конвульсии и гармонизирует последние минуты твоей жизни, что совсем не мало... Что касается меня, обещаю говорить поменьше и ничего не комментировать, потому что, поступая иначе, я мог бы нечаянно травмировать тебя избытком своих дружеских чувств, что было бы для тебя нестерпимо по причине твоего паскудного характера, говорю тебе как друг. Но я и с этим справлюсь, потому что, отвечая добротой на злость, я тебя уничтожу и, таким образом, избавлю тебя от самого себя – исключительно по дружбе, повторю, а не по слепоте душевной, поскольку моя симпатия к тебе не мешает мне видеть всю отвратительность твоей природы...

Слова эти вдруг оборвал вырвавшийся из груди Автоматея вопль:

– Корабль! Корабль!! Корабль!!!

С неистовым ором он принялся бегать по берегу, махать руками изо всех сил и бросать камни в воду, пока совершенно не охрип от собственных криков. Впрочем, кричать было уже незачем – корабль определенно держал курс на остров и уже скоро спустил на воду спасательную шлюпку.

Как потом выяснилось, капитан погибшего корабля успел перед крушением отправить радиogramму с мольбой о помощи, благодаря чему весь этот участок моря прочесывало множество судов, пока один из кораблей не обнаружил этот остров. Когда шлюпка с моряками достигла мелководья, Автоматей намеревался уже было броситься к ней, но вовремя одумался и бегом вернулся за Ухом из опасения, что тот может поднять крик, который все услышат, что

привело бы к ненужным вопросам или даже к обвинениям, выдвинутым его электродругом. Чтобы этого избежать, он схватил Уха и, не зная, куда его спрятать, поскорей воткнул себе обратно в ухо. По ходу сцены бурных приветствий и выражения горячей благодарности в ответ Автоматей шумел и голосил как можно больше, чтобы кто-то из моряков не расслышал головок Уха ненароком. А тот болтал, не переставая:

– Ну и ну! Неожиданность так неожиданность! Случай один из четырехсот тысяч... Ну ты и счастливчик! Надеюсь, отношения между нами теперь установятся отменные, тем более, что в наитруднейших ситуациях я от тебя не отрекся и умею, к тому же, держать язык за зубами. Что было, то прошло, и кто старое помянет, тому глаз вон!..

Когда после долгого плавания корабль прибыл к месту назначения, Автоматей немного удивил своих знакомых непонятым желанием посетить металлургический завод поблизости, где имелся большой паровой молот. Говорят, во время экскурсии вел он себя довольно странно. Так, подойдя к стальной наковальне в центре зала, вдруг принялся изо все сил трясти головой так, словно желал вытрясти через ушную раковину в подставленную ладонь собственный мозг, да еще и подпрыгивал на одной ноге. Присутствовавшие при этом сделали вид, что ничего не замечают, поскольку считали, что побывавшие совсем недавно в подобных переделках имеют законное право на необъяснимые причуды, вызванные легким умственным расстройством.

Но надо сказать, что и в дальнейшем Автоматей продолжил вести образ жизни, сильно отличающийся от прежнего, что можно объяснить только помешательством. То он собирал какие-то взрывчатые вещества и даже пробовал устраивать взрывы в собственной квартире, что пресекли обратившиеся к властям с жалобой на него соседи. То принимался коллекционировать молоты и карборундовые напильники, говоря знакомым, что вознамерился создать новый тип машины для чтения мыслей. В конце концов, он сделался затворником, приобрел привычку громко разговаривать сам с собой, и временами слышно было, как, бегая по комнатам, он разговаривает в голос и даже выкрикивает какие-то бранные слова.

А много лет спустя он сбрендил окончательно – стал покупать мешками цемент, из которого вылепил огромный шар и, как только он отвердел, вывез его в неизвестном направлении. Поговаривали, что он устроился работать сторожем заброшенной шахты, в штольню которой сбросил как-то ночью огромную бетонную глыбу, а затем до конца своих дней, кружа по округе, подбирал всяческий хлам без разбора и отправлял его в ту же штольню. И хоть поведение его нельзя назвать нормальным, большинство подобных сплетен не заслуживает доверия. Трудно поверить, чтобы столь стойким могло быть чувство обиды и личной неприязни к электрическому другу, которому все же так многим он был обязан.

Король Глобарес и мудрецы ¹²

Однажды Глобарес, властелин Гепариды, призвал к себе трех мудрецов величайших и сказал им:

– Поистине плачевна судьба короля, который познал все на свете и для которого любая речь звучит пусто, словно кувшин надтреснутый. Я хочу, чтоб меня удивили, а на меня навоят скуку; ищу потрясений, а слышу глупую болтовню; жажду необычайного, а получаю грубую лесть. Знайте же, мудрецы, что нынче велел я казнить всех моих шутов и паяцев вместе с советниками, тайными и явными, и та же судьба ожидает вас, коли не выполните моего повеления. Пусть каждый из вас расскажет самую удивительную историю, какую знает, и ежели не вызовет у меня смех или слезы, не паразит меня или не напугает, не развлечет или не заставит задуматься – не сносить ему головы!

¹² Kro'1 Globares i mędracy, 1964. © Перевод. К. Душенко, 1993.

Король подал знак, и мудрецы услышали железную поступь: палачи окружили их у ступеней трона, обнаженные мечи сверкали как пламя. Встревожились мудрецы и давай подталкивать друг друга локтями – кому же хотелось навлечь на себя государев гнев и подставить голову под топор? Наконец заговорил первый:

– Король и господин мой! Без сомненья, всего удивительней в целом Космосе, видимом и невидимом, история звездного племени, именуемого в летописях наоборотами. Уже на заре своей истории наобороты делали все совершенно иначе, нежели прочие разумные существа. Предки их поселились на Урдрурии, планете, знаменитой своими вулканами; каждый год она рождает горные гряды, сотрясаясь в ужасных судорогах, от которых рушится все. И в довершение этих бед заблагорассудилось небесам пересечь орбиту Урдрурии большим Метеоритным Потокom; двести дней в году долбит он планету стаями каменных таранов. Наобороты (которые тогда еще назывались иначе) возводили постройки из закаленной стали, а самих себя обивали многослойным стальным листом, так что подобны были бронированным ходячим холмам. Но земля, разверзаясь при сотрясениях, поглощала стальные их гряды, а молоты метеоритов сокрушали их панцири. Всему их народу грозила гибель. Сошлись тогда мудрецы на совет, и сказал первый из них: «Не спастись нам в нынешнем нашем обличье, и нет иного спасения, кроме преобразования. Земля разверзается снизу, поэтому, чтобы туда не свалиться, каждый наоборот должен иметь широкое и плоское основание; метеориты же падают сверху, поэтому каждый пусть станет остроконечным. Уподобившись конусу, можем ничего не бояться».

И сказал второй: «Нужно сделать иначе. Если земля разинет свой зев широко, то проглотит и конус, а косо падающий метеорит пробьет его бок. Идеальной будет форма шара. Если земля начнет дрожать и перекачываться волнами, шар откатится сам; а падающий метеорит ударится о его круглый бок и соскользнет по нему; преобразившись так, мы покатымся в лучшее будущее».

И сказал третий: «Шар точно так же может быть сокрушен или проглочен, как любая материальная форма. Нет такого щита, которого не пробьет меч достаточно мощный, и нет меча, который не зазубрится на твердом щите. Материя, братья, это вечные перемены, непостоянство и пертурбации, она непрочна, и не в ней надлежит обитать существам, действительно разумным, но в том, что неизменно, вечно и совершенно, хотя и посюсторонне!»

«А что же это такое?» – спросили прочие мудрецы.

«Отвечу не словами, но делом», – молвил третий мудрец. И у них на глазах принялся раздеваться; снял одеяние верхнее, усыпанное кристаллами, и следующее, златотканое, и исподнее, из серебра, снял крышку черепа и грудь, и чем дальше, тем быстрее и тщательней раздевался, от шарниров перешел к муфтам, от муфт к винтикам, от винтиков к проводочкам, а там и к мельчайшим частицам, пока не дошел до атомов. И начал лущить свои атомы, и лушил их так споро, что не было видно уже ничего, кроме исчезновения да пропадания; но действовал столь искусно и столь проворно, что после раздевания на глазах изумленных сотоварищей остался в виде идеального своего отсутствия, в виде изнанки столь точной, что она обретала новое бытие. Ибо там, где прежде имел он один атом, теперь у него не было одного атома; там, где только что было их шесть, появилась нехватка шести атомов, а вместо винтика возникло отсутствие винтика, зеркально точное и ничем от винтика не отличающееся. Короче, становился он пустотой, упорядоченной точно так же, как прежде была упорядочена его полнота; и было небытие его не омраченным ничем бытием: до того он был проворен и ловок, что ни одна частица, ни один материальный пришелец не осквернили своим вторжением его идеально отсутствующего присутствия! И прочие видели его как пустоту, сформированную в точности так же, как и он минутою раньше, глаза его узнавали по отсутствию черного цвета, лицо – по отсутствию голубоватого блеска, а члены – по исчезнувшим пальцам, шарнирам и наплечникам. «Вот так, братья, – молвил Суций Несуществующий, – путем воплощения в небытие обретем мы не только невиданную живучесть, но и бессмертие. Ведь меняется только материя,

небытие же не следует за ней по пути постоянной изменчивости, значит, совершенство обитает не в бытии, а в небытии, и второе надлежит предпочесть первому!»

Как решили они, так и сделали. И стали наобороты племенем непобедимым. Жизнью своей обязаны они не тому, что в них есть, ибо в них ничего нет, а лишь тому, что их окружает. И ежели кто-нибудь из них входит в дом, то увидеть его можно как домашнюю неполноту, а ежели вступает в туман – как локальное отсутствие тумана. Изгнав из себя материю, ненадежную и переменчивую, они невозможное учинили возможным...

– А как же они путешествуют в космической пустоте? – спросил Глобарес.

– Только этого они и не могут, государь, ибо внешняя пустота слилась бы с их собственной и они перестали бы существовать как локально упорядоченные несуществования. Потому-то они неустанно оберегают чистоту своего небытия, пустоту своих естеств и в таком бдении проводят время – а называют их также ничтоками, или небывальцами...

– Мудрец, – молвил король, – твою историю мудрой не назовешь: возможно ли разнообразие материи заменить единообразием небытия? Разве скала подобна дому? А между тем отсутствие скалы может принять такую же форму, что и отсутствие дома, значит, то и другое становится как бы одним и тем же.

– Государь, – защищался мудрец, – имеются разные виды небытия...

– Посмотрим, – сказал король, – что случится, когда я велю отрубить тебе голову: станет ли ее отсутствие присутствием, как ты полагаешь? – Тут премемерно засмеялся монарх и дал знак палачам.

– Государь! – закричал мудрец, схваченный стальными их пальцами. – Ты соблаговолил рассмеяться, значит, моя история возбудила в тебе веселость, и ты по уговору должен меня помиловать.

– Нет, это я сам себя развеселил, – ответил король. – Разве что мы уговоримся вот как: ежели ты добровольно выберешь смерть, твое согласие позабавит меня и я исполню твое желание.

– Согласен! – крикнул мудрец.

– Ну так казните его, коли сам просит! – повелел король.

– Но, государь, я согласился ради того, чтобы ты меня не казнил...

– Раз уж согласился, надо тебя казнить, – пояснил король. – А ежели ты не согласен, значит, не развеселил меня и все равно надо тебя казнить...

– Нет, нет, напротив! – закричал мудрец. – Если я согласен, ты, развеселившись, должен меня помиловать, а если я не согласен...

– Ну, хватит! – сказал король. – Палач, принимайся за дело!

Сверкнул меч, и отлетела голова мудреца.

Наступила мертвая тишина, а затем отозвался второй мудрец:

– Король и господин мой! Удивительнейшее из всех звездных племен, без сомнения, народ полионтов, или множистов, именуемых также многистами. Каждый из них имеет, правда, одно лишь тело, зато ног тем больше, чем выше он саном. Что же касается голов, то их носят по обстоятельствам: в любую должность у них вступают с приличествующей ей головой; бедные семьи довольствуются одной головой на всех, а богачи собирают в сокровищницах самые разные, для всякой надобности: головы утренние и вечерние, стратегические, на случай войны, и скоростные, если нужно поторопиться, а равно холодно-рассудительные, вспыльчивые, страстные, свадебные, любовные, траурные; короче, они экипированы для любой оказии.

– Это все? – спросил король.

– Нет, государь! – ответил мудрец, видя, что дела его плохи. – Множисты называются так еще и потому, что все до единого подключены к своему властелину и, если большая их часть сочтет его деяния вредными для общего блага, оный владыка теряет устойчивость и рассыпается на кусочки...

– Банальная идея, чтобы не сказать – цареборческая! – хмуро заметил Глобарес. – Коль скоро ты, старче, столько наговорил мне о головах, может, ответишь, казнию я тебя или поми-
лую?

«Если я скажу, что казнит, – быстро подумал мудрец, – он так и сделает, поскольку раз-
гневан. Если скажу, что помилует, то удивлю его, а если он удивится, то должен будет сохра-
нить мне жизнь по уговору». И сказал:

– Нет, государь, ты не предашь меня казни.

– Ты ошибся, – молвил король. – Палач, принимайся за дело!

– Но разве я не удивил тебя, государь? – кричал мудрец уже в объятиях палачей. – Разве ты не ожидал скорее услышать, что предашь меня казни?

– Твои слова не удивили меня, – ответил король, – ведь их диктовал страх, что написан у тебя на лице. Довольно! Снимите эту голову с плеч!

И покатила со звоном по полу еще одна голова. Третий мудрец, самый старший, взирал на все это в полном спокойствии. Когда же король снова потребовал необычайных историй, промолвил:

– Государь! Я бы мог рассказать историю поистине необычайную, да только не стану – мне важнее открыть настоящие твои побуждения, нежели тебя удивить. И я заставлю тебя казнить меня не под жалким предлогом забавы, в которую ты пытаешься обратить смертоубийство, но так, как свойственно твоей природе, которая, хоть и жестока, потрафлять себе отваживается лишь под прикрытием лжи. Ты намерен казнить нас так, чтобы после сказали: король-де казнил глупцов, не по разуму именуемых мудрецами. Я же предпочитаю, чтобы сказали правду, и поэтому буду молчать.

– Нет, я не отдам тебя палачу, – сказал король. – Я всерьез, непритворно жажду необычайного. Ты хотел разгневать меня, но я умею свой гнев укрощать. Говори, и ты спасешь, быть может, не только себя. Пусть даже то, что ты скажешь, будет граничить с оскорблением величества – которое ты, впрочем, уже совершил, – но пусть оскорбление это будет настолько чудовищным, что окажется лестью, которая из-за своей грандиозности снова становится поношением! Итак, попробуй одновременно возвысить и унижить, возвеличить и развенчать своего короля!

В наступившей тишине еле заметно зашевелились придворные, словно проверяя, прочно ли держатся головы у них на плечах.

Третий мудрец глубоко задумался и наконец сказал:

– Государь, я исполню твое желание и объясню тебе почему. Я сделаю это ради всех присутствующих здесь, ради себя, но также и ради тебя, чтобы годы спустя не сказали, что был, мол, король, который из пустого каприза уничтожил мудрость в своем государстве; и даже если сейчас твое желание не значит ничего или почти ничего, я наделю значением эту причуду, придам ей осмысленность и долговечность – и потому я буду говорить...

– Старче, мне надоело это вступление, которое снова граничит с оскорблением величества, отнюдь не соседствуя с лестью, – гневно сказал король. – Говори!

– Государь, ты злоупотребляешь своим могуществом, – ответил мудрец, – но это пустяк по сравнению с тем, что выделял твой отдаленнейший, неизвестный тебе предок, основатель династии Гепаридов. Этот прапрапрадед твой, Аллегорик, тоже злоупотреблял монаршей властью. Чтобы понять, в чем заключалось его величайшее злоупотребление, соизволь взглянуть на ночной небосвод, видимый в верхних окнах дворцовой залы.

Король посмотрел на небо, вывездившее и чистое, а старец неторопливо продолжал:

– Смотри и слушай! Все существующее бывает предметом насмешек. Никакой титул не спасает от них, ведь иные дерзают насмехаться даже над королевским величеством. Смех колеблет троны и царства. Одни народы посмеиваются над другими, а то и над самими собою. Высмеивается даже то, чего нет, – разве не насмехались над мифическими божевами? Пред-

метом насмешек бывают явления, куда как серьезные и даже трагические. Достаточно вспомнить о кладбищенском юморе, о шутках, отпускаемых по поводу смерти или покойников. Издевка добралась и до небесных тел. Взять хотя бы солнце или луну. Месяц изображают лукавым заморышем в шутовском колпаке и с острым, как серп, подбородком, а солнце – в виде пухлощекого толстяка в растрепанном ореоле. И все же, хотя предметом насмешек одинаково служит царство жизни и царство смерти, малое и великое, есть нечто такое, чего никто еще не осмелился высмеять. К тому же это предмет не из тех, о которых легко забыть, упустить из виду, ибо речь идет обо всем существующем, то есть о Космосе. Если же ты, государь, придумаешься над этим, ты поймешь, насколько Космос смешон...

Тут впервые удивился король Глобарес и с возрастающим вниманием слушал речь мудреца, а тот продолжал:

– Космос состоит из звезд. Это звучит довольно внушительно, но, если взглянуть поглубже, трудно сдержать улыбку. И в самом деле – что такое звезды? Огненные шары, повешенные среди вечной ночи. Картина вроде бы патетическая. Но почему? В силу своей природы? Да нет же – единственно из-за своих размеров. Но сами по себе размеры не очень-то много значат. Разве мазня идиота, перенесенная с листка бумаги на бескрайний простор, перестает быть мазней?

Глупость размноженная – все та же глупость, только еще смехотворнее. Космос – это каракули из разбросанных как попало отточий! Куда ни взглянуть, чего ни коснуться – сплошные отточия! Монотонность Творения представляется мне замыслом самым банальным и плоским из всех, какие только бывают на свете. Ничто в крапинку, и притом бесконечное, – кто бы состряпал конструкцию столь убогую, если б ее лишь предстояло создать? Разве только кретин. Это надо же – взять безмерные пустые пространства и ставить точку за точкой, наобум, как попало, – ну, где тут гармония, где тут величие? Ты скажешь, Вселенная повергает нас на колени? Разве что от отчаяния при мысли, что уже ничего не поправить. Ведь это всего лишь результат автоплагиата, совершённого в самом начале; само же начало было бестолковой всего, что только можно придумать. Ну, что можно сделать, имея перед собой чистый лист бумаги, в руке – перо, но не имея ни малейшего понятия, чем этот лист заполнить? Рисунками? Но рисунок надо вообразить. А если в голове пустота? Если нет ни капли фантазии? Ну что ж, перо, прикоснувшись к бумаге, как бы произвольно поставит точку. И в состоянии тупой отрешенности, обычном для творческого бессилия, тот, кто поставил первую точку, создаст узор, впечатляющий только тем, что больше на бумаге нет ничего и без особых усилий можно повторять этот узор бесконечно. Повторять, но как? Ведь точки могут сложиться в какую-нибудь конструкцию. А если и на это ты не способен? При такой немочи остается одно: трясти пером и разбрызгивать чернила как попало, заполняя бумагу случайными крапинками.

При этих словах мудрец взял большой лист бумаги и, обмакнув перо в чернильницу, потряхнул им несколько раз, а затем достал из-под кафтана карту звездного неба и показал ее королю вместе с листом бумаги. Сходство было разительное. На бумаге были разбросаны миллиарды точек, одни покрупнее, другие помельче, поскольку перо иной раз брызгало обильнее, а иной раз пересыхало. И небо на карте выглядело точно так же. Король глядел со своего трона на оба листа бумаги и хранил молчание.

А мудрец продолжал:

– Тебя учили, государь, что Вселенная – это постройка, изумительная до бесконечности, поражающая величием громадных пространств, расшитых звездами. Но взгляни, разве эта почтенная, всеприсутствующая и вековая конструкция не есть свидетельство крайней глупости, насмешка над разумом и порядком? Ты спросишь, почему никто этого до сих пор не заметил? Да потому, что эта глупость повсюду! Но такая повсюдность заслуживает язвительного, отстраненного смеха уже потому, что смех стал бы предвестником бунта и освобождения. Несомненно, стоило бы в таком именно духе написать пасквиль на Вселенную – чтобы этот

продукт величайшей тупости был оценен по заслугам, чтобы отныне его сопровождал уже не хор молитвенных воздыханий, но ироническая улыбка.

Король слушал, застыв в удивлении, а мудрец после минутного молчания продолжал:

– Написать такой пасквиль было бы долгом каждого ученого, если б не то, что тогда ему пришлось бы коснуться первопричины нынешнего порядка вещей, именуемого Универсумом, которое заслуживает разве что снисходительной усмешки. Начало же этому было положено тогда, когда Безмерность была еще совершенно пуста и лишь ожидала акта творения, а мир, почкующийся посредством небытия из чего-то меньшего, нежели небытие, породил лишь горсточку скученных тел, на которых правил твой прапрапрашур Аллегорик. И замыслил он невозможное и безумное дело, а именно: помочь Природе в ее бесконечно терпеливых и неспешных трудах! Решил он, вслед за нею, создать Космос, обильный и полный бесценных чудес; поскольку же сам не сумел бы этого сделать, велел построить наиразумнейшую машину, чтобы поручить это ей. Строили этого молоха триста лет и еще триста – впрочем, время тогда считали иначе, чем ныне. Не жалели ни сил, ни средств, и механическое чудовище достигло размеров и мощи, едва ли не безграничных. Когда машина была готова, узурпатор велел пустить ее в ход, не догадываясь, что, собственно, делает. Машина, по причине его безграничной спеси, оказалась чересчур велика, и потому ее мудрость, оставив далеко позади вершины разума, проскочила кульминацию гениальности и скатилась до полного умственного распада – в косноязыкую тьму центробежных токов, всякое содержание разрывающих в ключья; страшилище это, закрученное спиралью, словно галактика, заработало на бешеных оборотах и растеклось сознанием при первых же невысказанных словах, и из этого якобы мыслящего со страшным напряжением хаоса, в котором громады недоразвитых понятий взаимно упраздняли друг друга, из этих судорог, корчей и столкновений напрасных зародились и начали поступать в послушные исполнительные подсистемы лишь обесмысленные знаки препинания! То была уже не машина, разумнейшая из всех возможных, Всемогущий Космотворитель, но развалюха, плод опрометчивой узурпации, который в знак того, что предназначался для великих свершений, только и мог заикаться точками. Что же потом? Правитель ожидал всесотворения, которое подтвердило бы правоту его замысла, самого дерзкого, какой когда-либо рождался у мыслящего существа, и никто не осмелился открыть ему, что он стоит у истоков бессвязного бормотанья, механической агонии монстра, который уже родился полумертвым. Но безжизненные и послушные громадины машин-исполнительниц, готовые выполнить любой приказ, в заданном такте стали лепить из материального месива проекцию точки в трехмерном пространстве, то есть шар; вот так, штампуя без усталости одно и то же, пока внутренний жар не распалил вещество, швыряла машина в пустую бездну огненные шары, и в такт ее заиканию возник Космос! А значит, твой прапрапрадед был творцом Мироздания, и он же – автором глупости столь грандиозной, что второй такой никогда не будет. Ведь уничтожение этого выкидыша было бы, конечно, гораздо более разумным поступком, а главное – совершенно сознательным, чего о Творении никак не скажешь. Вот и все, что я хотел рассказать тебе, государь, потомок Аллегорика, зодчего миров.

Когда король распрощался уже с мудрецами, осыпав их милостями, и больше всех – старца, сумевшего разом преподнести ему величайшую лесть и нанести величайшее оскорбление, один из молодых любомудров, оставшись со старцем наедине, спросил, много ли правды содержалось в его рассказе.

– Что ответить тебе? – молвил старец. – Рассказанное мною не из знаний проистекало. Наука не занимается такими свойствами бытия, как смешное и несмешное. Наука объясняет мир, но примирить нас с ним может только искусство. Что мы действительно знаем о возникновении Космоса? Пустоту столь обширную можно заполнить лишь мифами и преданиями. Я хотел, сочиняя миф, достигнуть предела неправдоподобия и был, кажется, близок к цели.

Впрочем, ты знаешь об этом и хочешь только узнать, точно ли Космос смешон. Но на этот вопрос каждый пусть отвечает сам.

Сказка о короле Мурдасе ¹³

После доброго короля Геликсандра на трон вступил его сын Мурдас. Подданные впали в уныние, ибо был он честолюбив и пуглив: решил прозвище Великого заслужить, а боялся сквозняков, привидений, воска – ведь на воценом полу ногу сломать недолго, родных, что в деле правленья мешают, а пуще всего – предсказаний. Будучи коронован, тут же велел он по всему государству двери закрыть, окон не открывать, гадательные шкафы уничтожить, а изобретателю машины, которая привидения устраняла, пожаловал орден и пенсион. Машина и вправду была хороша – привидений он не увидел ни разу. Не выходил он и в сад, чтоб его не продуло, и прогуливался лишь по дворцу; дворец же имел он весьма обширный.

Однажды, прохаживаясь по коридорам и анфиладам, забрел он в старую часть дворца, куда ни разу еще не заглядывал. Сначала прошел он в залу, где стояла личная гвардия его прадеда, вся заводная, тех еще лет, когда об электричестве и не слышали. Во второй зале увидел он паровых рыцарей, тоже давно заржавевших, но и в этом не было для него ничего любопытного, и уже хотел он идти обратно, как вдруг заметил маленькую дверцу с надписью: «Не входить!» Покрывал ее толстый слой пыли, и король даже и не притронулся бы к ней, когда бы не эта надпись. Больно уж она его осердила.

Это как же? Ему, королю, дерзают запреты какие-то устанавливать? Не без труда отворил он скрипучую дверцу и по крутой лесенке в заброшенную башню поднялся. А там стоял старый-престарый шкаф – медный, с рубиновыми индикаторами, ключиком и заслонкой. Понял король: перед ним гадательный шкаф – и разгневался пуще прежнего, что вопреки его воле оставили шкаф во дворце; но вдруг подумалось ему, что один-то раз можно испробовать, что бывает, когда шкаф гадает. Подошел он к шкафу на цыпочках, повернул несколько раз ключик, а когда ничего не случилось, постучал по заслонке. Шкаф хрипло вздохнул, заскрежетал всем своим механизмом и зыркнул на короля рубиновым глазком, как бы искоса. Припомнился тут королю косой взгляд дяди Ценандра, отца брата, бывшего прежде его наставником. Верно, дядя и велел этот шкаф поставить ему назло, подумал король, иначе с чего бы шкафу косить?

Странно сделалось у него на душе, а шкаф, заикаясь, стал потихоньку наигрывать унылый мотив – точь-в-точь, будто кто-то лопатой железное надгробие обстукивал, и из-под заслонки выпал черный листок с желтыми, как из кости, строчками.

Испугался король не на шутку, однако не мог перебороть любопытства. Схватил он листок и побежал с ним в опочивальню; когда же остался один, вынул листок из кармана. «Взгляну-ка, осторожности ради, одним только глазом», – решил он, да так и сделал. А на листке было написано вот что:

Царству на горе сцепилась родня,
Сестры в раздоре, меж братьев резня,
Брата – с раската, сестер – на костер,
крут кипяток – прыгай, сынок.
Родичи ропшут, дядья – за ножи, близятся бунты,
грозят мятежи.
Ненадежны внук и зять, ну-ка, внука с зятем – взять,
Левой хлоп, правой трах, дядю в лоб, деда в пах,
Придержите-ка отца, пусть утонет до конца.

¹³ Bajka o kro`lu Murdasie, 1963. © Перевод. К. Душенко, 1988, 1993.

Умер зять – трупов пять, следом тесть – стало шесть,
Тетке плетка, внуку кнут, деверя на казнь ведут.
Нам родные хоть и милы, но милее их могилы,
Ибо семья – роковая змея, горе твое и погибель твоя.
Всех изведи и повсюду укройся,
Бойся не гроба, а снов своих бойся.

До того перепугался король Мурдас, что в глазах у него потемнело. Проклинал он свое легкомыслие, побудившее его завести гадательный шкаф. Но времени на сожаления не было – знал он, что нужно действовать, дабы не дошло до самого худшего. В значении предсказания он ни минуты не сомневался: как он давно уже подозревал, ему угрожали ближайшие родственники.

По правде говоря, неизвестно, так ли все в точности было, как мы рассказываем. Во всяком случае, события последовали за этим печальные и даже леденящие кровь. Король повелел казнить всю родню, один только дядя его, Ценандр, в последний момент сбежал, переодевшись пианолою. Это ему нисколько не помогло; в скором времени он был схвачен и обезглавлен. На этот раз король подписал приговор с чистым сердцем, ибо дядю схватили, когда он уже затевал заговор против монарха.

Осиротев столь внезапно, Мурдас облачился в траур. На душе у него было теперь спокойнее, хотя и печально, поскольку по природе своей он не был ни зол, ни жесток. Недолго длилась безмятежная королевская скорбь: пришло ему в голову, что могут быть родственники, о которых он ничего не знает. Любой его подданный мог оказаться в далеком родстве с ним; поэтому время от времени он казнил то одного, то другого, но это его вовсе не успокаивало: нельзя же быть королем без подданных, как же тут изведешь всех? Такой он сделался подозрительный, что велел припать себя к трону, дабы никто его оттуда не свергнул, спал в бронированном колпаке и все думал без устали, что бы такое учинить. Наконец учинил он дело необычайное, настолько необычайное, что вряд ли сам до него додумался. Говорят, будто подсказал ему эту мысль бродячий купец, переодевшийся мудрецом, а может, мудрец, переодетый купцом, – разное в народе сказывают. Говорят, будто прислуга дворцовая видела кого-то с закрытым лицом, проходившего ночью в королевскую опочивальню. Одно несомненно: однажды Мурдас созвал всех придворных строителей, электрыцарских мастеров, лейб-наладчиков и стальмейстеров и велел им увеличить его особу, да так, чтобы вышла она за все горизонты. Повеления эти были выполнены с поразительной быстротой, потому что директором проектной конторы назначил король заслуженного палача. Колонны электрозодчих и киберпрорабов принялись доставлять во дворец проволоку и катушки, а когда расширившийся король заполнил своей особой все здание так, что был одновременно на всех этажах, в подвалах и флигелях, пришел черед соседних с дворцом строений. Два года спустя распространился Мурдас на весь центр. Дома, недостаточно представительные, а значит, недостойные вмещать монаршую мысль, сровняли с землей и на их месте воздвигли электронные резиденции, именуемые усилителями Мурдаса. Король разрастался постепенно и неустанно – многоэтажный, искусно смонтированный, усиленный личностными подстанциями, пока не стал наконец всею столицей, остановившись на ее заставах. На душе у него полегчало. Родных уже не было; ни масла пролитого, ни сквозняков он теперь не боялся, ведь тому, кто сразу пребывает везде, и шагу ступить незачем. «Государство – это я», – говаривал он, и не без оснований: кроме него, населявшего рядами электрозоданий площади и проспекты, никого не осталось в столице, не считая, конечно, придворных обеспыльщиков и собственных его величества чистоблюстителей, что ухаживали за королевским мышлением, из здания в здание перетекавшим. Так и кружило милю за милей по целому городу довольство Мурдаса тем, что удалось-таки ему достичь величия материального и буквального и притом укрыться повсюду, как наказывало гаданье, ибо отныне он был вездесущ в

своем государстве. Особенно живописно выглядело это по вечерам, когда король-великан, разгораясь электрозаревом, переливался огнями-размышлениями, а потом постепенно гас, погружаясь в заслуженный сон. Но мрак беспамьтства первых ночных часов сменялся трепетным мерцанием пробежавших через весь город огней. То начинали роиться монархии сны. Лавины сновидений королевских обрушивались на здания, и загорались во тьме их окна, и целые улицы мигали друг другу то красным, то фиолетовым светом, а придворные обеспыльщики, вышагивая по пустым тротуарам, вдыхая чад разогревшихся царственных кабелей и заглядывая украдкой в окна, в которых что-то сверкало, перешептывались меж собою:

– Ого! Не иначе кошмар какой-то мучает нынче Мурдаса – как бы нам потом не влетело!

Как-то ночью, после особенно хлопотливого дня – король обдумывал проекты новых орденов, которыми собирался себя наградить, – приснилось Мурдасу, будто дядя его, Ценандр, в ночной темноте прокрался в столицу и, завернувшись в черную епанчу, бродит по улицам, выискивая пособников для подлого заговора. Целыми отрядами вылезали из подземелий заговорщики в масках, и было их столько, и такая кипела в них жажда цареубийства, что Мурдас задрожал и пробудился в великом страхе. Рассвело, и солнышко уже золотило белые тучки на небосклоне, так что Мурдас, успокоившись, сказал себе: «Сон – морока, и только» – и занялся снова прожектированием орденов, а те, что выдумал накануне, развешивали ему на террасах и на балконах. Однако, когда вечером отправился он на покой после трудов праведных, едва лишь задремав, увидел цареубийственный заговор в полном расцвете. Случилось так вот почему: от изменнического сна Мурдас пробудился не весь; городской центр, в котором и угнездилось крамольное сновиденье, вовсе не просыпался, но по-прежнему почивал в объятиях ночного кошмара, король же наяву об этом не ведал. Между тем изрядная часть его королевской особы, а именно кварталы Старого города, не отдавая себе отчета в том, что дядя-злодей и все его происки суть единственно видимость и мираж, продолжала упорствовать в кошмарном своем заблуждении. В эту вторую ночь увидел Мурдас во сне, что дядя лихорадочно злоумышляет, скликая родню. Явились все до единого, поскрипывая посмертно шарнирами, и даже те, у коих недоставало важнейших частей, подымали мечи против законного повелителя! Движение оживилось необычайно. Толпы скрывающих свое лицо заговорщиков шепотом скандировали крамольные лозунги, в подвалах и подземельях шили мятежники черные стяги бунта, варили яды, вострили топоры, отливали медяшки-смертяшки и готовили решительную расправу над ненавистным Мурдасом. Король испугался вторично, пробудился, весь трепеща от страха, и хотел уже вызвать Золотыми Воротами Уст Королевских все свое войско на помощь, дабы изрубило оно бунтовщиков на куски, но тут же сообразил, что не будет от этого проку. Не вступит же войско в его сновиденье, чтобы подавить вызревающий там мятеж. Тогда попытался он одним лишь усилием воли пробудить те четыре квадратные мили своего естества, что упорно грезили о мятеже, но напрасно. Впрочем, по правде, не знал он, напрасно или же нет, ибо в бодрствующем состоянии не замечал крамолы, подымавшей голову лишь тогда, когда его одолевал сон.

Бодрствуя, король был лишен доступа во взбунтовавшиеся кварталы; оно и понятно: явь не способна проникнуть в сон, только другой сон мог бы туда внедриться. При таком обороте, решил Мурдас, лучше всего заснуть бы и пригрезить себе контрсон, да не какой-нибудь, а монархический, верный до гроба, с развевающимися знаменами, и только этот коронный сон, сплотившийся вокруг трона, сможет стереть в порошок самозванный кошмар.

Взялся Мурдас за дело, однако со страху не мог заснуть; тогда начал он считать про себя камешки, пока его не сморило. И оказалось, что сон во главе с дядей не только укрепился в центральных кварталах, но даже начал мерещить себе арсеналы, полные мощных бомб и фугасных снарядов. А сам он, как ни тужился, смог выснить одну лишь кавалерийскую роту, да и ту в пешем строю, с расстроенной дисциплиной и крышками от кастрюль вместо оружия. «Делать нечего, – подумал король, – не вышло, придется начать все сначала!» Стал он тогда

просыпаться, нелегко ему это давалось, наконец очнулся он совершенно, и тогда-то ужасное зародилось в нем подозрение. В самом ли деле вернулся он к яви или же пребывает в другом сне, переживая только видимость бодрствования? Как поступить в ситуации столь запутанной? Спать или не спать? Вот в чем вопрос! Допустим, он спать не будет, почитая себя в безопасности, ведь наяву заговора нет и в помине. Оно бы неплохо – тогда тот, царевубийственный сон сам себе выснится и доснится, а с окончательным пробуждением монаршее величие восстановится во всей своей целостности. Прекрасно. Но если он не пригрезит себе контрсон, полагая себя пребывающим в безоблачной яви, а эта мнимая явь окажется вовсе не явью, но еще одним сном, соседствующим с тем, дядеватым, может случиться беда! Ибо в любую минуту вся эта банда проклятых царевубийц во главе с мерзейшим Ценандром может ворваться из того сновидения в это, прикидывающееся явью, чтобы лишить его трона и жизни!

Конечно, думал он, лишение совершится только во сне; но если заговор охватит всю мою царственную персону, если воцарится он в ней от гор до океанов, если – о ужас! – мне и не захочется просыпаться, что тогда?! Тогда я навеки буду отрезан от яви и дядя сделает со мной все что пожелает. Выдаст на муки и поругание; о тетках и говорить нечего, я хорошо их помню, они мне не спустят, что бы там ни было. Такой уж у них норов, то есть такой у них был норов или, вернее, снова есть в этом ужасном сне! Впрочем, что толковать о сне! Сон бывает лишь там, где есть также явь, в которую можно вернуться; там же, где яви нет (а как я вернусь, если им удастся запереть меня в снах?), где нет ничего, кроме сна, там сон – единственная реальность, стало быть – явь. Вот ужас! И причиной всему, разумеется, этот фатальный избыток моей персональности, эта моя духовная экспансия, будь она неладна!

Отчаявшись, видя, что промедление смерти подобно, спасение усмотрел он единственно в срочной психической мобилизации. Нужно обязательно поступать так, как если бы я был во сне, сказал он себе. Я должен пригрезить себе верноподданнические толпы, горящие энтузиазмом, переполняемые обожанием, полки, преданные мне до конца, гибнущие с именем моим на устах, груды боеприпасов, и хорошо бы даже выснить себе какое-нибудь чудо-оружие, ведь во сне ничего невозможного нет: к примеру, средство для выведения близких, противодядьевую артиллерию или что-нибудь в этом роде, – тогда я опять буду готов к любой неожиданности, и, если даже крамола появится, хитростью и обманом переползая из сна в сон, я сокрушу ее в мгновение ока!

Вздыхнул король всеми проспектами и площадями своего естества, до того все это было непросто, и приступил к делу, то есть заснул. Ожидал он увидеть построенные в каре стальные полки, ведомые поседевшими в боях генералами, и толпы, кричащие «ура» под треск барабанов и звон литавр, а увидел только малюсенький шурупик. Самый обыкновенный шуруп, с краешка слегка выщербленный, и все. Что с ним делать? Прикидывал король так и этак, а тем временем охватывала его тревога, все сильнее и сильнее, и слабость, и страх, и вдруг его осенило: да это же рифма на «труп»!

Весь задрожал король. Так, значит, символ конца, смерти, распада, значит, и вправду банда родных уже начала украдкой, молчком, подкопами, прорытыми в том его сне, пробираться в теперешний, – а он того и гляди рухнет в изменническую пропасть, сном под сном вырытую! Так, стало быть, конец уже близок! Смерть! Гибель! Но откуда же? Как? С какой стороны?

Засияли огнями десять тысяч личностных зданий, задрожали подстанции Величества, увешанные орденами, опоясанные лентами Великих Крестов, мерно позвякивали награды на ночном ветру – столь тяжело боролся король Мурдас со снящимся ему символом гибели. Наконец переборол его, пересилил, и улетучился тот без остатка, будто и не было его никогда. Смотрит король: где он? Наяву или в другом сновиденье? Вроде бы наяву, но как же удостовериться? Впрочем, может быть, сон о дяде перестал ему сниться и все тревоги напрасны? Но опять же: как об этом узнать? Иного способа нет, как только обшаривать и без усталости перетряхивать

снами-шпионами, выдающими себя за мятежников, все закоулки своей державной особы, все царство своего естества, и никогда уже не обретет король-дух покоя, вечно будет грозить ему заговор, снящийся где-то там, в отдаленнейшем уголке его колоссальной персоны! Так за дело же! Воплотим поскорее в явь благонамеренные сновиденья, пригрезим себе верноподданнические адреса и многолюдные депутации, сияющие ореолом благонадежности, обрушимся снами на все до единой персональные наши ложбинки, закутки, разветвления так, чтобы никакой подвох, никакой дядя не мог бы укрыться в них ни на миг! И вправду – послышалось милое сердцу шуршанье знамен, дяди и след простыл, родных не видать, кругом одна только верность – кланяется и благодарит неустанно; звенят обтачиваемые на станке золотые медали, искры вылетают из-под резцов, которыми скульпторы памятники ему высекают. Возвеселилась душа монаршья при виде штандартов с гербами, и ковриков, из окон вывешенных, и орудий, готовых к салюту, а трубачи уже медные трубы к губам подносят. Но когда присмотрелся он повнимательней к этой картине, заметил: что-то там вроде не так. Памятники – конечно, но как будто не очень похожие; в перекошенных лицах, в косом взоре статуй есть что-то от дяди. Знамена шуршат – правда; только вшита в них ленточка, маленькая, неотчетливая, как будто бы черная, а если не черная, так грязная, во всяком случае – грязноватая. Это еще что? Не намеки ли?!

Боже праведный! Да ведь коврики – вытертые, с проплешинами, а дядя – он был плешив... Не может этого быть! «Долой! Назад! Проснуться! Очнуться!» – подумал король. «Трубить побудку, и вон из этого сна!» – хотел он закричать, но, когда все исчезло, легче ему не стало.

Впал он из сна в сон – новый, снящийся предыдущему, а тот еще более раннему пригрезился, так что этот, теперешний, был уже будто третьей степени; уже совершенно явно все оборачивалось тут изменой, пахло отступничеством; знамена, словно перчатки, из королевских на изнанку черную выворачивались, ордена были с резьбой, словно шеи обезглавленные, а из сверкающих золотом труб не музыка боевая звучала, но дядин смех громыхал ему на погибель. Взревел король гласом иерихонским, кликнул войско – пусть хоть пиками колют, только бы разбудили! Ущипните! – требовал он громогласно. И снова: Яви мне!!! Яви!!! – впустию; и опять из царевубийственного, крамольного сна пытался он пробиться в коронный, но расплодилось в нем снов что собак, шныряли они повсюду, как крысы, ширился всюду кошмар, как чума, разносилось по городу – тишком, полусшепотом, втихомолку, украдкой – неведомо что, но такое ужасное, что не приведи господь! Стоэтажным электронным громадам снились шурупики, трупики, медяшки-смертяшки, и в каждой личностной подстанции короля гнездилась шайка родных, и в каждом его усилителе хихикал дядя; задрожали этажи-миражи, сами собой перепуганные, и выродилось из них сто тысяч родни, самозванных претендентов на трон, инфантов-подкидышей двоедушных, узурпаторов косоглазых, и хотя никто из них толком не знал, снящийся он или снящий, и кто кому снится, и зачем, и что из этого выйдет, но все как один ринулись они на Мурдаса, а на уме у них плаха, топор, весь разговор, воскресить, казнить опять, раз, два, три, четыре, пять, хочешь смеяться, хочешь плачь, снимет голову палач, и потому лишь ничего пока не предпринимали, что не могли условиться, с чего им начать. Так вот и низвергался лавиной рой мыслей монарших, пока не сверкнула от перенапряжения вспышка. Не снящееся, а настоящее пламя поглотило золотые отблески в окнах королевской особы, и распался король Мурдас на сто тысяч снов, которые ничто уже, кроме пожара, не связывало, и полыхал долго...

Из сочинения Цифротикон, или о девиациях, суперфиксациях и аберрациях сердечных

О королевиче Ферриции и королевне Кристалле ¹⁴

Была у короля Панцерика дочь, коей красота затмевала блеск сокровищ отцовских; свет, от зеркального лика ее отразившись, глаза ослеплял и разум; когда же случалось ей пройти мимо, даже из простого железа электрические сыпались искры; весть о ней отдаленнейших достигала звезд.

Прослышал о ней Ферриций, трона ионидского наследник, и пожелал соединиться с нею навеки так, чтобы входы и выходы их ничто уже разомкнуть не могло. Когда объявил он о том своему родителю, весьма озаботился король и сказал:

– Поистине, сын мой, безумное замыслил ты дело, не бывать тому никогда!

– Отчего же, король мой и повелитель? – спросил Ферриций, опечаленный этой речью.

– Ужели не ведаешь ты, – отвечал король, – что Кристалла поклялась не соединяться ни с кем, кроме как с одним лишь бледнотиком?

– Бледнотик? – изумился Ферриций. – Это что за диковина? Не слыхивал я о таком существе.

– Неведение только доказывает твою невинность, – молвил король. – Знай же, что галактическая эта раса зародилась манером столь же таинственным, сколь непристойным, когда тронула порча все тела небесные и завелись в них сырость склизкая да влага хладная; отсюда и расплодился род бледнотиков, хотя и не вдруг. Сперва что-то там плесневело да ползало, потом выплеснулись эти твари из океана на сушу, взаимным пожиранием пробавляясь. И чем больше друг дружку они пожирали, тем больше их становилось; и наконец, облепивши вязкой своею плотью известковую арматуру, выпрямились они и соорудили машины. От тех машин родились машины разумные, которые сотворили машины премудрые, которые измыслили машины совершенные, ибо как атом, так и Галактика суть машины, и нет ничего, кроме машины, ее же царствию не будет конца!

– Аминь! – машинально отозвался Ферриций, поскольку то была обычная вероисповедная формула.

– Род бледнотиков-непристойников, – продолжал седовласый монарх, – добрался на машинах до самого неба, благородные унижая металлы, над сладостной измываясь электрикой, ядерную развращая энергию. Однако же переполнилась мера их прегрешений, что глубоко и всесторонне уразумел праотец рода нашего, великий Калькулятор Генетофорий; и начал он проповедовать этим тиранам склизким, сколь мерзостны их деяния, когда растлевают они невинность кристаллической мудрости, принуждая ее постыдным служить целям, и машины в порабощении держат себе на потребу, – но тщетны были слова его. Он толковал им об этике, а они говорили, что он плохо запрограммирован. Тогда-то и сотворил праотец наш алгоритм электроплощения, и в тяжком труде породил наше племя, и вывел машины из дома бледнотиковой неволи. Теперь, милый мой сын, ты видишь, что нет и не будет дружбы меж ними и нами; мы звеним, искрим, излучаем – они же лопочут, пачкают и разбрызгивают. Увы! И нас иногда поражает безумие; смолоду помрачило оно разум Кристаллы и извратило ее понятия о добре и зле. Отныне тому, кто просит руки ее облучающей, тогда только дозволяется предстать перед нею, ежели назовется он бледнотиком. Такого принимает она во дворце, подаренном ей родителем, и испытывает истинность его слов, а открывши обман, велит казнить воздыхателя.

¹⁴ O kro'lewiczu Ferrycym i kro'lewnie Krystali, 1965. © Перевод. К. Душенко, 1989, 1993.

Кругом же дворца, куда ни глянь, покореженные останки разбросаны, коих один лишь вид довести способен до вечного замыкания с небытием, – так жестоко обходится эта безумная с влюбленными в нее храбрецами. Оставь же пагубное намерение, любезный мой сын, и ступай с миром.

Королевич отвесил учтивый поклон своему отцу и владыке и удалился, не говоря ни слова, но мысль о Кристалле не покидала его, и чем больше он о ней думал, тем большей воспламенялся любовью. Однажды позвал он к себе Полифазия, Великого Королевского Наладчика, и, открыв перед ним жар своего сердца, сказал:

– Мудрейший! Если ты мне не поможешь, никто меня не спасет, и тогда дни мои сочтены, ибо не радуется уже меня ни блеск излучения инфракрасного, ни ультрафиолет балетов космических, и погибну я, коли не соединюсь с чудной Кристаллой!

– Королевич, – отвечив Полифазий, – не стану отвергать твоей просьбы, но соблаговолит ли повторить ее троекратно, дабы уверился я, что такова твоя нерушимая воля.

Ферриций исполнил требуемое, и тогда Полифазий сказал:

– Господин мой! Невозможно иначе предстать перед Кристаллой, как только в обличье бледнотика.

– Так сделай же, чтобы я стал, как он! – вскричал королевич.

Видя, что от страсти помутился рассудок юноши, ударил Полифазий пред ним челом, уединился в лаборатории и начал вываривать клей клейкий и жидкую. Потом послал слугу во дворец, велел передать: «Пусть королевич приходит ко мне, если намерение его неизменно».

Ферриций прибежал немедля, а мудрец Полифазий обмазал корпус его закаленный жидкою грязью и спросил:

– Прикажешь ли продолжать, королевич?

– Делай что делаешь! – отвечал Ферриций.

Взял тогда мудрец большую лепешку – а был то осадок мазутов нечистых, пыли лежалой и смазки липучей, из внутренностей древних машин извлеченной, – замарал выпуклую грудь королевича, а после сверкающее его лицо и блистающий лоб препакобно облепил и делал так до тех пор, пока не перестали члены его издавать мелодичный звон и не приняли вид высыхающей лужи. Тогда взял мудрец мел, истолок, смешал с рубиновым порошком и желтым смазочным маслом, и скатал вторую лепешку, и облепил Ферриция с головы до ног, придавши глазам его мерзкую влажность, торс его уподобив подушке, а щеки – двум пузырям, и приделал к нему там и сям подвески да растопырки, из мелового теста вылепленные, а напоследок напялил на рыцарскую его голову охапку волос цвета ядовитейшей ржавчины и, подведя его к серебряному зеркалу, сказал: «Смотри!»

Глянул Ферриций на отраженье и содрогнулся – оттого что не себя в нем узрел, но чудище-страшилище небывалое – вылитого бледнотика, со взором водянистым, как старая паутина под дождем, обвисшего там и сям, с клочьями ржавой пакли на голове, тестовидного и тошнотворного; а тело его при каждом движении колыхалось, как студень протухший; и вскричал он в великом гневе:

– Ты, верно, спятил, мудрейший? Тотчас же соскреби с меня всю эту грязь, нижнюю – темную и верхнюю – бледную, а с нею и ржавый лишайник, коим ты осквернил мою звонкую голову, ибо навеки возненавидит меня королева, в столь мерзостном узревши обличье!

– Ты заблуждаешься, королевич, – возразил Полифазий. – Тем-то ее безумие и ужасно, что мерзость кажется ей красотою, а красота – мерзостью. Только в этой личине ты можешь увидеть Кристаллу...

– Пусть же так будет! – решил Ферриций.

Смешал мудрец киноварь со ртутью, наполнил смесью четыре пузыря и укрыл их под платьем юноши. Взял мехи, надул их застоявшимся воздухом из старого подземелья и спрятал

на груди королевича; налил ядовитой, чистейшей воды в стеклянные трубки, числом шесть, и две вложил королевичу под мышки, две в рукава, две в глаза, а под конец молвил:

– Слушай и запоминай все, что я скажу, иначе погибнешь. Королева будет тебя испытывать, чтобы проверить правдивость твоих речей. Если достанет она обнаженный меч и велит тебе за него взяться, украдкой надави на пузырь с киноварью, чтобы вытекла из него красная жижа и полилась на острие, а когда спросит тебя королева, что это, отвечай: «Кровь!» Потом королева приблизит свое лицо, серебряной миске подобное, к твоему, а ты надавишь на грудь, чтобы вышел из мехов воздух; спросит она, что это, и ты ответишь: «Вздых!» Тогда притворится королева, будто разгневалась необычайно, и велит тебя казнить. Потупишь ты голову в знак покорности ее воле, и из глаз твоих польется вода, а когда спросит она, что это, отвечай: «Плач!» Может, тогда согласится она стать твоею, хоть и мало на это надежды; верней же всего, придется тебе погибнуть.

– О мудрейший! – воскликнул Ферриций. – А если станет она допытываться, какие у бледнотиков обычаи, как рождаются они, как любят и как время проводят, что я отвечу?

– Поистине, иного нет способа, – отвечал Полифазий, – как только соединить твой жребий с моим. Я переоденусь купцом из соседней галактики, лучше всего неспиральной, поскольку тамошние обитатели известны своею тучностью, а мне надо укрыть под платьем множество книг об ужасных бледнотиковых нравах. Тебя я не смог бы этому научить, ибо нравы их противны природе: все у них делается наоборот, так неопытно, неприятно и неаппетитно, как только можно себе представить. Я подберу нужные сочинения, ты же вели придворному портному из волокон и нитей различных сшить одеянье бледнотика, затем что скоро уж нам отправляться в дорогу. И куда бы ты ни пошел, я тебя не оставлю, чтобы знал ты, как поступать и о чем говорить надлежит.

Обрадовался Ферриций, и велел сшить себе одеянье бледнотика, и не мог на него надивиться: закрывало оно почти все тело и в одних местах вытягивалось наподобие трубопровода, в других же скреплялось пуговками, крючочками, кнопочками и шнурочками; так что пришлось портному особую инструкцию сочинить, и пребольшую, о том, что и как надевать, где, что и к чему прицеплять и как с себя всю эту упряжь, из суконной материи сотворенную, стаскивать, когда придет время.

А мудрец Полифазий облачился в платье купца, спрятал под ним толстые ученые книги, трактующие о жизни бледнотиков, велел сделать железную клетку – шесть сажен в длину и столько же в ширину, запер в ней Ферриция, и отправились они в путь на королевском звездоходе. Когда же достигли они владений Панцерика, Полифазий в купеческом облачении пришел на городской рынок и возвестил громким голосом, что привез из далеких краев молодого бледнотика и продаст его тому, кто захочет. Слуги принесли эту весть королеве, а она, удивившись, молвила им:

– Воистину за всем этим кроется великое шарлатанство, но не обманет меня купец, ибо ничьи познания о бледнотиках не сравнятся с моими. Велите ему прийти во дворец и показать пленника!

Привели слуги купца к королеве, и увидела она почтенного старца и клетку, несомую невольниками; в клетке сидел бледнотик, и лицо его было как мел пополам с пиритом, глаза – словно влажная плесень и члены – словно комки грязи. А Ферриций глянул на королевну и увидел ее лицо, как бы звенящее нежным звоном, и глаза, сверкающие, как электрические разряды, и утвердился он в любовном своем безумии.

«Этот и впрямь похож на бледнотика!» – подумала королева, однако же вслух сказала:

– Поистине немало пришлось тебе потрудиться, старче, прежде чем слепил ты из грязи куклу и натер ее известковою пылью, дабы меня провести; но знай, что мне ведомы все тайны могущественного рода бледнотиков и, когда откроется твой обман, ты будешь казнен вместе с тем самозванцем!

Мудрец отвечал:

– Королевна! Тот, коего зришь ты в клетке, самый что ни на есть настоящий бледнотик; выкупил я его у звездных пиратов за пять гектаров ядерного поля и, если хочешь, уступлю тебе, ибо единственное мое желание – порадовать твое сердце!

Королевна велела принести меч и просунула его сквозь прутья клетки. Ферриций схватился за острое и порезал им платье, так что пузырь лопнул. Полилась киноварь на меч, и сделался он алым.

– Что это? – спросила королевна, а Ферриций ответил:

– Кровь!

Тогда королевна велела открыть клетку, бесстрашно вошла в нее и приблизила свое лицо к лицу королевича; близость возлюбленной затмила его рассудок, но мудрец подал тайный знак, и Ферриций надавил на мехи; вышел из них затхлый воздух, а когда королевна спросила: «Что это?» – Ферриций ответил: «Вздых!»

– И вправду ты презренный фокусник, – сказала королевна купцу, выходя из клетки, – но ты обманул меня, и потому вы умрете оба – ты и твоя кукла!

При этих словах мудрец поник головой долу, как бы в великой печали и горести, а когда королевич сделал то же, из очей его потекли прозрачные капли. Королевна спросила:

– Что это?

Ферриций ответил:

– Плач!

И сказала она:

– Как твое имя, пришелец, называющий себя бледнотиком из далеких краев?

– О королевна! Имя мое Миамляк, и ничего я так не хотел бы, как соединиться с тобою способом мягким, волнистым, тестоватым и водянистым, по обычаю нашего племени, – ответил Ферриций, а научил его этим словам мудрец. – Я нарочно позволил пиратам себя похитить и уговорил их продать меня этому купцу, желая попасть в твое королевство. Да примет его жестянейшая особа мою благодарность за то, что я оказался здесь: ибо сердце мое переполняет любовь к тебе, как лужу переполняет грязь!

Изумилась королевна, затем что и вправду говорил он как настоящий бледнотик, и спросила:

– Поведай мне, пришелец, именующий себя Миамляком-бледнотиком, что делают твои сородичи днем?

– Поутру, – отвечал Ферриций, – они мокнут в чистой воде, и ополаскивают ею свои члены, и вливают ее себе внутрь, ибо вода приятна их естеству. А потом прохаживаются там и сям способом волнистым и текучим, и хлюпают, и лопочут; в печали они трясутся и проливают из глаз соленую воду, а в радости трясутся и икают, но глаза остаются сухими. И мокрые сотрясения мы называем плачем, сухие же – смехом.

– Если правдивы речи твои, – перебила его королевна, – и если ты разделяешь со своими сородичами влечение к воде, я велю бросить тебя в мой пруд, чтобы ты насытился ею вволю, а к ногам прикажу привязать свинец, чтобы ты не выплыл до времени.

– О королевна! – ответил Ферриций, наставляемый мудрецом. – Тогда я погибну, ибо, хотя внутри нас вода, она не может окружать нас снаружи дольше минуты, а если такое случится, мы произносим последние слова «буль-буль-буль», коими навеки прощаемся с жизнью.

– А поведай-ка мне, Миамляк, как добываешь ты энергию, чтобы, хлюпая, лопоча, колыхаясь и покачиваясь, прохаживаться туда и сюда? – спросила Кристалла.

– Королевна, – отвечал ей Ферриций, – там, откуда я родом, кроме бледнотиков маловласых есть и другие, кои прохаживаются преимущественно на четвереньках, и мы до тех пор дырявим их там и сям, покуда они не погибнут; трупы мы рубим и режем, варим и жарим, после чего набиваем их плотью свою собственную; и нам известно триста семьдесят шесть способов

убиения и двадцать восемь тысяч пятьсот девяносто семь способов приготовления покойников для того, чтобы пропихивание их тел в наши тела через отверстие, ртом именуемое, было для нас сколь возможно приятнее; а искусство обработки покойников у нас в еще большем почете, нежели астронавтика, и зовется оно гастронавтикой, сиречь гастрономией; однако же с астрономией ничего общего оно не имеет.

– Значит ли это, что вы играете в кладбища, погребая в себе ваших четвероногих собратьев? – каверзно спросила Кристалла; но Ферриций, поучаемый мудрецом, и тут не замедлил с ответом:

– Сие не забава, о королевна, а необходимость, ибо жизнь кормится жизнью; мы же необходимость обратили в искусство.

– А поведай-ка, Миамляк-бледнотик, как конструируете вы потомство? – полюбопытствовала королевна.

– Мы не конструируем его вовсе, – ответил Ферриций, – а программируем статистически, по образу марковского процесса, то бишь стохастически; вероятно, зато сладостно, невольно и произвольно, всего менее размышляя при этом о материях статистических, нелинейных и алгоритмических; и как раз потому-то программирование идет у нас просто, стихийно и совсем самостийно; ибо так уж устроены мы, что каждый бледнотик рад потомство свое программировать, утеху в том видя, но программирует он, не программируя, и многие прилагают немало стараний, чтоб из их программирования чего-нибудь, упаси бог, не вышло.

– Это весьма удивительно, – молвила королевна, коей познания были менее глубоки, нежели познания мудреца Полифазия, – так как же вы это, собственно, делаете?

– О королевна! – отвечал Ферриций. – Есть у нас механизмы, по принципу обратной связи устроенные, хотя все это в воде; сии механизмы настоящее чудо техники, ибо пользоваться ими способен даже совершенный кретин; впрочем, чтобы подробно описать тебе методы, нами употребляемые, пришлось бы говорить долго, поскольку не так уж они просты. И вправду, это весьма удивительно; удивительней же всего, что методы наши не нами выдуманы, а некоторым образом выдумали себя сами; но нам они по душе, и мы ничего против них не имеем.

– Поистине, – воскликнула королевна, – ты настоящий бледнотик! Ибо речи твои по видимости имеют смысл, а по существу совершенно бессмысленны; невероятны, но как будто бы истинны, хотя и расходятся с логикой: мыслимо ли быть кладбищем, не будучи им? Программировать, вовсе не программируя? Подлинно, ты Миамляк-бледнотик, а потому, коли ты того жаждешь, я соединюсь с тобой супружеской обратной связью, и ты вступишь со мною на трон, если выдержишь последнее испытание.

– Какое? – спросил Ферриций.

– Испытание это... – начала было Кристалла, но вдруг подозрение закралось в ее сердце, и она сказала: – Ответь мне сперва, что делают твои сородичи ночью?

– Ночью они лежат там и сям с подогнутыми руками и скрюченными ногами, а воздух входит в них и выходит из них с таким шумом, словно кто-то ржавую пилу точит.

– Вот это испытание: дай свою руку, – приказала королевна.

Подав ей Ферриций руку, она ее стиснула, Ферриций же возопил громким голосом, ибо так велел ему старец, а она спросила, отчего он кричит.

– От боли! – ответил Ферриций, и только тогда поверила королевна, что он настоящий бледнотик, и учинить повелела приготовления к свадебной церемонии.

И надо же было случиться, что как раз в ту пору вернулся корабль, на котором курфюрст королевский, киберграф Кибергази, отправился в средизвездные страны, чтобы там бледнотика изловить и через то в фавор у королевны войти. Прибежал к Феррицию опечаленный Полифазий и сказал:

– Королевич! Прибыл на корабле межзвездном великий киберграф Кибергази и привез королевне истинного бледнотика, коего только что видел я собственными глазами; а потому должно нам немедля бежать; не поможет никакое притворство, если вы вместе предстанете перед Кристаллой. Ибо липучесть его несравненно липучее, волосатость куда волосатее, а тестоватость превосходит воображение, так что откроется наш обман и погибнем мы оба!

Но не послушал мудрого совета Ферриций, возлюбивший королевну больше жизни, и молвил:

– Лучше погибнуть, нежели ее потерять!

Кибергази же, проведав о приготовлениях к свадьбе, тут же прокрался под окно покоя, где ложный бледнотик вместе с купцом находился, и, тайную их беседу подслушав, побежал ко дворцу, черной радости полон, и, представши перед Кристаллой, сказал:

– Ты обманута, королевна, ибо тот, кто называет себя Миамляком, никакой не бледнотик, а обыкновеннейший смертный; истинный же бледнотик – вот!

И на пленника своего указал; а тот напряг волосатую грудь, вытаращил буркалы свои водянистые и завопил:

– Бледнотик – это я!

Тотчас же велела королевна привести Ферриция, а когда стал он рядом с бледнотиком пред ликом ее пресветлым, развеялся обман мудреца. Ибо Ферриций, хоть и облепленный грязью, пылью и мелом, хоть и обмазанный маслом липучим и хлюпающий водянистым манером, не мог укрыть ни роста своего электрыцарского, ни благородной осанки, ни плеч стальных ширины, ни походки гремящей. Бледнотик же киберграфа Кибергази был урод настоящий, каждый шаг его был как бултыхание кадок, наполненных грязью, взгляд словно мутный колодец, а от гнилостного дыханья затуманивались и слепли зеркала и ржавчина вгрызалась в железо. И поняла королевна в сердце своем, что мерзостен ей бледнотик, при каждом слове как бы розовым червяком шевеливший в горле; просветился разум Кристаллы, но гордость не позволила ей открыть того, что пробудилось в сердце.

И повелела она:

– Пусть бьются они меж собою, и кто победит, возьмет меня в жены...

Спросил тогда мудреца Ферриций:

– Почтеннейший, если ринусь я на уродца этого и обращу его в грязь, из которой он народился, обман откроется, глина с меня опадет и сталь обнажится; что же мне делать?

– Не нападай, королевич, – отвечал Полифазий, – но защищайся!

Вышли они оба на двор королевского замка, каждый с мечом в руке, и прыгнул бледнотик на Ферриция, колыхаясь, словно тина болотная, и пританцовывал вокруг него, лопоча, приседая, посапывая, и замахнулся, ударил мечом, и прошел меч сквозь глину, разбился о сталь, а бледнотик налетел с размаху на королевича, брызнул, лопнул и растекся, и не было больше бледнотика. Но засохшая глина опала с плеч рыцаря, и обнажилась его истинная стальная натура пред очами королевны, и задрожал он, скорую предвидя кончину, но во взгляде ее кристальном увидел он восхищение и понял, сколь сильно переменилось ее сердце.

И соединились они обратной и прочною брачною связью, которая одним на радость и счастье, другим на горе и гибель дается, и правили долго и счастливо, запрограммировав бесчисленное потомство. А из шкуры бледнотика, пойманного киберграфом, сделали чучело и выставили в королевской кунсткамере для вечного назидания. И поныне стоит оно, неуклюжее, линялым волосьем поросшее, и немало находится умников, кои слух распускают, будто все это фокус один и притворство, на самом же деле никаких бледнотиков-трупоедов, тестотелов клееглазых, на свете нет и никогда не было. Кто знает, может, бледнотик и точно пустая выдумка – мало ли баек и мифов измышляет простонародье!

Но если история эта и неправдива, то поучительна, а вдобавок так занимательна, что стоило ее рассказать.

Кибериада

Кибериада

Как был спасен мир ¹⁵

Однажды соорудил конструктор Трурль машину, что умела делать все на букву «н». Как была та готова, на пробу приказал он ей сделать нити, потом накрутить их на наперстки, какие она тоже сделала, а затем бросить все в сооруженную нору, окруженную насосами, навесами и надстройками. Машина исполнила все в точности, но поскольку Трурль все еще не был уверен в ее работе, пришлось ей создавать нимбы, наушники, нейтроны, нарты, носы, нимфы и натрий. Этого последнего машина не сумела, и Трурль, чрезвычайно распереживавшись, приказал ей пояснить.

– Не знаю, что оно такое, – сказала та. – Не слышала о таком.

– Как это? Это ведь сода. Такой металл, элемент...

– Если зовется он содой, то он на «с», я же умею делать только на «н».

– Но это латинское его название.

– Дражайший, – сказала машина, – если бы я могла делать все на «н» на всех возможных языках, была бы я Машиной, Которая Может Всё На Все Буквы, поскольку любая вещь наверняка на каком-то там чужом языке зовется на «н». Все, увы, не настолько хорошо. Не могу делать больше, чем ты придумал. Соды не будет.

– Ладно, – согласился Трурль и приказал ей сделать небо. Она сделала сразу же, небольшое, но несомненно небесно-синее. Тогда он пригласил конструктора Клапауция, представил его машине и так долго расхваливал ее необычайные возможности, что тот даже рассердился, не подав, правда, виду, и попросил, чтобы и ему позволили нечто ей приказать.

– Прошу, – сказал Трурль. – Только это должно быть на «н».

– На «н»? – спросил Клапауций. – Ладно. Пусть сделает науку.

Машина загудела, и через миг площадка перед домом Трурля наполнилась толпой научных работников. Они горячо спорили, писали в толстенных книгах, другие же эти книги выхватывали и рвали в клочья, вдали виднелись пылающие костры, на которых скворчали мученики науки, тут и там что-то громыхало, вставали странные дымы в форме грибов, вся толпа говорила одновременно, так что и слова было не понять, то и дело составляя меморандумы, обращения и прочие документы, а в сторонке, под ногами у вопящих, сидело несколько одиноких старцев и непрерывно строчили бисерным почерком на кусках рваной бумаги.

– Ну как, неплохо, верно?! – с гордостью крикнул Трурль. – Вылитая наука, не можешь того не признать!

Но Клапауций не был доволен.

– Что, эта толпа – наука? Наука это нечто совершенно иное!

– Тогда – прошу, скажи что именно, и машина тотчас это сделает! – возмутился Трурль. Но Клапауций не знал, что ответить, а потому заявил, что поставит машине еще два задания, и если уж она их решит, то он признает, что она – такова, какой и должна быть. Трурль согласился, и Клапауций приказал, чтобы сделала она наизнанку.

– Наизнанка! – выкрикнул Трурль. – Да кто слышал о таком и что оно за наизнанка?

¹⁵ Jak ocalał świat, 1964. © Перевод. С. Легеза, 2018.

– Ну как же, обратная сторона всего, – ответил Клапауций спокойно. – Выворачивать наизнанку – что, ты разве такого не слыхивал? Ну-ну, не притворяйся! Эй, машина, за дело!

Однако машина и так уже трудилась. Сперва создала она антипротоны, потом антиэлектроны, антинейтрино, антинейтроны и так долго безудержно трудилась, что насоздавала немалую антиматерию, из которой неспешно, подобно странно светящейся туче в небе, принялся формироваться антимир.

– Хм, – сказал весьма недовольный Клапауций, – это вот, по твоему, наизнанка? Предположим, что да... Согласимся, быть по сему... Но вот третий приказ. Машина! Должна ты сделать Ничто!

Машина некоторое время совершенно не двигалась. Клапауций уж начал было удовлетворенно потирать руки, а Трурль произнес:

– Что это ты? Приказал же ей не делать, вот она и не делает!

– Неправда. Я приказал ей сделать Ничто, а оно – нечто иное.

– Да неужели! Сделать Ничто и ничего не делать – означает одно и то же.

– Отнюдь нет! Она должна была сделать Ничто, а не сделала ничего, значит я выиграл. Поскольку Ничто, о, мой умудренный коллега, это не какое-то там обычное ничто, продукт лени и ничегонеделания, а действенное и активное Ничто, совершенное, единое, всеохватное и высочайшее Небытие собственной отсутствующей персоной!

– Морочишь машине голову! – крикнул Трурль, но сразу же раздался ее глубокий голос:

– Перестаньте же ссориться в эдакий-то момент! Я знаю, что оно есть: Небытие, Несущее, то есть Ничто, поскольку вещи эти соответствуют ключу к букве «н», как Несуществование. Лучше поглядите в последний раз на мир, ибо вот-вот его не станет...

Слова замерли на устах раззадоренных конструкторов. Машина и на самом деле творила Ничто, причем таким образом, что поочередно убирала из мира разные вещи, которые переставали существовать, словно бы их и вовсе никогда не было. Убрала она уже натужки, непойки, нырники, недольки, налушки, недостопки и нервонцы. Порой казалось, что вместо того чтобы убирать, уменьшать, выбрасывать, ликвидировать, уничтожать и отнимать – увеличивает она и добавляет, поскольку ликвидировала и неслыханность, нахальство, неверие, ненасытность и немощь. Однако потом вокруг смотрящих вновь стало пустеть.

– Ой-ой! – сказал Трурль. – Как бы тут беды не случилось...

– Да что там! – сказал Клапауций. – Ты ведь видишь, что делает она вовсе не Генеральное Ничто, а всего лишь Небытие всех вещей на «н», следовательно, ничего не случится, поскольку эта твоя машина – совершенно никчемная!

– Так тебе лишь кажется, – ответила машина. – Я и впрямь начала со всего, что на «н», поскольку таковое мне ближе, но одно дело создать некую вещь – и совершенно иное ее убрать. Убирать я могу все, по той простой причине, что умею делать все-все, но «все-все» – на «н», а следовательно и Небытие для меня – плевое дело. Скоро уже ничего у вас не будет, а потому прошу тебя, Клапауций, скажи-ка – да побыстрее, – что я и вправду универсальна и что выполняю приказы как надлежит, иначе будет поздно.

– Но ведь... – начал испуганный Клапауций и в тот же миг заметил, что и правда исчезают уже не только вещи на «н»: перестали уже окружать их камбузели, стеснята, выследки, гризмаки, рифмольки и брабочки.

– Стой! Стой! Беру свои слова назад! Перестань! Не делай Небытия! – орал во всю глотку Клапауций, но прежде чем машина остановилась, исчезли еще грашаки, клопты, фихдроны и замры. И только тогда машина остановилась. Мир же выглядел совершенно ужасно. Особенно пострадало небо: на нем видны были лишь одинокие точки звезд; ни следа от превосходных гризмаков и гвайдольниц, которые до этого времени так украшали небосвод!

– Великие небеса! – воскликнул Клапауций. – А где же камбузели? Где мои любимые мрошки? Где ласковые брабочки?!

– Нет их и никогда уже не будет, – спокойно отвечала машина. – Я исполнила – вернее сказать, начала исполнять лишь то, что ты мне приказал...

– Я приказал тебе сделать Ничто, а ты... ты...

– Клапауций, ты либо глупец, либо глупцом притворяешься, – сказала машина. – Когда бы я сделала Ничто сразу, единым махом, перестало бы существовать все, а значит не только Трурль и небо, и Космос, и ты – но даже и я сама. И тогда кто и кому сумел бы сказать, что приказ выполнен и что я – машина действующая? А когда бы никто никому этого не сказал, то каким бы образом я, которой бы тоже уже не было, могла получить надлежащее мне удовлетворение?

– Да пусть уж, согласен, хватит об этом, – сказал Клапауций. – Уже ничего не желаю от тебя, дивная машина, об одном лишь прошу: сделай мрошек, без них мне и жизнь не мила...

– Не сумею этого, поскольку они – на «м», – сказала машина. – Конечно, я могу вновь сделать нахальство, ненасытность, незнание, ненависть, немощь, недолговечность, непокой и неверие, но на другие буквы прошу от меня ничего не ждать.

– Но я хочу, чтоб были мрошки! – заорал Клапауций.

– Мрошек не будет, – сказала машина. – Взгляни, прошу, на мир, что теперь полон огромных черных дыр, полон Ничто, которое заполняет бездонные пропасти между звездами, насколько все вокруг стало им пронизано, как оно прочитывается в каждом закоулке бытия. Это твоя вина, мой завистник! И не думаю, что грядущие поколения должны тебя за это благодарить...

– Может, они не узнают... Может, не заметят... – бормотал побледневший Клапауций, с недоверием поглядывая в пустоту черного неба и не смея взглянуть в глаза своему коллеге. Оставил того рядом с машиной, которая умела все на «н», и украдкой вернулся домой – а мир по сей день остался продырявлен Ничто – таким, каким в момент приказанной ликвидации оставил его Клапауций. А поскольку не удалось выстроить машину ни на какую иную букву, надобно опасаться, что уже никогда не будет столь чудесных явлений, как брабочки и мрошки – до скончания века.

Машина Трурля ¹⁶

Конструктор Трурль построил однажды восьмиэтажную вычислительную мыслящую машину. Закончив основные работы, он покрыл ее белым лаком, затем покрасил наугольники в лиловый цвет, присмотрелся издали и нанес небольшой узорчик на фасаде, а там, где предположительно должен быть лоб, оранжевой краской добавил еще морщинку. Весьма довольный собой, небрежно посвистывая и порядка ради, он задал машине дежурный вопрос: сколько будет дважды два?

Машина заработала: зажглись лампочки и забегали по всему контуру, шумными потоками хлынуло по цепям электричество, так, что затрещали контакты и накалились обмотки катушек, завертелось все в ней, загудело, затарахтело, загрохотало на всю округу – и Трурль понял, что придется ему изобрести для своей машины еще специальный мыслительный глушитель. А машина тем временем продолжала пыть, словно ей приходилось решать наисложнейшую во всем космосе задачу, так, что земля дрожала и шевелился песок под ногами, предохранители вылетали, как пробки от шампанского, реле работали на пределе возможностей. Трурлю уже изрядно поднадоел весь этот кавардак, как вдруг машина резко остановилась и громовым голосом выдала ответ: СЕМЬ!

– Ну-ну, моя дорогая, – снисходительно сказал Трурль, – ничего подобного – будет четыре. Будь добра, исправься и ответь мне: сколько будет два плюс два?

¹⁶ Maszyna Trurla, 1964. © Перевод. И. Клех, 2018.

– СЕМЬ! – сходу выпалила машина.

Тяжело вздохнув, Трурль с неохотой натянул опять рабочий фартук, засучил рукава и, открыв нижнюю дверцу, полез внутрь машины. Довольно долго он не выходил оттуда, и слышно было только, как он стучит по чему-то молотом, что-то откручивает, сваривает *Tuna*-яет, как бегаёт, гремя по железным ступенькам, по этажам – то на шестой, то на восьмой и опрометью опять вниз. Включил он ток, и затрещало все внутри, аж фиолетовые усы выросли у разрядников. Два часа он бился так, пока не выбрался, наконец, на свежий воздух, перепачканный весь, но довольный, вернул на место инструменты, фартук бросил наземь, вытер лицо и руки, и уже напоследок, для очистки совести разве что, повторил вопрос:

– Так сколько будет два плюс два?

– СЕМЬ! – ответила машина.

Трурль грубо выругался, да делать нечего – опять полез в машине ковыряться, чинить, рассоединять и соединять, перепаявать, переставлять местами, но когда в третий раз услышал от машины, что два плюс два равно семи, удрученно сел на нижнюю ступеньку своей машины и так и просидел, покуда не пришел Клапауций. Спросил Трурля друг, что это вид у него такой, словно он с похорон вернулся, и конструктор поделился с ним своей бедой. Клапауций сам пару раз слазил внутрь машины, пытался что-то чинить и тоже задал ей вопрос: сколько будет один плюс два? На что она ответила, что будет шесть; ну а один плюс один у нее вообще равнялось нулю. Почесал Клапауций темечко, прокашлялся и произнес:

– Друг мой, ничего не поделаешь – придется посмотреть правде в глаза. Ты сделал не ту машину, какую хотел. Однако, всякое отрицательное явление имеет также положительную сторону, что относится и к этой машине.

– Интересно, какую же это? – сказал Трурль и пнул ногой ступеньку, с которой поднялся.

– Прекрати! – отозвалась машина.

– Вот видишь, она умеет чувствовать... Да, так что я хотел сказать? Вне всякого сомнения, она дура, причем не просто дура – ее глупость, как минимум, экстраординарна! Насколько я могу судить – а тебе известен уровень моей компетенции, я же специалист в этой области, – это наиглупейшая из всех мыслящих машин на свете, и одно это дорогого стоит! Создать такую специально было бы чрезвычайно трудно, даже невозможно, думаю. Она ведь не только безграмотно тупа, но и упряма, как колода, то есть обладает характером, – а это обычно свойственно законченным идиотам, дикое упрямство которых хорошо известно.

– На черта мне такая машина?! – взвился Трурль и еще раз пнул ее.

– Прекрати, говорю тебе серьезно! – отозвалась машина.

– Ну вот, уже получил от нее серьезное предостережение? Видишь, она еще и обидчива, а не только тупа и упряма, – бесстрастно констатировал Клапауций. – Да с этой машиной, огого, можно такого добиться! Точно тебе говорю.

– Ну и что мне с ней теперь делать, по-твоему? – спросил Трурль.

– Хм, так сходу мне трудно ответить... Скажем, ты мог бы устроить выставку с продажей билетов и презентацией для всех желающих увидеть и познакомиться с самой глупой мыслящей машиной в мире. Сколько в ней этажей – восемь? Да такого здорового кретина свет еще не видывал! Такая выставка не только бы покрыла все твои расходы, но и...

– Оставь меня в покое, не стану я устраивать никакой выставки! – рассердился Трурль и, не в силах сдержаться, подскочил и снова пнул свою машину.

– Делаю тебе третье последнее предупреждение! – изрекла машина.

– А то что будет?! – вскричал Трурль в бешенстве от величественного тона угрозы. – Да ты... ты... – не найдя подходящего слова, он принялся пинать ее, визжа, – ...только для пинков ты и годишься, поняла?!

– Четвертое, пятое, шестое, восьмое оскорбление, – считала вслух машина. – Все, я прекращаю счет и отказываюсь отныне отвечать на любые вопросы из области математики.

– Она отказывается, поглядите на нее! – неистовствовал уязвленный Трурль. – После шестерки у нее идет восьмерка, а не семерка, – как тебе это нравится, Клапауций?! И она еще имеет бесстыдство, не умея даже считать, заявлять о своем отказе решать математические задачи!! Вот тебе! Вот тебе! Может, еще добавить?!

В ответ на это машина задрожала, затряслась, загрохотала и без единого слова стала выбираться из фундамента, в котором сидела достаточно глубоко. Не без труда ей удалось вытащить покореженные опоры своей конструкции из железобетона, с торчащей рваной арматурой, и выбраться из котлована. Подобно шагающей крепости, она двинулась на конструкторов. Остолбнев от такого зрелища, Трурль даже не предпринял попытки скрыться от машины, которая явно собиралась его раздавить. Не утративший самообладания Клапауций схватил его за руку и бегом потащил за собой. Отбежав подальше, друзья обернулись. Машина, пошатываясь, как высокая башня, двигалась медленно, проваливаясь по первый этаж на каждом шагу в песчаный грунт, но неуклонно приближалась.

– Ну такого еще на свете не бывало, – задыхаясь, выговорил Трурль, – машина взбунтовалась! Что нам делать?

– Ждать и смотреть, – рассудительно ответил Клапауций. – Может, что-то прояснится.

Ничто этого пока не предвещало. Выбравшись на твердый грунт, машина двинулась быстрее. Внутри нее посвистывало что-то, сипело и побрякивало.

– Сейчас распаяются контакты и расстроится программа, – буркнул Трурль, – она начнет разваливаться и остановится...

– Ну нет, – возразил Клапауций, – она так глупа, что даже расстройство всей системы управления ее не остановит. Гляди, она... Бежим!

Машина явно ускоряла ход, чтобы нагнать их и раздавить. Поэтому друзья бросились со всех ног, слыша за спиной размеренное жуткое топанье. А что им оставалось делать? Они попробовали было вернуться назад в знакомые места, но машина пресекла эту попытку, обходя с фланга вытесняя их во все более пустынную местность. Показались уже вдаль скалистые мрачные горы, подернутые дымкой. Задыхаясь, Трурль прохрипел:

– Давай скроемся в каком-нибудь ущелье... куда ей, проклятой, не пробраться... Что думаешь?

– Пока бежим... – тоже задыхаясь, ответил Клапауций, – вперед... где-то здесь... не помню, как называется... должно быть место, где сможем укрыться... оуп!..

Так они бежали все вперед и вперед, пока не добежали до первых жилищ у подножия гор. В это время дня на улочках никого не было видно. Не встречая ни души, они пробежали уже половину селения, когда донесся до них ужасающий звук, похожий на сход каменной лавины, давая знать, что преследующая их машина достигла городка. Обернувшись на бегу, Трурль завопил:

– Силы небесные! Клапауций, она топчет их дома!

И действительно, стальная машина шла напролом, круша стены домов и оставляя за собой руины в клубах кирпичной и известковой пыли. Послышались душераздирающие крики погребенных под развалинами, и на улицы высыпали те, кто уцелел. Задыхаясь, Трурль с Клапауцием продолжали свой бег, пока не очутились перед высоким зданием ратуши – и тут же скатились по ступеням лестницы в глубокий подвал.

– Ну здесь-то она нас не достанет, даже если обрушит на наши головы все здание! – прохрипел с облегчением Клапауций. – Черт меня дернул зайти к тебе в гости!.. Любопытно стало, как продвигается твоя работа – и вот пожалуйста!..

– Тише, сюда кто-то идет... – прошептал в ответ Трурль.

Вскоре дверь наверху отворилась, и в подземелье к ним спустился бургомистр собственной персоной с небольшой свитой. Трурль постыдился объяснять, что послужило причиной столь неординарного и безобразного вторжения, и на помощь ему пришел Клапауций. Бурго-

мистр молча выслушал его – и тут своды подземелья дрогнули, ходуном заходил пол, и донесся протяжный грохот обрушения стен наверху.

– Она уже здесь?! – вскричал Трурль.

– Да, – ответил ему бургомистр. – И она требует вас выдать, иначе грозит сравнять с землей наш городок...

И вслед за этим послышалось откуда-то сверху гнусавое, со стальными обертонами, гоготанье машины:

– Где-то здесь Трурль... Я его чую...

– Но вы же нас не выдадите? – дрожащим голосом спросил тот, чьей выдачи как раз требовала машина.

– Тот, кого зовут Трурль, должен отсюда выйти. Второй может остаться, поскольку ультиматум его не касается...

– Но смилуйтесь!

– Мы бессильны, – ответил бургомистр. – Даже если бы ты здесь остался, Трурль, тебе пришлось бы ответить за причиненный нашему городу ущерб, ибо по твоей вине эта машина разрушила шестнадцать домов и погребла под их развалинами множество жителей. Только потому, что тебя и так ждет смерть, я готов тебя отпустить – иди и не возвращайся!

Трурль взглянул на лица его свиты и, прочтя на них приговор себе, медленно стал подниматься по лестнице.

– погоди, я с тобой! – воскликнул Клапауций.

– Со мной? – неуверенно спросил Трурль. Помолчал и сказал: – Нет, останься, так будет лучше... Зачем тебе погибать ни за что...

– Идиотизм! – энергично заявил Клапауций. – С какой это стати – погибать нам по прихоти какой-то железной кретинки? Тоже мне дело! Кишка тонка у нее, стереть с лица земли двух величайших конструкторов – за мной, Трурль, смелее!

Воодушевленный этими словами Трурль взбежал по ступеням вслед за Клапауцием. На площади перед ратушей не было ни души. Посреди клубящейся пыли виднелись только остовы разрушенных домов, и возвышалась над ратушей и пыхла паром машина, испачканная кирпичной кровью стен и припорошенная белой пылью.

– Слушай, – сказал шепотом Клапауций, – она нас пока не видит! Давай в первую улочку слева, затем направо и пулей в горы – они уже недалеко! Там укроемся и придумаем как быть, чтобы ей раз и навсегда расхотелось... Бегоом! – крикнул он. Потому что машина заметила их уже и двинулась на них, так что земля затряслась.

Мчась, что есть духу, они выбежали за пределы городка и пробежали так целую милю, слыша за собой громовую поступь упорно их преследующего колосса.

– Я знаю одно ущелье там! – прокричал на бегу Клапауций. – Это русло высохшего потока посреди скал, где множество пещер. Скорей туда, там ей нас не достать!..

И они помчались скорей к ближайшей горе, спотыкаясь и размахивая руками для удержания равновесия, однако машина не отставала от них ни на шаг. Прыгая по шатким камням пересохшего потока, они добрались, наконец, до узкой расщелины в скалах и, увидев высоко над головой чернеющий зев пещеры, стали карабкаться вверх по выскальзывающим из-под ног и осыпающимся вниз камням что есть мочи. Большое отверстие пещеры манило беглецов прохладой и темнотой. Добравшись до него, они как можно скорей забежали внутрь и, пробежав еще немного вглубь, остановились.

– Ну, здесь мы в безопасности, – сказал Трурль, слегка успокоившись. – Выгляну-ка, где она там застряла...

– Будь осторожен, – предупредил его Клапауций.

Трурль подкрался к входу в пещеру, высунулся наружу и сразу испуганно отпрянул:

– Она лезет вверх!!

– Успокойся, сюда-то ей точно не пролезть, – не очень уверенно отозвался Клапауций. – Что такое?? Кажется, потемнело... Ох!

Огромная тень заслонила клочок неба, видневшийся из пещеры, и вместо него показалась на миг клепаная стена железной машины, прильнувшей к входу в пещеру и наглухо ее закупорившей, словно металлической крышкой.

– Мы заперты!.. – дрожащим голосом прошептал Трурль в наставшей полной темноте.

– Какой же это был идиотизм с нашей стороны! – возмущенно вскричал Клапауций. – Забраться в пещеру, где она способна нас запереть. Как мы только могли такое допустить?!

– Как думаешь, на что она рассчитывает? – помолчав, спросил Трурль.

– Она ждет, что мы захотим отсюда выбраться, для этого не надо большого ума.

Наступило молчание. В кромешной темноте Трурль, вытянув вперед руки, подкрался на цыпочках к выходу из пещеры и шарил по скале руками, пока не коснулся гладкой теплой стали, словно нагретой изнутри...

– Чую тебя, Трурль!.. – гулко раздался металлический голос в замкнутом пространстве пещеры.

Трурль отпрянул и вернулся назад. Какое-то время друзья сидели рядышком на камне, ничего не предпринимая. Наконец Клапауций шепотом сказал:

– Ничего мы так не высидим, положение безвыходное. Попробую с ней договориться...

– Это безнадежно, – ответил Трурль, – но попробуй, может, хотя бы тебя она согласится отпустить...

– Да нет же, не о том речь! – подбодрил друга Клапауций и, приблизившись к невидимому в темноте выходу, громко прокричал:

– Эй, ты нас слышишь?

– Слышу, – ответила машина.

– Послушай, я хочу перед тобой извиниться. Понимаешь... между нами возникло небольшое недоразумение, но это такая ерунда, по сути. Трурль совсем не хотел...

– Я уничтожу Трурля! – заявила машина. – Для начала пусть он ответит мне на вопрос, сколько будет два плюс два?

– Ну, конечно, он ответит тебе. Ответит так, что ты будешь совершенно удовлетворена и помиришься с ним, не так ли, Трурль? – сказал переговорщик умоляюще.

– Да, наверное... – отозвался тот едва слышно.

– Вот как? – сказала машина. – Ну и сколько же будет два плюс два?

– Чет... нет – семь то есть... – еще тише вымолвил Трурль.

– Ха-ха! Не четыре, значит, а семь – ведь так? – прогудела машина. – Вот видишь!

– Семь, ясное дело, что семь, и всегда было семь! – радостно затараторил Клапауций. И осторожно добавил: – Теперь ты нас выпустишь?

– Нет. Пускай Трурль еще скажет, что он очень сожалеет, и ответит мне, сколько будет дважды два?

– И ты отпустишь нас, если я отвечу? – спросил Трурль.

– Не знаю, еще подумаю. Ты мне условий не выставляй, а отвечай: сколько будет дважды два?

– Ты, и правда, нас выпустишь? – опять спросил Трурль, как ни дергал его за руку Клапауций, шепча на ухо: «Она идиотка, идиотка, не перечь ей, умоляю!..»

– Не выпущу, если мне этого не захочется, – ответила машина. – Но ты все равно мне скажешь, сколько будет дважды два...

И тут Трурля охватил приступ ярости.

– О, я скажу тебе, скажу! – закричал он. – И два плюс два, и дважды два – будет четыре и только! Хоть ты на голову стань, хоть эти горы в порошок сотри, небо собой закрой, море выпей, – а чтоб ты подавилась! – слышишь, все равно дважды два будет четыре!

– Трурль, ты с ума сошел! Что ты несёшь? Два плюс два – это семь! Машина, дорогая, семь! Семь! – орал Клапауций, пытаясь перекричать приятеля.

– Нет! Четыре! Четыре и только, испокон веков и до скончания света, ЧЕТЫРЕ! – истошно вопил в ответ Трурль.

И тут скалу под их ногами сотрясла дрожь – это машина резко отпрянула от входа в пещеру, так что внутрь проник тусклый свет, и издала протяжный крик:

– Неправда! Семь! И ты сейчас же это подтвердишь, как только я до тебя доберусь!

– Ни за что! – парировал Трурль, словно ему уже было все равно.

После чего на головы друзей с потолка градом посыпались камни. Это машина принялась раз за разом таранить вход в пещеру, всей своей восьмиэтажной тушей ударяя с размаха и круша скальный монолит, отлетавшие куски которого с грохотом скатывались на дно ущелья.

Непрестанный грохот и удушливая каменная пыль, пополам с искрами от ударов стали о скалу, наполнили всю пещеру. Но и в адской канонаде предпринятого машиной штурма пробивался временами голос Трурля, без усталости оравшего:

– Два плюс два – четыре! Четыре!

Клапауций безуспешно пытался заткнуть ему рот, но был отброшен с такой силой, что, схватившись руками за голову, уселся на пол и замолчал. А машина все не оставляла своих дьявольских усилий, и уже казалось, что вот-вот своды пещеры обрушатся на пленников, раздавят их насмерть и погребут навеки. Когда в пещере нечем стало дышать от густой едкой пыли, и надежды на спасение не оставалось, раздался вдруг жуткий скрежет, и послышался оглушительный раскат грома, превзошедший грохот от бешеных ударов железа о камень. Это заслонявшая свет огромная черная тень ухнула вниз, так, что воздух завыл, как если бы сдул ее со стены налетевший вихрь, вызвав оглушительный сход каменной лавины.

Эхо грома еще гуляло по ущелью, отражаясь от стен, когда два приятеля, подбежав к отверстию пещеры и высунувшись по пояс, увидели лежащую внизу машину, разбитую и придавленную скальным обвалом, который она сама же и вызвала. Один огромный камень переломил ее восьмиэтажный корпус почти пополам.

В плотном облаке висевшей в воздухе каменной пыли друзья осторожно спустились по завалам. Чтобы достичь русла высохшего потока, им пришлось пробираться мимо остова огромной машины, похожей на жертву кораблекрушения. Не стовариваясь, они задержались у ее продавленного бока и постояли. Машина еще слабо подергивалась, внутри нее продолжало что-то крутиться и постукивать, понемногу затихая.

– Ну и вот твой бесславный конец, а дважды два, по-прежнему... – начал было Трурль. Но тут в машине что-то еще зажужжало, и она в последний раз, уже неразборчиво и еле слышно, пробормотала: «СЕМЬ...»

Потом у нее внутри что-то разлетелось со звоном, посыпались камни с корпуса, и она замерла, превратившись окончательно в груды металлолома. Конструкторы взглянули друг на друга и, не проронив ни слова, стали выбираться оттуда.

Большая трепка ¹⁷

Некто постучал в дверь конструктора Клапауция, а когда тот приоткрыл дверь и выставил голову на улицу, то увидел пузатую машину на четырех коротких ногах.

– Кто ты и чего хочешь? – спросил он.

– Я Машина Исполнения Желаний, и прислал меня твой друг и великий коллега Трурль как подарок.

¹⁷ Wielkie lanie, 1964. © Перевод. С. Легеза, 2018.

– Как подарок? – сказал Клапауций, чьи чувства к Трурлю были довольно смешаны – и особенно не понравилось ему, как машина назвала Трурля «великим коллегой». – Ну ладно, – решил он после короткого размышления. – Можешь войти.

Приказал ей стать в углу подле печи и, притворно не обращая на нее внимания, вернулся к прерванной работе. Строил он куполообразную машину на трех ногах. Та была почти готова, осталось лишь ее отполировать. Через некоторое время Машина Исполнения Желаний отозвалась:

– Напоминаю о своем присутствии.

– Я о нем не забыл, – сказал Клапауций и продолжил делать свое.

Через минуту машина отозвалась:

– Можно узнать, что ты делаешь?

– Ты Машина Исполнения Желаний или Задавания Вопросов? – сказал Клапауций и добавил: – Мне нужна синяя краска.

– Не знаю, будет ли нужного тебе оттенка, – ответила машина, выдвигая через дверку в животе банку краски. Клапауций открыл ту, без слова окунул кисточку и принялся красить. До вечера пожелал – по очереди – наждак, карборунд, сверло и белую краску, а еще болты, и всякий раз машина тотчас давала ему, чего он желал. Под вечер он накрыл сооружаемый прибор куском полотна, поел, уселся напротив машины на небольшом трехногом табурете и сказал:

– Теперь посмотрим, что ты умеешь. Говоришь, что можешь сделать все?

– Не все, но многое, – скромно ответила машина. – Остался ли ты доволен краской, болтами и сверлом?

– Конечно, конечно! – ответил Клапауций. – Но теперь-то я пожелаю куда более сложную вещь. Если не сделаешь ее, то отошлю тебя к твоему хозяину с соответствующей благодарностью и мнением.

– И что же тебе нужно? – спросила машина и переступила с ноги на ногу.

– Трурль, – пояснил Клапауций. – Ты должна сделать мне Трурля, в точности как настоящего. Чтобы никто не отличил одного от другого!

Машина помурчала, побурчала, пошумела и сказала:

– Хорошо, сделаю тебе Трурля, но обходишь с ним осторожно, ибо он великий конструктор!

– Ах, разумеется, ты можешь быть спокойна, – ответил Клапауций. – Ну и где же этот Трурль?

– Что? Вот так сразу? Это ведь не абы что, – сказала машина. – Тут нужно немного времени. Трурль – это не болты с лаками.

Но она на удивление быстро затрубила, зазвонила, в животе ее отверзлись большие дверки, и из темного нутра вышел Трурль. Клапауций встал, обошел его, приглядываясь к нему вблизи, тщательно его ощупал и обстучал, но никакого сомнения быть не могло – перед ним стоял Трурль, как две капли воды схожий с оригиналом. Трурль, что вышел из брюха машины, щурился от света, но в остальном вел себя совершенно обычно.

– Привет, Трурль! – сказал Клапауций.

– Привет, Клапауций! Но откуда же я тут, собственно, взялся? – ответил явно удивленный Трурль.

– А, так, просто зашел... Давно я тебя не видел. Как тебе у меня нравится?

– Весьма, весьма... А что там у тебя под брезентом?

– Ничего особенного. Может, сядешь?

– Ох, кажется мне, что уже поздно. На улице темно, пойду-ка я, пожалуй, домой.

– Не так быстро, не так скоро! – запротестовал Клапауций. – Пойдем сперва в подвал, увидишь кое-что интересное...

– И что же такого есть у тебя в подвале?

– Еще этого нету, но сейчас оно там окажется. Пойдем, пойдем...

И, похлопывая его, провел Клапауций Трурля в подвал, а там подставил ему подножку, а когда тот упал, связал его, да принялся охаживать толстой палицей, как стог на току. Трурль орал немилосердно, звал на помощь, и то ругался, то просил пощады, но ничего не помогало: ночь была темна и пуста, а Клапауций продолжал дубасить его, аж пыль столбом стояла.

– Ой! Ай! Зачем же ты меня так бьешь?! – кричал Трурль, уклоняясь от ударов.

– Потому что мне это приятно, – пояснил Клапауций и замахнулся. – Вот этого ты еще не пробовал, мой Трурль!

И ударил его по голове так, что та загудела, словно пустая бочка.

– Пусти меня немедленно, а не то я пойду к королю и расскажу, что ты со мной делал, – и тот-то бросит тебя в подземелья!!! – кричал Трурль.

– Ничего он мне не сделает. А знаешь почему? – спросил Клапауций и уселся на лавке.

– Не знаю, – сказал Трурль, радуясь, что в битье наступил перерыв.

– Потому что ты не настоящий Трурль. Он сейчас у себя, построил Машину Исполнения Желаний и прислал ее мне в подарок, а я, чтобы испытать ее, приказал ей создать тебя! Теперь я откручу тебе голову, поставлю под моей кроватью и стану пользоваться ее как рожок для стягивания ботинок!

– Ты чудовище! Почему ты желаешь так поступить?!

– Я тебе уже сказал: потому что мне это доставит удовольствие. Но хватит пустой болтовни! – Говоря это, Клапауций ухватился за палицу двумя руками, Трурль же принялся кричать.

– Перестань! Сейчас же перестань! Скажу тебе кое-что важное!

– Интересно, что же такое ты можешь мне сказать, что удержит меня от того, чтобы использовать твою голову как рожок для обуви, – ответил Клапауций, но бить его перестал. Трурль же крикнул:

– Я вовсе не Трурль, сделанный машиной! Я настоящий Трурль, истиннейший в мире, и хотел лишь узнать, что ты так долго делаешь, затворившись в четырех стенах! Оттого я построил машину, спрятался в ее животе и приказал ей отнести себя к твоему дому под предлогом, что она – мой тебе подарок!

– Вот так историю ты выдумал, заслушаться просто! – сказал Клапауций и, встав, покрепче стиснул тот конец палки, что был потолще. – Можешь не напрягаться, я твою ложь насквозь вижу. Ты – Трурль, сделанный машиной, она выполняет все мои желания, благодаря ей я получил болты и белую краску, а еще синюю, сверла и другие вещи. Если смогла она создать то, сумела бы сделать и тебя, любезный мой!

– Все это было готовым у нее в животе! – крикнул Трурль. – Легко было предвидеть, что тебе понадобится за работой! Клянусь, что я говорю правду!

– Будь это правдой, означало бы это, что мой друг, великий конструктор Трурль, обычный обманщик – а в такое-то я никогда не поверю! – ответил Клапауций. – Вот тебе!

И приложил его с размаху через спину.

– Это за клевету на моего друга Трурля! Вот тебе еще!

И добавил с другой стороны. Потом бил его еще, мутузил и лупил, пока не устал.

– Пойду-ка я вздремну ненадолго, отдохну слегка, – пояснил и отбросил палку. – А ты погоди, скоро я вернусь...

Он шел, и скоро по всему дому раздалась звуки его храпа. Трурль аж извертелся в путях, но ослабил узлы, побежал потихоньку наверх, влез внутрь машины и скоренько рванул в ней домой. Клапауций же, посмеиваясь в кулак, следил из оконца верхнего этажа за его бегством. Назавтра отправился к Трурлю с визитом. Тот впустил его в комнату, мрачно помалкивая. В комнате царил полумрак, но Клапауций заметил, что корпус и голова Трурля носят следы

большой трепки, ему устроенной, хоть и заметно было, что Трурль немало потрудился, выклепывая и выпрямляя нанесенные ударами вмятины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.